

к 20

ПУТЕШЕСТВИИ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

А. Б. Каплан

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

63 3(0)57
9(14)81
к 20

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.Б.Каплан

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

ФРАНЦУЗЫ В ИНДИИ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

128304
005

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель),
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Н. А. Симония*

Ответственный редактор
Л. Б. Алаев

Каплан А. Б.

К13 Путешествие в историю. Французы в Индии. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1973.

224 с. («Путешествия по странам Востока»)

Книга посвящена одному из важных периодов истории колониализма XVIII века — англо-французской борьбе за Индию. Автор рассказывает о кратковременных успехах французской колониальной политики в Индии и о ее крахе, показывает, что, несмотря на способности отдельных представителей французской колониальной администрации, французская абсолютная монархия в борьбе с буржуазной Англией была обречена на поражение. Исторический материал изложен в форме биографий политических деятелей.

К 0163-2135—85-73
042(62)-73

9(М)31

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

Борьба Англии и Франции за господство над Индией в XVIII в. — сравнительно малоизвестный эпизод в истории. Но рассказ о событиях, связанных с англо-французским соперничеством, поможет читателю наглядно представить отдельные страницы прошлого колониализма, тем более что история Французской Индии мало изучена в советской науке (эта тема затронута в работе Е. В. Тарле «Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств»).

Известный советский индолог К. А. Антонова в своих работах подробно останавливается на англо-французском соперничестве в Индии. Ей принадлежит исследование «Англо-французская борьба за Индию и роль государства Майсор в 1769—1784 гг.», освещающее последний период истории англо-французской борьбы за Индию, мало изученный во Франции. В работе, посвященной английскому завоеванию Индии, К. А. Антонова весьма подробно останавливается на событиях, связанных с англо-французским соперничеством, дает четкую характеристику основных этапов французской колониальной политики в Индии.

Единственной специальной монографией, посвященной интересующей нас теме, является книга профессора Н. И. Радцига «Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722—1754». Эта книга представляет собой биографию генерал-губернатора Французской Индии Дюплекса¹. Используя большую литературу на разных языках, Н. И. Радциг в основу своей работы взял многотомное исследование французского историка Мартино «Дюплекс и Французская Индия». Действительно, монография Мартино —

¹ В русской литературе встречается различное написание этого имени — Дюплекс и Дюпле. Мы употребляем написание, принятое в «Советской исторической энциклопедии».

фундаментальный труд по истории французов в Индии, и мимо него не может пройти ни один историк, занимающийся этой проблемой. Но этот труд обрывается 1754 годом, годом отставки генерал-губернатора Дюплекса. Мартино сам некоторое время был генерал-губернатором крошечной Французской Индии в начале XX века. Он сделал попытку подробнейшим образом рассказать о жизни и времени своего далекого предшественника. Пяти томный труд Мартино является, по существу, подробной сводкой фактов, собранных на основе изучения тысяч документов, которые хранятся в архивах Франции и Индии. Автор почти не вмешивается в изложение фактов, стремясь избежать какой-либо тенденциозности, но это ему не всегда удается; вольно или невольно Мартино остается пристрастным к своему герою.

Н. И. Радциг, талантливо изложивший в небольшой книге биографию Дюплекса, во многом следует настроению Мартино. Он концентрирует внимание на личности Дюплекса, не уделяя достаточного места другому крупному деятелю Французской Индии — Бюсси. По нашему мнению, роль Бюсси в истории англо-французского соперничества в Индии не менее важна, чем роль Дюплекса. Отнюдь не идеализируя Бюсси, который прежде всего был дисциплинированным офицером французских войск и ревностно служил интересам французской колониальной политики, укажем, что все же он не был похож на типичных колонизаторов своего времени, для которых захваты чужих земель являлись главной жизненной целью. Представляется не случайным, что видные индийские ученые, занимающиеся историей Индии XVIII века, в своих работах высказывают явную симпатию к Бюсси².

Следует остановиться на одной особенности зарубежной буржуазной историографии. Ни Мартино, ни предшествующие и последующие историки не уделяли большого внимания индийскому народу, его жизни, его

² См.: J. Sarkar, *Fall of the Mughal Empire*, Calcutta, vol. 2, 1950, стр. 244; S. P. Sen, *The French in India. 1763—1816*, Calcutta, 1958, стр. 412—415.

Одной из последних работ Мартино явилась биография Бюсси, поскольку огромный материал, поднятый историком в предшествующей работе о Дюплексе, свидетельствовал о Бюсси как о ведущей фигуре колониальной Индии XVIII в.

страданиям. Лишь по мере необходимости при изложении материала встречаются редкие упоминания об индийских носильщиках, сопровождавших войска, о крестьянах, с которых собирали налоги. Индийские военные наемники — сипаи упоминаются чаще как непосредственные участники событий, но о них говорится очень мало. Мемуары современников, также обычно скудные на описания жизни индийского народа, содержат все же кое-какие сведения на этот счет.

* * *

Позволим себе коснуться нескольких событий и фактов прошлого Индии, чтобы затем приступить к рассказу о попытках французов завоевать Индию.

В конце XVII века на территории Индии было, по одним подсчетам, 100 миллионов, по другим — 150 миллионов жителей. Но это население не составляло единого народа. Народности, населявшие Индию, — бенгальцы, маратхи, тамилы, телугу, каннара и другие, чаще видели друг в друге чужеземцев, чем соотечественников. Но и каждая народность была разделена на замкнутые социально-этнические группы — касты. История каст уходит в далекое прошлое, но на протяжении тысячелетий проявляется их жизнеспособность.

Средневековые касты произошли из древнеиндийских варн. Таких варн насчитывалось четыре. К самой привилегированной из них принадлежали жрецы-брахманы. Вторую по значению варну составляли кшатрии-воины. Менее привилегированной варной являлась та, члены которой именовались вайшьи; это были кушцы, торговцы, а также часть ремесленников и крестьян. Самой низкой варной считалась варна шудр, к ней принадлежали закабаленные крестьяне и ремесленники. Часто их положение можно охарактеризовать как полурабское или даже рабское. Вне варн находился наиболее презираемый слой индийского общества — неприкасаемые.

В Индии было великое множество каст. Отдельные из них могли расчленяться или, наоборот, сливаться воедино, менять свое место в кастовой иерархии. В средние века, да и в новое время, каждый индиец прежде всего осознавал себя членом касты. Касты в ряде случаев защищали своего члена от внешних опасностей, но они же закрепляли взаимную изоляцию, увековечи-

вали привилегии одних и унижение других, содействовали массовому равнодушию к судьбам своей страны.

К. Маркс писал: «Страна, где существует рознь не только между мусульманами и индусами, но и между одним племенем и другим, между одной кастой и другой; общество, весь остов которого покоится на своего рода равновесии, обусловленном всеобщим взаимным отталкиванием и органической обособленностью всех его членов,— разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя?»

Даже среди индийских мусульман, чья религия провозглашает равенство всех людей перед богом, возникали своеобразные касты. Сейиды (так называют людей, считающихся потомками пророка Мухаммеда и первых арабских халифов) являлись самыми знатными мусульманами. Они занимали в мусульманской кастовой иерархии место, близкое по значению к привилегированным брахманским кастам в индийском обществе. Среднеазиатские и иранские феодалы, оседавшие в Индии, образовывали своего рода касту моголов и фактически были самой высшей из военных каст. Конечно, понятие «мусульманская каста» весьма условно. Кастовость приверженцев ислама — лишь некоторое подобие кастового строя, освященного индуистской религией. Но распространенность кастовых обычаев у индийских мусульман и есть доказательство устойчивости такого явления, как каста.

Отношение между мусульманской и индуистской религиями было сложным. Наряду с взаимной враждой наблюдалось и взаимное влияние, ведь четверть населения Индии исповедовала ислам.

Начиная с 1000 года нашей эры Индия периодически подвергалась нашествиям с севера. Разноплеменные исламские армии проникали все далее в глубь полуострова. На протяжении веков на территории Северной и Центральной Индии возникали и гибли, сменяя друг друга, мусульманские султанаты. В XVI веке на этой земле появилась новая держава. Ее основатель — среднеазиатский эмир Бабур был потомком крупнейших монгольских завоевателей: по материнской линии — Чингисхана, по отцовской — Тимура. В 1526 году Бабур захватил Дели и провозгласил себя императором. Индийцы называли его Великим Моголом (искаженное

«монгол»). Наиболее распространенным названием государства, в котором правили потомки Бабур, стало — держава Великого Могола.

Внук основателя империи Бабур Великий Могол Акбар даже попытался создать единую синтетическую религию для всей страны. Враждебность и равнодушие индустов, отчужденность многочисленных сект и, наконец, религиозный фанатизм правоверных мусульман стали непреодолимым препятствием на пути объединительной политики Акбара. После его смерти нетерпимость мусульман к другим религиям даже усилилась. Стремление Акбара покончить с религиозными распрями отражало централизаторскую политику Великих Моголов, ей противостояла центробежная тенденция феодалов, стремившихся закрепить раздробленность страны. Характерно, что в борьбе за свои классовые привилегии объединялись феодалы различных религий и каст.

Наиболее распространенным видом крупного феодального землевладения в Индии был джагир. Великий Могол — верховный земельный собственник предоставлял своим феодалам большие земельные владения во временное пользование (в некоторых случаях они превышали 50 тысяч гектаров). Такое земельное владение и называлось джагиром. Джагирдар — временный хозяин джагира — иногда владел им всего несколько лет. Каждый джагирдар должен был на средства, собранные со своих владений, содержать войско. Система джагиров на первых порах сдерживала феодальную раздробленность и даже содействовала расширению Могольского государства, но она же содействовала росту эксплуатации крестьян и ремесленников, ибо джагирдары всегда стремились получить побольше доходов из своего кратковременного владения. Наряду с джагиром в Индии существовала и феодальная собственность на землю. Феодальные собственники — заминдары не обладали такими огромными угодьями, как джагирдары. Впоследствии джагир постепенно стал наследственным. Превращение джагирдаров в наследственных собственников во многом обусловило распад Могольской империи в XVIII веке.

Сельские жители составляли подавляющее большинство населения Индии. Крестьяне жили общинами. Индийская община, как правило, состояла из одной деревни. Большинство деревень походили друг на друга.

В центре — храм и главная площадь, здесь также находились кварталы чистых каст — брахманов, купцов, земледельцев, ткачей. За пределами основной территории деревни жили люди, принадлежавшие к более низким кастам, их поселки — черри были расположены на отшибе. Наиболее удаленными черри являлись поселки неприкасаемых.

Индийская община себя кормила, одевала и даже снабжала предметами роскоши. Судьба каждого человека в ней была predetermined до его рождения, и сын брахмана становился брахманом, сын земледельца — земледельцем, сын презренного брадобрея — брадобреем. Даже сын вора должен был оставаться вором.

Консерватизм индийской общины усиливался тем, что разделение труда было закреплено кастовым строем. «Эти маленькие общины, — указывал Маркс, — носили на себе клеймо кастовых различий и рабства». Даже среди неприкасаемых существовали кастовые различия: члены высших неприкасаемых каст отказывались пить воду из одного колодца с низшими. Неприкасаемые находились в полурабском состоянии и считались собственностью общины. Индийская община развивалась крайне медленно, но при многовековом разделении труда сохранялся опыт поколений. Крестьяне, пользуясь довольно примитивными сельскохозяйственными орудиями, благодаря трудолюбию, бережному отношению к природе, развитой оросительной системе добивались весьма высоких урожаев. Ремесленники — ткачи, красильщики, отбельщики, ювелиры и т. д. были виртуозами своего дела. Многие ремесленники жили в городах, столицах феодальных княжеств.

Как бы ни был консервативен характер индийской общины, она изменялась под влиянием общественного развития. Феодализация Индии усиливалась. Общинная верхушка превращалась в мелких феодалов, эксплуатировавших остальных общинников. Росли потребности крупных и средних феодалов. В XVI и XVII веках в Индии довольно быстро развивались товарно-денежные отношения, складывались экономические связи между отдельными районами. Усиливалось влияние торговых и ростовщических каст.

К середине XVII века Могольская империя включала в себя всю Северную, Восточную и Центральную Индию. Только на юге страны сохранились два крупных

мусульманских султаната — Биджапур и Голконда — и несколько независимых индусских княжеств — Танджур, Мадура, Майсур и т. д. Юго-восточная часть полуострова называлась Карнатик.

В 1658 году Великим Моголом стал Аурангзеб — хитрый, жестокий и подозрительный человек. Он захватил трон силой, убив своих трех братьев и заточив в темницу отца.

На первый взгляд кажется, что царствование Аурангзеба было периодом апогея державы Великих Моголов (завоевана почти вся Индия, в том числе и Голконда, славившаяся на весь мир своими алмазами). На самом деле пятидесятилетнее правление Аурангзеба — медленная прелюдия к распаду империи. Император, фанатичный мусульманин, ненавидел все остальные религии. Люди, исповедовавшие индуизм, оказались в крайне униженном положении. Аурангзеб ввел тяжелые налоги для трех четвертей населения страны, по его приказу разрушались древние храмы, сжигались деревни и города непокорных. Дж. Неру в книге «Открытие Индии» писал, что Аурангзеб повернул стрелку часов истории назад. Но окончательно изменить ход времени фанатичный император не мог: его жестокая политика способствовала развитию народных движений. Наибольшую опасность для державы Великих Моголов представляли маратхи — воинственный и свободолюбивый народ, обитавший на западе полуострова. Восстание возглавил талантливый полководец Шиваджи. Легкая кавалерия маратхов была неуловима. Неповоротливое могольское войско оказалось бессильно уничтожить маратхскую когницу. На протяжении пятидесяти лет Аурангзеб вел войны с маратхами, он разрушал их города, сжигал деревни, но сломить сопротивление не смог. Наряду с маратхами против государства Великого Могола выступали и другие силы: мощная секта сикхов в Пенджабе, воинственная каста джатов в районе Дели, раджпуты в Центральной Индии. Все эти восстания также не были окончательно подавлены.

Армии Аурангзеба совершали карательные походы, опустошали страну. Могольские военачальники и джигирдари отправлялись на войну вместе со своими гаремами и слугами. Племенные солдаты также тащили за собой семьи и палатки. К войску присоединялись ремесленники, торговцы, бродячие астрологи, факиры —

таким образом в 300-тысячной армии могло оказаться только 100 тысяч боеспособных воинов. Вся эта хаотическая масса людей, медленно двигаясь, оставляла после себя пепел и руины. Многие знатные военачальники предпочитали длительную бессмысленную войну пребыванию при дворе императора, где они всегда могли навлечь на себя гнев подозрительного монарха.

Аурангзеб чувствовал себя самодержцем лишь в своей ставке. Во всех районах огромной империи царил голод, разруха и недовольство. Императору приходилось идти на уступки крупным феодалам, он уже не противился, как правило, наследственной передаче джагиров, которые превращались из временных держаний в постоянные. Он был вынужден мириться с фактически бесконтрольным правлением своих губернаторов-субадаров (или субабов), довольствуясь лишь получением от них денег. В могольских армиях служили наемниками ненавистные ему маратхи. И хотя к концу правления Аурангзеба территория империи достигла огромных размеров (императору формально принадлежала вся Индия, за исключением крайнего юга), держава Великих Моголов была неизлечимо больна.

Между тем к концу XVII в. европейцы прочно обосновались на берегах Индии. Первыми пришли в страну португальцы. Еще в 1498 году флот португальского адмирала Васко да Гамы появился у западного побережья полуострова Индостан, морской путь из Европы в Индию был открыт. Через десять лет португальцы уже хозяйничали в Индийском океане. Они организовали морскую блокаду Индии, грабили индийские и арабские купеческие корабли, нападали на прибрежные селения.

На смену откровенному пиратству пришла упорядоченная колониальная система, основателем которой стал наместник короля д'Албукерки. В 1510 году он овладел городом Гоа, который стал резиденцией португальцев. Вооруженные бомбардами и аркебузами, португальские солдаты захватили многие приморские пункты на побережье, и к середине XVI века цепь из колоний опоясывала весь субконтинент: на западном (Малабарском) побережье — Каликут, Гоа, Диу, Даман и др., на восточном (Коромандельском) побережье — Транкабар, Негапатан, Сен-Томе, в Бенгалии — Хугли, Дакка, Читагонг. Быстро вырастали крепостные окружения портов, из бойниц грозно глядели жерла пушек. На захва-

ченых землях население обращалось в католицизм, с 1560 года здесь начала действовать инквизиция. Португальские завоеватели неслыханно обогащались — только на продаже пряностей (перец, корица, гвоздика и т. д.) в Европу они получали тысячу процентов на затраченный капитал.

Португалия, превратившаяся в крупнейшую колониальную державу мира, оставалась неразвитой, феодальной страной. Чудовищно богатели отдельные феодалы и купцы, воздвигались дворцы в португальской столице Лиссабоне, но в целом страна нищала. Колониальная империя дорого обходилась португальскому народу: каждый год корабли увозили сотни молодых мужчин в далекие крепости на Индийском океане, где их ждала быстрая смерть. Существует мнение, что на протяжении XVI века население Португалии уменьшилось вдвое — с миллиона до 500 тысяч. В конце XVI века начался закат португальской колониальной империи.

В XVII веке на берегах Индии стали появляться многочисленные колонии³ двух самых сильных морских держав того времени — Голландии и Англии. Голландцы прежде всего закрепились на Коромандельском берегу, но их многочисленные фактории быстро возникали и в других районах. Голландская Ост-Индская компания, созданная в 1602 году, быстро богатела. Купцы крупных торговых городов активно поддерживали Компанию. В середине XVII века она достигла расцвета. Вывоз только тканей с Коромандельского побережья приносил прибыль в несколько миллионов золотых монет. По всему миру голландские корабли развозили тончайшие ткани.

В Англии — главной сопернице Голландии — в это время происходила революция, бушевала гражданская война, и деятельность английской Компании была во многом парализована. Но во второй половине XVII века английские купцы укрепили свои позиции, с каждым десятилетием английская Ост-Индская компания все более теснила своих конкурентов-голландцев.

Англичане и голландцы торговали различными индийскими товарами, но самыми выгодными были ткани.

³ Колонии — основанные европейцами города на приобретенной земле.

Фактории возводились в индийских городах.

В погоне за прибылью европейские купцы стимулировали развитие местного ткачества. Вокруг английских и голландских колоний и факторий выросли многочисленные поселения. Так, на побережье появились большие города: голландские торговые центры — Негапатам, Масулипатам, Дакка и др., английские — Мадрас, Бомбей, Калькутта. Возникали экономические связи между европейскими купцами и индийскими скупщиками тканей и ростовщиками. Обе стороны взаимно обогащались. Могольские губернаторы также получали подношения.

К концу XVII века стало ясно, что голландцы не смогут выдержать английской конкуренции. Мощь Англии как торговой и военной державы возрастала. Голландская Ост-Индская компания медленно отступала из Индии, сосредоточивая основное усилие на развитии своих главных колоний на Малайском архипелаге. Казалось, что англичане могли себя чувствовать победителями в Индии, но у них появился новый соперник — Франция.

ОСНОВАНИЕ ПОНДИШЕРИ.
ФРАНСУА МАРТЕН

Франция первой половины XVII века не была морской державой. Поэтому французские торговцы не могли соперничать ни с голландскими, ни с английскими неопытниками. Тщетно кунцы из Руана, Бордо, Нанта, Сен-Мало обращались к голландским кораблестроителям и пытались нанять голландских матросов: власти Нидерландов стремились помешать созданию сильной французской компании. Первая французская компания по торговле с Индией возникла в 1604 году, но быстро обанкротилась. В 1615 году ее сменила другая. Эта компания существовала дольше, ибо ей покровительствовал кардинал Ришелье. Корабли компании редко достигали берегов Индии, французские купцы пытались зацепиться на Мадагаскаре и некоторых других островах Индийского океана; но, едва возникнув, поселения первых колонистов быстро пришли в упадок. В 40-х годах XVII века во Франции началась смута (Фронда), скудная помощь казны прекратилась, и компания вскоре фактически перестала существовать.

Создателем новой компании, которая называлась Компанией Восточных Индий, был Кольбер. Сын торговца сукном из Реймса, получивший пост министра молодого короля Людовика XIV в 1661 году, стал вторым человеком королевства. Вся хозяйственная жизнь страны оказалась под его жестким контролем. Кольбер работал по 15 часов в сутки и всюду успевал. Иногда министра называли «административной машиной». Это не совсем справедливо. Кольбер был мечтателем, он верил, что при помощи мероприятий, проведенных сверху, французская абсолютная монархия станет экономически самой мощной державой мира. Но повсюду царил голландский флот — 12 тысяч кораблей под флагом Нидерландов хозяйничали в океанах. Голландская Ост-Индская компания приносила своим акционерам немыс-

лимые по тем временам прибыли. Акции, стоившие в 1613 году 3 тысячи флоринов, в 1666 году продавались за 18 тысяч.

Кольбер, имевший большое влияние на короля, стал действовать крайне энергично; его агенты в Париже и в провинции быстро завербовали многих сторонников. Но главную надежду Кольбер возлагал на короля и его окружение. Людовик XIV пожертвовал на Компанию огромную сумму — 3 миллиона ливров. Другие вельможи также стремились не отставать от короля. Крупные торговые города и порты собрали большие суммы. Лионские купцы внесли миллион. Только Париж, где продолжали господствовать традиции Фронды, не оправдал надежд Кольбера. К тому же купеческие старшины и парламентские советники Парижа были так же осторожны в делах, как и их предки — средневековые торговцы, в то время как негоцианты из Амстердама и Лондона уже прониклись духом капиталистической наживы, связанной с риском.

Кольберу удалось собрать более 8 миллионов ливров, и в 1664 году король подписал торжественный акт об образовании Компании. Ей были предоставлены значительные права, в том числе монополия торговли на восток от мыса Доброй Надежды. Король обещал регулярную финансовую помощь Компании и поддержку ее интересов силами военного флота.

Первым президентом Совета директоров Компании Восточных Индий стал сам Кольбер. Король торжественно объявил, что заморская торговля — почетный долг дворянина. В городах были расклеены афиши, призывавшие французов всех сословий послужить во славу Франции и короля.

Среди многих других, кто решил найти счастье на чужбине, был Франсуа Мартен. Незаконный сын богатого купца, он после смерти отца, не оставившего завещания, оказался без всякого состояния и поступил приказчиком к соседнему торговцу. Вскоре он женился, и хозяин, не желавший иметь женатого приказчика, выгнал его. Несколько лет Мартен перебивался случайными заработками, поэтому афиша с приглашением ехать в далекую страну заинтересовала его. В 1665 году он уже находился в составе экипажа первой эскадры из четырех кораблей, направлявшихся к Мадагаскару (остров Дофина).

Мартен не был по природе авантюристом, не мечтал о легкой наживе и приключениях. По своему характеру и образу действий он напоминал своего современника Кольбера — работоспособный, смелый и, главное, всегда реально мыслящий человек, не любящий нелепых фантазий. Но во Франции XVII века такой тип предпринимателя встречался не как правило, а как исключение. И на этот раз вместе с Мартеном плыли в основном случайные люди. Путешествие до Мадагаскара оказалось трудным. На кораблях постоянно возникали ссоры. Однажды на «Белом орле» произошла настоящая драка между католиками и протестантами, в которой участвовали и матросы, и пассажиры. Только страх перед кораблекрушением в конце концов остановил их. Все же эскадра благополучно добралась до Мадагаскара.

Завоеванный французами в 1642 году Мадагаскар нельзя было назвать процветающей колонией. Белое население — несколько десятков человек — ютилось в главном колониальном центре Форт-Дофине. За ветхими заборами стояли полуразрушенные дома и пустые склады. Над всем витал дух упадка и запустения. Общую картину дополняли заброшенные земли. 30 оборванных солдат и 9 пушек охраняли колонистов от враждебного им населения.

500 человек, прибывших на остров, должны были, по мысли Кольбера, возродить погибающую колонию. Мартен возглавил небольшой отряд поселенцев и начал строить форт Глар на новом месте. Здесь быстро проявились его способности: он сумел создать запас риса для своей колонии, начать возведение домов, установить неплохие отношения с местным населением. Мартен и его помощник Бланшар в сопровождении туземцев совершили путешествия в глубь острова. Здесь они находили районы с плодородными землями. Но людей для их обработки не было. Французов, прибывших на Мадагаскар, людей по преимуществу городских, гнала с родины либо жажда наживы, либо долги. Тяжелый труд земледельца был им незнаком. Отправляясь в дорогу, первые колонисты заботились о туалетах: их одежда — камзолы с огромными манжетами, кружевные воротники, высокие ботфорты, украшенные шпорами, огромные шарфы — отнюдь не соответствовала тропическому климату и через несколько недель превращалась в лохмотья. Люди быстро опускались, многие не выдержива-

ли климата и погибали, и только некоторые выдерживали испытания и приспособлялись к новой обстановке.

Хотя форт Гаяр рос и укреплялся, дела французов на острове шли плохо. Невежественные и высокомерные губернаторы Мадагаскара сменяли друг друга. Туземцы не доверяли пришельцам, творившим грабежи и насилия, и уходили в глубинные районы, отказываясь торговать с ними. Напрасно корабли привозили новых колонистов: Мадагаскар приносил метрополии одни убытки.

Жители острова встречали французов враждебно. Мартену не раз пришлось рисковать жизнью. Его храбрость и трудолюбие были отмечены одним из директоров Компании, Кароном, присвоившим ему звание купца Компании. За три года, проведенные на Мадагаскаре, скромный торговец превратился в опытного администратора. Некоторое время спустя директор Компании Фэ объявил Мартену, что его направляют в Индию.

В 1668 году Мартен отправился в Сурат, расположенный на западном побережье Индии, где находились крупные английские и голландские фактории. Здесь скрещивались морские и караванные пути. Хлопок, шелковые ткани, ладан, драгоценные камни, амброзия и мускус, индиго и алоэ — все, чем была богата Индия, вывозилось через Сурат в Европу. Европейские купцы расплачивались, как правило, золотом или серебром. В это время Индия по отношению к Европе имела активный торговый баланс. Драгоценные металлы, проходя через руки мастеров, превращались в сокровища индийских раджей и навабов.

В статье «Британское владычество в Индии» К. Маркс писал: «Ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества. С незапамятных времен Европа получала великолепные ткани — продукт индийского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом местного золотых дел мастера, этого необходимого члена индийского общества, любовь которого к украшениям так велика, что даже представители низшего класса, которые ходят почти нагими, имеют обыкновенно пару золотых серег и какое-нибудь золотое украшение на шее. Всеобщее распространение имели также кольца, надевавшиеся на

пальцы рук и ног. Женщины, так же как и дети, часто носили массивные ручные и ножные браслеты из золота или серебра, а золотые или серебряные статуэтки богов встречались среди домашнего скарба».

Мартен отметил в своем дневнике, что столько золотых слитков, золота и серебра, как в Сурате, можно увидеть лишь в испанском порту Кадиксе, но если оттуда они расходятся по всему свету, то здесь они оседают на месте.

За год до прибытия Мартена в Сурат к императору Аурангзебу явился посол французского короля с письмом Людовика XIV к «своему дорогому другу» и богатыми подарками. Среди них были прекрасные гобелены, орнаменты которых могли угодить строгому вкусу фанатичного мусульманина Аурангзеба. Подкуп вазира позволил Компании Восточных Индий быстро получить фирман на такие же права, которыми обладали голландские и английские соперники. Аурангзев и сам был заинтересован в усилении соперничества между европейскими компаниями.

Радужный прием ожидал в Сурате и директора Компании Карона: ему предоставили один из лучших дворцов. Француз, родившийся в Голландии, Карон долгое время служил в Компании Объединенных провинций — как часто называлась голландская Ост-Индская компания. Начав с простого матроса, он довольно быстро сделал карьеру, вошел в правление Компании, но ссора с другими членами правления заставила его покинуть службу и принять предложение Кольбера стать одним из директоров французской Компании.

Когда Франсуа Мартен прибыл в Сурат, энергичный Карон уже сумел развернуть там активную торговлю. Мартена встретили как вельможу, посадили в паланкин и торжественно понесли по улицам города. Проницательный Мартен сразу оценил хитрость и проворство индийских торговцев из касты банья. Он был одним из немногих европейцев, которые проявляли терпимость в торговых отношениях. Французская фактория в Сурате быстро становилась влиятельной. Но в начале 1670 года произошло событие, поставившее под угрозу всю торговлю. Второй раз на Сурат напал вождь маратхов Шивиджи. Вновь город с 200-тысячным населением, где жили богатейшие купцы и почти всегда находились индийские вельможи-мусульмане, направлявшиеся в Мек-

ку и Медину или возвращавшиеся из святых мест, оказался во власти пятитысячного конного отряда предводителя маратхов. Могольский гарнизон бежал при первых известиях о приближении всадников. Подвергнув город полному разгрому, Шиваджи не тронул, однако, французскую факторию. Налеты Шиваджи и вымогательства местных властей заставили англичан перенести свою главную резиденцию в Бомбей, да и французы подумывали о том, чтобы найти более безопасное место.

В мае 1670 года Франсуа Мартен, купец Компании, его помощник Гужон и Маркара, армянский купец на службе Компании, по приказу Карона стали собираться в путешествие по Индии. На восточном побережье, на земле, принадлежавшей султану Голконды, находились английская и голландская фактории в городе Масулипатаме. Этот город являлся конечной целью путешествия. Первым в сопровождении офицера Компании отправился Маркара, он должен был подкупить вельмож султана Голконды и подготовить к приезду Мартена фирман на право торговли. На это Карон отпустил сравнительно большую сумму — 160 тысяч ливров. 8 мая 1670 года двинулся на юг и Мартен. В сопровождении свиты он отправился в путь через весь полуостров.

Путевые заметки Мартена отражают противоречивые дорожные впечатления. Его удивляла населенность деревень Южной Индии, плодородие земель и одновременно беззащитность населения: везде виднелись следы грабежей и убийств.

Пока караван шел по земле Великого Могола, путешественники двигались беспрепятственно. Но на земле султана Голконды охранные грамоты Аурангзеба не внушали должного страха. На караван вскоре напали всадники, вооруженные мечами и мушкетами. Это были воины султана Голконды. Их предводитель потребовал уплаты огромной пошлины, но встретил решительный отказ. Хладнокровие Мартена несколько обескуражило воинов султана. Окружив караван, они двигались вместе с ним к столице Голконды. Так продолжалось два дня, пока у ворот одного города навстречу им не вышла толпа людей под звуки труб и барабанов. Мартен увидел во главе большой свиты купца Маркару, который торжественно приветствовал своего господина и предъявил командиру конвоя фирман султана Голконды.

Вскоре путешественники прибыли в большой торго-

ный город Бхагнагар, переименованный впоследствии в Хайдерабад. Неподалеку от города находился дворец султана Голконды. Здесь Мартен и его спутники любовались прекрасными садами, мраморными павильонами и огромным бассейном с богато украшенными стенами (в нем, по словам Мартена, «султан имел привычку развлекаться с дамами из своего сераля»). Богатство Голконды поражало европейцев. Обилие драгоценных камней, изысканные ткани, сравнительная дешевизна местных товаров привлекали купцов из многих стран. Но получить право торговать в центре ткацкого ремесла — Масулипатаме было нелегким делом. Султан Голконды никого не принимал, а его многочисленные сановники требовали взятку. Наконец, получив за большую сумму желанное разрешение, Мартен и Гужон приехали в Масулипатам. В скромном доме на окраине разместилась французская фактория. Расходы на дорогу и подкупы оставили посланцев Компании без денег. Но главный директор Карон, занятый борьбой с другими чиновниками Компании, забыл об их существовании. Письма к нему оставались без ответа. Голландцы и англичане, чьи фактории процветали в Масулипатаме, с презрительным безразличием наблюдали за попытками французов обосноваться на восточном берегу Индии.

Осенью 1671 года пришли вести о войне между Францией (союзницей которой была Англия) и Голландией. Накануне войны Кольбер снарядил большую эскадру, получившую название персидской. Она состояла из 9 кораблей и 1600 человек экипажа. Командовал флотом адмирал Бланкет де ла Гей. Это был типичный мушкетер времен Людовика XIII и Фронды, человек самоуверенный и храбрый, но крайне невежественный. Когда математик Мишель обратился к Бланкету с просьбой о поездке, адмирал с иронией замечал: «Королевская академия посылает математика в Индию, чтобы заводить там маятники».

Персидская эскадра двинулась в путь в 1669 году, плавание продолжалось 18 месяцев. Только в сентябре 1671 года она прибыла в Сурат. Во французской фактории Сурата шла борьба между новым представителем Кольбера Бароном и старым директором Кароном. Прибытие Бланкета не смягчило напряжения. Командующий эскадрой объявил себя вице-королем Индии. После долгих споров о главенстве было решено считать

Бланкета де ла Гея представителем короля, а Карона — представителем Компании. Последний принял участие в экспедиции.

6 января 1672 года французский флот из пяти военных кораблей и четырех кораблей Компании взял курс на юг, вдоль побережья. Через некоторое время показалась главная резиденция португальцев — Гоа. Французы удивленно смотрели на соборы и европейские дворцы, на 400 пушек вдоль огромной крепостной стены города. Португальские офицеры со страхом наблюдали с берега за французскими кораблями. Еще одна великая держава приблизилась к берегам Индии. Бывшие владельцы Индийского океана вновь ощутили свое бессилие. Они неприветливо встретили французов. Зато правитель государства Каликут, носивший титул заморина, чей предок первым в Индии увидел корабли Васко да Гамы, оказал французскому адмиралу радушный прием. Заморин рассчитывал на помощь французов против голландцев. Погостив некоторое время в Каликуте, французы двинулись далее на юг, к Цейлону.

Бланкет де ла Гей ничего не знал о франко-голландской войне: небольшой пакетбот, посланный ему вдогонку, был захвачен пиратами. Поэтому пушки французских кораблей молчали при встрече с небольшой голландской эскадрой у мыса Коморин к великому удивлению и торжеству голландцев, которые сразу же обвинили французов в трусости.

Персидская эскадра прибыла на Цейлон. Здесь около города Тринкомали французы начали возводить небольшой форт. Только когда корабли французской Компании, везшие припасы для военного флота, были захвачены голландцами, вице-король решил дать сражение, но к этому времени в его эскадре начались голод и болезни. Оставив на Цейлоне небольшой гарнизон, Бланкет и Карон двинулись искать голландский флот. Как только французские корабли исчезли за горизонтом, у берегов Цейлона появилась голландская эскадра. 400 матросов высадились на берег. Французский форт быстро капитулировал. Голландцы захватили 31 орудие, боеприпасы и взяли в плен 50 солдат.

Наконец французский адмирал узнал о войне с Голландией, но появилось новое препятствие для решительных действий против голландцев: разгорелась ссора между ним и Кароном. Обозленный грубостью и само-

упрямством Бланкета, Карон стал всеми способами чинить препятствия самозваному вице-королю. Он даже не дал ему карты Коромандельского побережья. Впрочем, отсутствие карты не остановило упрямого адмирала, решившего во что бы то ни стало захватить плацдарм на берегу. Он остановил свой выбор на полуразрушенной бывшей португальской колонии Сен-Томе, где стояли дружески настроенные к голландцам войска султана Голконды.

24 июля 1672 года начался штурм. После небольшой бомбардировки 500 человек высадились на берег, и Бланкет повел своих людей на приступ. Голкондские войска не ожидали такого натиска и, оказав вялое сопротивление, бежали. Над фортом Сен-Томе взвился флаг с бурбонскими лилиями. Но эта победа не принесла французам большой пользы. Бланкет не проявил никаких способностей администратора. Карон покинул эскадру, а вскоре и Индию, и Бланкет остался полным властителем своего крошечного вице-королевства. Его жестокое обращение с солдатами-наемниками вызвало обычную реакцию — массовое дезертирство. Многие бежали в соседние Мадрас и Негапатам. Тем временем к Сен-Томе подошла армия голкондского султана (12 тысяч пехотинцев и 600 всадников). И хотя у Бланкета осталось только 200 человек, старый солдат смело повел свой маленький отряд на вылазку, и опять войска Голконды, потеряв несколько десятков убитыми, отступили. Но тут в игру вступили голландцы. Они снабдили индийцев мушкетами и порохом, в лагере индийцев появились голландские артиллеристы. Бланкет обратился за помощью к союзникам — англичанам. Известно, что английский король в это время полностью подчинялся диктату версальского двора, однако мадрасские власти отнюдь не желали стараться ради интересов французской короны. Кольцо осады медленно сжималось вокруг Сен-Томе. Бланкет де ла Гей не был этим обескуражен, напротив, его неукротимая энергия росла, и все попытки штурма города со стороны «мавров» (так называли европейцы индийцев, чьи государи были мусульманами) оканчивались неудачей. Индийцы, находившиеся на службе у султана Голконды, не проявляли особенной охоты рисковать жизнью ради немедленного штурма и предпочитали длительную осаду.

16 января 1673 года вице-короля, уставшего после

напряженного дня, внезапно разбудили. Выйдя из спальни, он увидел перед собой человека, по виду обычного французского купца. Это был Франсуа Мартен, который прибыл из Масулипатама и беспрепятственно прошел в город через лагерь осаждавших. Единственное, что ценил в людях старый адмирал,— храбрость, а Мартен вскоре еще не раз доказал свою смелость. Он участвовал во многих вылазках, пробираясь в Мадрас, где пытался купить у англичан оружие и продовольствие. Его поддержка ободряла военачальника. Бланкет воспользовался тем, что индийские войска не решались идти на приступ и начали разбегаться. 22 февраля французы предприняли решительную вылазку и на следующий день повторили атаку. Ночью все голкондское войско отступило. Адмирал торжествовал.

Мартен тем временем сумел наладить отношения с соседними европейскими колониями. Один из французских офицеров, посланный Бланкетом де ла Геом к королю Биджапура, сопернику султана Голконды, договорился с его наместником о передаче французской Компании приморской деревни Пандичерри, насчитывавшей несколько убогих хижин. 4 февраля 1673 года Пандичерри (во французском произношении название деревни звучало Пондишери) стала французским владением.

Воодушевленный своей победой, Бланкет направился в Масулипатам с эскадрой, а Мартена послал договориться с представителями султана Голконды о судьбе Сен-Томе. Мартен пытался предложить за город выкуп, но Бланкет отказался утвердить подобный договор. Он с презрением отверг всякие сделки и дал понять Мартену: то, что привычно купцу, нетерпимо для дворянина. Переговоры были прерваны, и Сен-Томе ускользнул из рук французов. Пока Бланкет находился недалеко от Масулипатама, у берегов Сен-Томе появились голландская эскадра и большие отряды воинов султана Голконды.

Вице-король вернулся в Сен-Томе, горя желанием еще раз сразиться с индийцами. Он присоединил к солдатам матросов своих кораблей и набрал таким образом до 500 европейских солдат и 400 индийских наемников. Ночью он напал на лагерь своих противников, перебил многих людей и поджег обозы. Индийцы разбежались. На следующий день они вернулись, но сломить каре французов не смогли и отступили. Бланкет вновь

торжествовал и слал победные реляции в Версаль. Но радость его была преждевременна. Сильный голландский флот из 22 кораблей подошел к Мадрасу. Голландский адмирал Рейклоф заставил англичан, союзников французов, держать нейтралитет. Подойдя к Сен-Томе, он под прикрытием своих пушек высадил двухтысячный десант. Ободренные присутствием голландцев, войска султана Голконды снова появились у стен злополучной крепости. Многие наемники французов тем не менее ушли, Бланкет продолжал сопротивляться. Он даже отдал приказ потрепанным французским судам атаковать голландские корабли, но лишь один из девяти кораблей персидской эскадры смог сделать несколько выстрелов.

600 человек сидели в Сен-Томе, осажденные голландской армией и 18-тысячным войском султана Голконды. Осаждавшие не шли на приступ, а стремились взять форт измором. Снова Мартен тайком пробрался из Сен-Томе в Пондишери. Он встретился с раджей Ширханом Лоди, с правителем крепости Джинджи — Насир-Мухаммадом и другими врагами султана Голконды, но никто из них не послал своих войск на защиту осажденной крепости. Гарнизон Сен-Томе голодал, хотя Мартен сумел оказать небольшую помощь. Он перехватывал голландские баржи с продовольствием и тайком переправлял их в крепость. Этого было слишком мало. Солдаты ели траву, им угрожала голодная смерть. 31 августа 1674 года Бланкет начал переговоры, а 6 сентября подписал договор о сдаче города. В соответствии с условиями капитуляции голландцы торжественно проводили французский отряд.

Бланкет де ла Гей со своими солдатами отбыл во Францию. Франсуа Мартен остался в качестве губернатора Пондишери. Французы еще некоторое время стремились к захвату Сен-Томе, но оказалось, что их главной колонией на Коромандельском берегу стал Пондишери. Небольшие соседние деревни быстро сливались с Пондишери. Местные ткачи за бесценок продавали ткани Мартену и его людям, возводились первые здания складов.

Спокойствие в Южной Индии длилось недолго. Началась война между биджапурским наместником Ширханом и правителем Джинджи Насир-Мухаммадом. Французы поддержали биджапурского наместника. Мартен составил небольшой отряд и успешно действовал

против войск Насир-Мухаммада. Последний потерпел несколько поражений подряд и заперся в неприступной крепости Джинджи. Он выжидал. Вскоре обстоятельства сложились выгодно для Насир-Мухаммада. На границах Голконды показалась армия маратхского вождя Шиваджи, который воспользовался междоусобной войной южноиндийских феодалов и выступил защитником Насир-Мухаммада. Маратхи ворвались на земли Ширхана, и его армия разбежалась без боя. Встревоженный Мартен ждал, что маратхи нападут на колонию. Но Пондишери не интересовал маратхского раджу. Наступило относительное спокойствие.

Европейская война закончилась в 1678 году. Мирный договор был заключен в городе Нимвегене. Франция значительно расширила свои границы на востоке. Но король Людовик XIV и Кольбер мечтали о полном покорении Голландии. Их привлекали не столь Амстердам, Гарлем, Гаага, сколь огромные и богатые заморские владения Нидерландов. Поэтому сразу же после войны Кольбер стремился укрепить все колонии Франции. Но в 1683 году Кольбер умер, и главной фигурой во французском правительстве стал маркиз Лавуа. Интерес к Компании при дворе уменьшился. Регулярный ввоз индийских тканей и шелка во Францию вызвал протест парижских, лионских и реймских торговых цехов. После отмены Нантского эдикта, когда тысячи протестантских ремесленников были изгнаны из страны иезуитами, изделия французских мануфактур и ремесленных цехов не могли более конкурировать с индийскими товарами. Маркиз Лавуа подписал декрет об ограничении ввоза. Закон предписывал сжигать всю окрашенную ткань, которая будет ввезена в страну. Имеющуюся цветную ткань было приказано сжигать сразу же после опубликования декрета. Виновных в хранении индийских тканей приговаривали к штрафу в 3 тысячи ливров. С большим трудом директорам Компании удалось продать товары, ввезенные раньше и скопившиеся на складах, и получить разрешение ввозить во Францию неокрашенную ткань. Абсолютистский протекционизм парализовал деятельность Компании.

Несмотря ни на что, город Пондишери рос, обгоняя другие колонии, строились новые укрепления, возводились склады и магазины. В это время на территории Карнатика шли ожесточенные бои между войсками

Аурангзеба и маратхского князя Рама Раджи, нового повелителя Джинджи.

Дело в том, что в 80-х годах XVII века в Индии произошли серьезные перемены. В 1686 году войска Аурангзеба вторглись в Биджапур. В 1687 году Великий Могол стал государем Голконды. Только крайний юг полуострова еще не входил в состав владений императора. В 1680 году умер маратхский магараджа Шиваджи. Его сын и наследник Самбахаджи не проявил себя талантливым полководцем. В 1689 году он потерпел поражение в битве с войсками Аурангзеба, был взят в плен и казнен. Значительная часть Махараштры (так называлась земля маратхов) оказалась под властью Моголов. Второй сын Шиваджи, Рама Раджа, бежал на юг, в Карнатик, и завоевал княжество Джинджи. Его двоюродный брат Шахджи стал магараджей древнеиндийского княжества Танджур. Большинство маратхских феодалов признали Рама Раджу своим законным монархом. Аурангзев, пытаясь окончательно уничтожить влияние наследников Шиваджи, стремился изгнать их из южных княжеств. Спасаясь от бедствий войны, многие жители Карнатика бежали в европейские колонии. Они быстро росли, в том числе и Пондишери.

Сохранилось довольно подробное описание Пондишери конца XVII века. Корабли, приплывавшие к городу, бросали якорь на расстоянии полулье от берега. На обычных шлюпках нельзя было перевозить людей и товары из-за почти никогда не стихающего здесь бриза. Пассажиров и товары доставляли к берегу на индийских лодках-челингах, плоских суденышках. Дно их не было осмолено, вода проникала туда постоянно, и двое индийцев все время вычерпывали ее. У реки находилось два водоема, откуда жители брали воду. За небольшим фортом находилась церковь капуцинов, а неподалеку от нее — церковь враждующих с ними иезуитов (обе были построены в 70-х годах XVII века). Высокий забор окружал здание Компании. Близ Пондишери селились ткачи, отбельщики. Их убогие хижины теснились в беспорядке, но уже появились красивые дома, принадлежавшие купцам. В 1690 году был разбит городской парк, в нем обычно прогуливались служащие Компании. На рынке шла бойкая торговля. Здесь продавались шелк-сырец, неокрашенные ткани, хлопок, перец, селитра, а также цветные ткани, которые француз-

ские купцы перепродавали в другие страны. По вторникам на рынок съезжалось до 10 тысяч индийцев. «Белый город» насчитывал 300 человек. Некоторые чиновники и купцы заводили здесь семьи, беря себе в жены топасок¹. Французы не так чурались местного населения, как англичане в Мадрасе.

Резиденция главного администратора Французской Индии была перенесена Франсуа Мартеном из Сурата в Пондишери. Здесь он чувствовал себя хозяином положения. Долгое время он безуспешно пытался найти жену и дочь, четверть века назад оставленных в Париже. Наконец служащие Компании разыскали на парижском рынке в развалившейся лавке женщину лет сорока пяти и ее дочь, голодных и оборванных. Они вели жизнь полунищих парижских торговцев, которые мечтают лишь о заработке на завтрашний день. Госпожа Мартен испугалась, увидя двух богато одетых господ. Но ей сообщили радостную весть: муж, уже давно ею похороненный, найден, благоденствует и зовет их к себе. Вскоре мать и дочь, принаряженные на средства Компании,плыли на корабле в Индию, где их ждал пышный прием. Через несколько лет губернаторша вполне освоилась со своей новой ролью. В важной даме трудно было узнать бывшую рыночную торговку.

Хотя авторитет губернатора вырос, Мартен, естественно, желал большего, с завистью наблюдая, как богатеют голландцы и англичане. Он засыпал генерального контролера Шангалье письмами, требуя солдат и кораблей, рисовал планы франко-португальской католической коалиции против англичан и голландцев. Но Версаль относился к письмам из Индии с безразличием. Приказ из Парижа о запрещении ввоза окрашенных тканей во Францию нанес торговле и ремеслу в Пондишери большой урон. Целые селения красильщиков и ткачей остались без работы. Эти люди покидали французский город, уходя в Негапатам к голландцам и в Мадрас к англичанам. Вся хозяйственная жизнь Пондишери оказалась под угрозой. У Мартена не было денег, чтобы платить жалованье солдатам. И только то, что индийские купцы задолжали ему некоторые суммы, спасло его от окончательного разорения.

¹ Топсами называли потомков от браков португальцев с индийскими женщинами.

На территории Карнатика вновь вспыхнула война между маратхами и моголами, затихшая на некоторое время. Маратхские феодалы требовали от Пондишери постоянных субсидий. Могольская знать также занималась вымогательством. Маратхские князья Рама Раджа, сидевший в Джинджи, и владевший Таиджуром его двоюродный брат Шахджи требовали денег. Их требования возрастали с каждой неделей. Из союзников французов маратхи могли превратиться во врагов, ибо с ними заигрывали голландцы. Мартен проявил себя неплохим дипломатом и умело лавировал между моголами и маратхами.

Тем временем обстановка в Европе становилась все менее выгодной для Франции, ибо ее союзник по прошлой войне — Англия перешла в антифранцузский лагерь после «славной» революции 1689 года. Внешняя политика Якова II Стюарта, правившего Англией до 1688 года, встретила резкое противодействие английской буржуазии. Яков II был полностью предан интересам Франции, от короля которой он лично получал миллионные субсидии. Английские промышленники и торговцы понимали, что если французские войска займут Голландию, то Людовик XIV провозгласит себя господином голландских колоний, и не могли мириться с такой перспективой. Свержение Якова II Стюарта и избрание на английский престол правителя Голландии Вильгельма означало создание прочного англо-голландского союза.

В 1692 году вспыхнула война, теперь уже между Францией и англо-голландской коалицией. 21 августа 1693 года к Пондишери подошла голландская эскадра, и Мартену пришлось эвакуировать из города женщин. Все мужчины были вооружены, и гарнизон из 600 человек ждал приступа. Однако 15 тысяч голландцев и их наемников на приступ не пошли, а, придвинув пушки к самому городу, открыли огонь. Загорелись дома. Начались паника и дезертирство. Пондишери был обречен, после двухнедельной осады он капитулировал. Мартена перевезли в Батавию (нынешняя Джакарта), откуда голландские победители хотели отправить его в Европу, но упрямый француз перехитрил их и вскоре оказался в Бенгалии, где взял на себя руководство всеми французскими факториями в Касимбазаре и Шандернагоре (по-индийски Чандер-нагар).

После того как в 1697 году в Рисвике был заключен мир, Мартен приехал в Пондишери, перешедший по договору в руки французов. В городе стала налаживаться жизнь. Во Францию разрешили ввозить отбеленный ситец, корицу, перец и другие товары, вскоре появились ткачи — около 500 человек. Уже в 1700 году Пондишери вновь занял преобладающее место среди французских колоний и факторий.

Мартен добился от Компании многих привилегий. Он стал фактически полновластным губернатором. В его руках находилась гражданская и военная власть. Верховным органом был объявлен Высший совет. Председателем его назначили губернатора, советники выполняли различные функции: первый советник был верховным судьей, второй — военным комиссаром, третий наблюдал за торговлей, четвертый ведал корабельными делами, пятый являлся прокурором и контролировал работу судьи. На первых порах между советниками вспыхивали ссоры. Однажды, когда они грозили перерасти в междоусобную войну, Мартен своей властью сменил двух советников и установил порядок. Многие французская администрация заимствовала у своих голландских и английских соседей. Так же, как англичане и голландцы, французы собирали подоходные налоги с местного населения.

Вокруг Пондишери по-прежнему было неспокойно. Теперь Голконда и Биджапур оказались под властью могольского императора и территория, на которой находился Пондишери, управлялась субадарами Великого Могола, обладавшего практически номинальной властью. В окрестностях французской колонии бродили отряды, возглавляемые маратхскими, биджапурскими и другими феодалами. Но небольшой гарнизон Пондишери успешно отбивал атаки.

Внутренняя жизнь Пондишери была сопряжена со многими трудностями. Корабли привозили из Европы слитки серебра и золотые монеты. Вначале Мартен пытался разменивать их на рупии. Тамильские купцы расплачивались монетой низкого качества, и французы проигрывали на обмене. Мартен решил чеканить собственную монету с изображением индийской богини Лакшми. Но монета не получила распространения потому, что, во-первых, индийцам не понравилось изображение и, во-вторых, местные капуцины и иезуиты объявили

святотатством наличие силуэта языческой богини на французской монете. Пришлось губернатору на этот раз уступить. Не успело стихнуть недовольство церковников, как разразился новый религиозный конфликт.

Францисканцы-капуцины поссорились с иезуитами. Францисканцы первыми обосновались в Пондишери, но вскоре сюда прибыли иезуиты. Стареющий король Франции Людовик XIV все больше подпадал под влияние своего исповедника иезуита Ла-Шеза, и поэтому Орден Иисуса чувствовал себя во французских владениях полновластным хозяином. Иезуиты стали настаивать на своем первенстве. Однако францисканцы не уступали. Ссора превратилась в открытую вражду. На глазах у индийцев святые отцы открыто проклинали друг друга. Напрасно Франсуа Мартен призывал строптивых церковников успокоиться, писал генеральному контролеру в Париж. Министр боялся поднимать щекотливый вопрос перед королем. Тем временем конфликт обострялся. Обе духовные конгрегации пожаловались в Рим. Папа Климент XI был серьезно озабочен и послал в Пондишери специального духовного легата кардинала Турнона, католического патриарха Антиохийского. Высокий церковный сановник, опытный дипломат быстро разделил сферы влияния между иезуитами и францисканцами и призвал местных церковников к умеренности.

Францисканцы весьма терпимо относились к языческим церемониям, в которых участвовали новообращенные христиане. Иезуиты же проявляли фанатическую ненависть ко всему индийскому. Изображения индуистских богов вызывали бешеную злобу последователей Лойолы. Они неоднократно требовали разрушения всех индуистских храмов на территории «христианнейшего» короля Франции. Иезуиты нападали на брахманов с руганью и угрозами. В ответ на это брахманы настраивали местное население против служителей Ордена. Голландские агенты активно подогревали возмущение индийцев.

Франсуа Мартен оказался между двух огней. Он не хотел ссориться с главным иезуитом, другом всемогущего Ла-Шеза отцом Ташаром. Однако терпение индийцев иссякало. Мартен решил сначала воздействовать на индийцев. Он вызвал старейшин всех каст и объявил, что во имя спокойствия в городе запрещает религиоз-

ные праздничные шествия и разрешает молиться только в храмах. Индийцы выслушали приказ губернатора молча и, не сказав ни слова, удалились. На следующий день Мартен узнал, что тысячи людей собираются покинуть город. Губернатор приказал закрыть городские ворота. На следующий день у Мадрасских ворот стояло 15 тысяч ткачей — члены самой многочисленной касты Пондишери требовали открыть ворота.

Так впервые французы познакомились со стойкостью индийцев, их кастовой организацией. Касты, которые равнодушно взирали на изменение политической власти в Индии, внезапно проявили удивительное упорство в сопротивлении грубому вмешательству в их религиозную жизнь. Пришлось Мартену созывать старейшин касты и умолять их остаться в городе. В конце концов губернатор вынужден был разрешить индийцам религиозные шествия вокруг храмов. В Пондишери наступило спокойствие, хотя иезуиты продолжали открыто высказывать свою ненависть к индуистской религии. Многие индийцы покидали Пондишери, переселяясь в Негапаттам и Мадрас. За два года из города уехало две тысячи семей.

В сентябре 1705 года разразился новый скандал. Ткачи получили разрешение от губернатора на торжественное шествие. Огромная толпа прошла по улицам «черного города», неся изображения индуистских богов к священному пруду. Наблюдали эту картину и иезуиты; их возмущение было безгранично. Отец Ташар собрал всех иезуитов и своих слуг. Поздним вечером они проникли в никем не охраняемый храм. В священном гневе благочестивые отцы срывали шелковые и золотые ткани, украшавшие статуи, разбивали светильники. Один из жрецов заметил иезуитов и поднял тревогу. Собралась огромная толпа, и иезуиты удалились. Толпа не расходилась всю ночь, а утром старейшины каст явились к губернатору и потребовали наказания иезуитов. Трое слуг Ташара были схвачены и посажены в тюрьму, но индийцы требовали наказания всех иезуитов. На следующий день мастерские опустели. Толпы индийцев потянулись в Негапаттам и Мадрас. Мартен собрал всех церковников города и потребовал подписать решение Высшего совета о невмешательстве католиков в религиозные дела индийцев. С большим трудом удалось уговорить старейшин каст остаться. Иезуиты продол-

жали упорствовать, однако открыто нападать более не осмеливались. Мартен написал письмо генеральному контролеру с требованием образумить их. Только в 1707 году, уже после смерти Франсуа Мартена, пришло послание от отца Ла-Шеза к иезуитам Пондишери, в котором предлагалось быть сдержанными по отношению к индийцам.

В последние годы губернаторства Мартена Пондишери активно укреплялся. Был построен мощный форт. Вокруг города возникали один за другим бастионы, и вскоре Пондишери стал наиболее укрепленной французской колонией в Индии.

В 1701 году началась война за испанское наследство. Внук Людовика XIV стал королем Испании. Возникла возможность франко-испанской унии и превращения Франции в мощную колониальную державу. Этому не хотели допустить ни Англия, ни Голландия. Война тянулась 14 лет и окончилась фактическим поражением Франции. Хотя на испанском троне остались Бурбоны, единого франко-испанского государства не образовалось. В ходе войны выявилось значительное преимущество англо-голландского флота над французским.

Положение Компании Восточных Индий становилось все хуже. Мартен умер в 1706 году, в разгар войны за испанское наследство. Его последним дипломатическим успехом было заключение джентльменского соглашения о нейтралитете колоний во время войны в Европе. Многолетняя война за испанское наследство разорила королевство Людовика XIV. Торговля между Францией и Индией почти прекратилась. Ткачи и другие ремесленники начали покидать «черный город». «Белый город» также опустел: многие купцы и чиновники уехали из Пондишери. Высший совет колонии почти не собирался. Вновь вспыхнула война между иезуитами и брахманами. Насилия и грабежи стали повседневным явлением. Казалось, что Пондишери переживает свои последние дни, что пройдет несколько лет и на месте бывшей колонии останутся нищие деревни. Но события развернулись иначе: разорившуюся Компанию Восточных Индий сменила другая.

Ее основание было связано с именем известного финансиста эпохи регентства — Ло. Сын шотландского ювелира, он сочетал в себе качества ученого-экономиста, хорошего организатора, безрассудного авантюриста

и азартного игрока. По его мнению, большое количество денег в обращении само по себе должно было стимулировать торговлю, развивать хозяйство страны. Он долго и безуспешно предлагал свои более чем смелые финансовые планы различным европейским дворам, пока наконец не встретил горячей поддержки регента Франции Филиппа Орлеанского.

Пушкин в своем незаконченном романе «Арап Петра Великого» так кратко и образно описал эпоху регентства: «По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа: пример был заразителен. На ту пору явился Law: алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имущества исчезали; нравственность гнила; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей».

С 1716 года Ло сосредоточил в своих руках экономическую власть, а через четыре года регент назначил его генеральным контролером. Ло замыслил создать единую торговую компанию. К этому времени во Франции помимо Компании Восточных Индий существовало около десятка различных колониальных предприятий, причем все они находились на грани разорения. Компании, торговавшие к западу от мыса Доброй Надежды, Ло объединил в Западную компанию, спустя год он присоединил к ней Компанию Восточных Индий, а также Африканскую и Китайскую. Теперь новая Компания обеих Индий подчинила себе всю заморскую торговлю и колониальную политику Франции. Было выпущено большое количество акций, которые благодаря общей покупательной горячке быстро росли в цене. Первоначальная цена акции, 1200 ливров, выросла в течение года почти в 20 раз. Но банк Ло, распространивший акции и банковские билеты, не имел даже минимального ликвидного фонда. Колониальная политика в Индии и особенно в Америке не приносила достаточных прибылей. В тот момент, когда в результате бешеных биржевых

спекуляций сумма финансовых документов Ло, находившихся в обороте, достигла нескольких миллиардов ливров, его конкуренты и враги предъявили тысячи билетов и акций с требованием немедленной уплаты. Крах был мгновенным — за несколько дней сотни богачей превратились в людей, которым грозила долговая тюрьма. Паника достигла невиданных размеров, акции, стоившие 18 тысяч ливров, спустя неделю продавались за 9. После тщетных попыток спасти свою систему Ло бежал в Голландию.

Компания обеих Индий пережила величайшее банкротство столетия. Постепенно акции вновь поднялись в цене, и Компания стала располагать сравнительно большим капиталом — 112 миллионов ливров. Королевская власть ей покровительствовала и предоставила монопольные права на торговлю различными товарами. Во главе Компании по-прежнему стоял Совет директоров. Его членами были в основном банкиры и богатые торговцы, которые могли вложить значительные средства в Компанию. Большинство директоров еще сотрудничали с Ло, и, несмотря на печальный конец карьеры шотландского дельца, его имя произносилось с уважением, а родственники Ло могли всегда рассчитывать на покровительство администрации Компании обеих Индий.

Хотя устав Компании периодически обновлялся, ее структура в общем оставалась постоянной: Совет директоров, Наблюдательный совет, собрание акционеров, не обладающее реальной властью. Что касается Наблюдательного совета, состоявшего из восьми синдиков, то он почти всегда был в контакте с Советом директоров. Компания имела два центра: Париж, где находились ее главные ведомства, решавшие основные вопросы и подсчитывавшие прибыли и убытки, и Лориан, собственный порт Компании, где находились ее главные склады и осуществлялось наблюдение за отправкой и получением товаров.

В Индии интересы Компании представлял губернатор, его резиденцией был Пондишери. Выбирали губернатора директора Компании, но утверждал его в должности король. При губернаторе существовал совет. Распоряжения и инструкции, на основе которых создавался устав Компании, предусматривали строгую должностную иерархию. Все было подчинено мелочной регламентации. Чиновники Компании занимали определенные

должности — служащий, служащий второго класса, служащий первого класса, помощник купца, купец, советник. К 1723 году помимо Пондишери французскими колониями являлись Шандернагор в Бенгалии и Маэ на Малабарском побережье. Кроме того, французские фактории имелись в ряде крупных городов Индии.

Первым после Мартена губернатором Пондишери, с которым считался Совет директоров, был Ле Превотье, его сменил советник Ленуар. При нем и началась регулярная торговля Французской Индии с метрополией и другими странами. Из Малабара везли перец и пряности. Коромандельское побережье поставляло ткани разных сортов, Бенгалия — шелк и многие другие товары. С 1725 по 1736 год Компания заработала на перепродаже индийских товаров во Франции 50 миллионов ливров. В 30-х годах XVIII века ежегодно в среднем 20—30 кораблей курсировало между Индией и Францией. Англичане с беспокойством следили за расширением деятельности французской Компании.

ПЕРВЫЙ ЭТАП
АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ

Аурангзеб умер в 1707 году. Его наследником стал Бахадур-шах, но он не был столь властен, как его отец. Вазир Зульфикар-хан пользовался большим влиянием при новом императоре.

По-прежнему главным врагом Могольского государства являлись маратхи. Бахадур-шах и Зульфикар-хан не помышляли о новом походе на маратхов. Зульфикар-хан решил отпустить на родину внука Шиваджи—Шаху. Великий вазир предполагал, что властолюбивая вдова Рама Раджи — Тара Баи не примирится с признанием Шаху и в Махараштре начнется длительная смута. Тем более что маратхский принц, воспитанный в Дели, не был похож на своего деда Шиваджи, сурового и смелого воина. Шаху напоминал скорее могольского вельможу, привыкшего к роскоши и безделью. Такой человек не должен был пользоваться авторитетом среди своевольных предводителей маратхских отрядов. Но Зульфикар-хан ошибся. Изнеженный и вялый Шаху неплохо разбирался в людях. Он приблизил к себе Баладжи из рода Бхат, который в 1713 году стал пешвой (первым министром). С этого времени Баладжи стал первым человеком в государстве.

Большие отряды маратхской конницы почти бесконтрольно хозяйничали во многих районах Могольской империи. Субадары отдельных провинций, чтобы гарантировать себя от постоянных налетов маратхов, обязывались уплачивать им ежегодно четвертую часть поземельного налога (чаутх). Но набеги становились все более дерзкими, требования победителей росли. При втором пешве из рода Бхат, Баджи Рао (1721—1740), завоевания маратхов приобрели еще больший размах. Новый пешва сразу же проявил себя решительным политиком и талантливым полководцем. Сломив сопротивление враждебной феодальной группировки, в 1730 году Баджи Рао стал фактическим правителем маратхов. Шаху,

живший в Сатаре, довольствовался номинальным титулом раджи. Истинной столицей Махараштры была Пуна, где находилась ставка пешвы. Маратхские полководцы не только совершали набеги на отдельные провинции, но и захватывали целые княжества. Так, родственник Шаху — Рагходжи Бхонсле овладел городом Нагпуром в провинции Берар. Холкар, ближайший соратник пешвы, стал властителем Индура. Другой известный маратхский сардар, Синдия, завоевал княжество Гвалиур и т. д. Обычно маратхский военачальник захватывал хорошо укрепленную крепость, а затем постепенно расширял подвластную территорию.

Могольская империя не могла оказывать серьезного сопротивления маратхам, ибо внутри страны шла борьба различных феодальных группировок. Самыми сильными группировками являлись среднеазиатская и иранская. Недавние выходцы из Средней Азии, родовитые узбеки и туркмены поддерживали, как правило, друг друга. Фанатичный суннит Аурангзеб охотно приглашал на службу правоверных мусульман — узбекских и туркменских ханов, беков и мирз, обычно хороших воинов. Признанным главой среднеазиатских феодалов был Гази-уд-дин, а затем его сын, Низам-ул-мулк, первый монарх Хайдарабада. Феодалы иранского происхождения, мусульмане шиитского толка, составляли другую сильную группировку. Среди ее вождей встречались опытные и хитрые царедворцы, как, например, Зульфикар-хан. Мусульманские феодалы — индийцы или те, чьи предки давно осели в Индии, присоединялись то к одному, то к другому лагерю, а порой выступали самостоятельно. Усилилось влияние и немусульманской знати. Как ни стремился Аурангзеб сохранить чистоту «могольской касты», среди его военачальников и чиновников находилось немало индусов. После завоевания Биджапура и Голконды их число даже увеличилось. В конце царствования Аурангзеба почти треть его высших джигирдаров составляли раджпуты и маратхи. Подобная «многослойность» высшей знати содействовала усилению смуты в стране.

После недолговечного царствования сына Аурангзеба Бахадур-шаха на могольский трон был возведен ставленник иранской клики слабоумный Джахандар. Новый император сразу же полностью опустошил казну подарив своей фаворитке 20 миллионов рупий. Кроме

того, он сжег все дворцовые запасы топленого и растительного масла, так как обожал иллюминации. Солдатам перестали платить, назревал бунт; перепуганный император разрешил войскам разграбить дворцовые склады. Не удивительно, что Джахандар царствовал только год. После его свержения императором был провозглашен Фаррук-Сейяр, по своим умственным способностям ненамного превосходивший своего предшественника. При Фаррук-Сейяре к власти пришла новая группировка: бывшего фактического правителя страны вазира Зульфикар-хана, иранца по происхождению, сменили братья сейиды Хусейн и Абдула. Но им сразу пришлось вести борьбу за власть с мощным кланом среднеазиатских феодалов, возглавляемым Низам-ул-мулком. Фаррук-Сейяр при первой возможности попытался освободиться от опеки правителей, но удача не сопутствовала ему. После провала одного из заговоров в 1719 году сейиды расправились с незадачливым государем и возвели на трон Мухаммад-шаха, также трусливого и безвольного человека. Удержать власть Хусейн и Абдула не смогли; в 1720 году победила коалиция феодалов во главе с Низам-ул-мулком.

Сменявшие друг друга временщики крайне нуждались в деньгах для уплаты войскам. Спустя 13 лет после смерти Аурангзеба фискальная система Могольской империи оказалась полностью разрушенной. Громоздкий государственный налоговый аппарат работал медленно, и главари феодальных клик были вынуждены часто обращаться к ростовщикам, отдавая им страну на откуп. Так, диваном (главным казначеем) Зульфикар-хана был известный богач Самбха Чанд, диваном сейидов — крупнейший торговец зерном Ратан Чанд. Каждый дворцовый переворот сопровождался, как правило, сменой ростовщиков. Главный откупщик распродал Индию по частям. При таком положении произвол возводился в закон. Государство разваливалось. Джагирдары быстро превращались в независимых владык. «На всем обширном пространстве Могольской империи происходило брожение и рост освободительных настроений, представлявших собой смешение религиозных чувств и национализма» — так характеризовал это время Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии». Главной антимогольской силой были маратхи.

В 20-х годах XVIII века субадары Декана, Бенга-

лии, Ауда и других провинций Индии превратились в независимых монархов и почти не считались с волей Великого Могола. Наместник в Декане Низам-ул-мулк был вынужден заключить с пешвой Баджи Рао соглашение в 1731 году, по которому пешва получил право проходить через владения низама со своими войсками. В 1737 году пешва с большой армией подошел к стенам Дели и опустошил окрестности столицы империи. Низам-ул-мулк вновь стал союзником Мухаммад-шаха. Однако объединенные войска Моголов и Низам-ул-мулка оказались бессильны против маратхов.

В то время как войска Великого Могола терпели поражение за поражением в войне с маратхами, на землю Индии вступили полчища персидского шаха Надира. Его давно манили сокровища Моголов, особенно легендарный бриллиант «Кох-и-Нур». Тщательно подготовившись к нападению, в мае 1738 года персы перешли границу. Свирепый деспот, державший в страхе свое разноплеменное войско, Надир-шах был выдающимся военачальником. Ни один восточный полководец не уделял столько внимания огнестрельному оружию. Пехотинцы довольно метко стреляли и могли по европейскому обычаю, сомкнув строй, отразить кавалерийскую атаку. Непривычной для индийцев оказалась и легкая «верблюжья артиллерия».

Северная Индия фактически не оказала никакого сопротивления Надир-шаху. Основательно разграбив этот край, завоеватель зимой 1739 года двинулся на Дели. Здесь царил паника: император Мухаммад-шах метался от одного советника к другому, но могольские вельможи были полностью поглощены внутренними распрями. Низам-ул-мулк питал вражду к главнокомандующему всеми войсками Дауран-хану, интриговал против наваба¹ Ауда Саадат-хана, который с 50-тысячным войском пришел защищать Дели, и в то же время правитель Декана тайно переписывался с Надир-шахом. Другие приближенные Великого Могола вели себя немногим лучше. Даже когда персы приблизились к Дели, враждовавшие клики не прекратили междоусобиц. Распри продолжались и во время генерального сражения при Карнале 24 февраля 1739 года.

¹ Наместник провинции. В период распада Могольской империи особенно навиги превращались в фактических правителей своих провинций.

Когда «верблюжья артиллерия» Надир-шаха в упор расстреливала войско Дауран-хана, Низам-ул-мулк не тронулся с места. Индийцы все равно сражались упорно. Но Великий Могол Мухаммад-шах был смертельно перепуган и сам приехал с повинной к Надиру.

Надир-шах понимал, что титул императора Моголов теперь не представляет никакой ценности, и потому сохранил на троне старую династию. Его интересовали сокровища Дели. Небольшое столкновение персов с жителями Дели стало предлогом для разграбления столицы.

Иранский хронист Мухаммад-Казим, воспевавший подвиги Надир-шаха, так описывал эти события. «Пламенный гнев счастливец (Надира. — А. К.) вскипел, и он приказал произвести поголовное избиение всех жителей Шахджаханабада². Победоносное войско, услышав эти полные [гнева] слова, сразу в числе ста тысяч человек с оружием в руках атаковало кварталы, улицы, базары и дома жителей той местности и занялось убийством. Детей и взрослых, юных и старых, кого бы ни находили, не стеснялись убивать и лишать жизни; луноликих девушек и целомудренных женщин пленили рукою предопределения и пустили дым бесчестья из имущества каждого богатого человека». Шесть часов озверелые орды Надир-шаха грабили и убивали. 20 тысяч жителей Дели погибло. Сам повелитель персов наблюдал за кровавым зрелищем. Даже в этот страшный момент знатные моголы продолжали сводить личные счеты, направляя гнев Надир-шаха на своих врагов. Низам-ул-мулк сумел выжить, он усердно собирал сокровища Дели для завоевателя. Надир стал обладателем самых дорогих бриллиантов в мире, в том числе «Кох-и-Нура». Он увез из Дели драгоценностей на сумму 700 миллионов рупий, угнал в Иран десятки тысяч людей.

Разгром и ограбление Дели Надиром, унижение Мухаммад-шаха доказали всему миру ничтожность власти Великих Моголов. Низам-ул-мулк вернулся в Декан фактически независимым от Дели монархом. Маратхи также не тревожили старого властителя Хайдарабада: умер пешва, и они были заняты своими делами. Теперь Низам-ул-мулк мечтал начать завоевание всей Южной Индии.

² Так назывался Дели в эпоху Великих Моголов.

Повелитель Хайдарабада, да и другие крупные феодалы имели все основания не считаться с волей императора. Империя медленно умирала. Великими Моголами называли ничтожных или даже слабоумных людей. Вот краткие характеристики трех императоров, правивших в середине XVIII века, составленные на основании портретов Моголов, созданных историком Саркар в его книге «Падение Могольской империи». Свидетель первого страшного позора своей империи Мухаммад-шах вступил на трон 17-летним юношей (в 1719 году). В молодости это был статный и красивый человек, вежливый и добрый, но не обладавший сильным характером. Праздная жизнь, постоянные наслаждения уничтожили последние признаки его воли. Вскоре самодержец пристрастился к опиуму. К сорока годам он превратился в дряхлого инвалида, с трудом передвигавшегося по дворцу. Его единственным любимым развлечением стали петушиные бои и поединки слонов. По его прихоти сраживали и других зверей. В последние годы его жизни (1738—1747) дворец был переполнен бродячими дервишами и предсказателями судьбы. Государственные дела никогда не интересовали Мухаммад-шаха. Саркар пишет: «Этот человек был всю жизнь послушной куклой своих фаворитов».

Своего единственного сына Ахмад-шаха император боялся и не любил. Наследный принц жил в отдельных комнатах дворца под постоянным наблюдением стражи Мухаммад-шаха. Принца воспитывали мать — бывшая уличная танцовщица Удхам Баи и главный хранитель гарема Джавид-хан. И Удхам Баи и Джавид-хан были безграмотны. Став Великим Моголом, 22-летний Ахмад-шах сразу же препоручил всю власть Джавид-хану и проводил время на женской половине дворца. Ахмад-шах, еще будучи наследником, злоупотреблял вином (Джавид-хан заботливо развивал этот порок в своем воспитаннике). Не удивительно, что после года царствования молодой падишах погрузился в беспробудное пьянство. Многие поступки Ахмад-шаха настолько безрассудны, что заставляют думать о его психической неизменяемости. Так, он назначил своего трехлетнего сына правителем Пенджаба, а заодно предоставил высшие чины в государстве его сверстникам. Даже придворные летописцы были вынуждены отметить, что император потерял разум. Ахмад-шах был очень труслив. Во время

частых в период его царствования мятежей и нашествий он прятался в самых отдаленных комнатах дворца, не только отказываясь вести в бой верные войска, но даже боясь на мгновение показаться в окне. В мае 1754 года, когда маратхи напали на лагерь Ахмад-шаха у городка Сикандерабад, он бежал, покрыв себя невиданным позором. Спустя неделю император был низложен, брошен в тюрьму и ослеплен.

Следующий Великий Могол, Аламгир II, пришедший к власти 55 лет от роду, в начале своего царствования пытался подражать своему властному деду Аурангзебу, который тоже носил титул Аламгира. Но Аламгир II не обладал волей своего деда и его религиозным фанатизмом. Известно, что Аурангзев отличался сравнительной умеренностью. Верный примеру пророка Мухаммеда, он всегда довольствовался лишь четырьмя женами, проводил долгое время в походах и на охоте. Аламгир II вел неподвижную жизнь, быстро дряхлел, полностью отказался от государственных дел и озабочен был лишь увеличением своего гарема. Сластолюбивый старик стал посмешищем в собственном дворце.

То, что могольский трон занимали такие безвольные и даже слабоумные люди, не случайно; они были ставленниками придворных партий, ожесточенно боровшихся за власть. В 1748 году в Дели пришла к власти группировка иранских феодалов, возглавляемая великим вазиром Сардар Джангом, но уже в 1753 году главную политическую роль в государстве Великих Моголов стал играть 17-летний Имад-ул-мулк (с 1754 года великий вазир), внук Низам-ул-мулка. Молодой вельможа унаследовал хитрость и коварство своего деда, но не обладал его политической мудростью. Имад-ул-мулк часто склонялся к жестоким и бессмысленным политическим авантюрам. Это по его приказу Великого Могола Ахмад-шаха бросили в подземелье, а затем ослепили. Спустя три года Имад велел убить императора Аламгира и провозгласил Великим Моголом одного из принцев под именем Шах-Джахана, однако этого его ставленника уже никто не признавал. Правление Имад-ул-мулка явилось смутным временем для Дели, на улицах столицы империи шли уличные бои между сторонниками вазира и его врагами. Казна Индии была пуста, вазир с трудом находил деньги, чтобы оплачивать несколько тысяч своих личных телохранителей. После захвата Дели

войсками правителя Афганистана Ахмад-шаха в 1757 году Имад-ул-мулк полностью потерял реальную власть. Имад-ул-мулк мог существовать в качестве вазира, будучи послушным слугой либо маратхских военачальников, либо джатского раджи Сураджд Мала.

Европейцы в колониях внимательно следили за политическими событиями на субконтиненте. Письма французских колониальных чиновников свидетельствуют, что современники еще в начале 40-х годов XVIII века не могли осознать в полной мере всю важность происходившего. Генерал-губернатор Французской Индии Дюма (как, впрочем, и абсолютное большинство европейцев) воспринял приход Надир-шаха как утверждение новой династии и укрепление индийской монархии. Понимание подлинного смысла событий приходило постепенно. Первые мечты о превращении отдельных факторий в крупные колонии возникли у французского генерал-губернатора Дюма, но в 1741 году он отбыл во Францию, и его место занял Франсуа-Жозеф Дюплекс. Именно в годы его правления (1741—1753) произошли важные события в истории англо-французской борьбы за Индию.

Будущий генерал-губернатор Французской Индии родился в 1697 году в семье королевского чиновника. С 9 до 16 лет он воспитывался в иезуитском коллеже. Здесь молодой человек, как и многие другие питомцы подобных коллежей, сумел вместе с основами наук постигнуть и основы политиканства. Когда в 1714 году 16-летний Жозеф вернулся под отчий кров, Франсуа Дюплекс-старший, человек холодный и рассудочный, встретил своего сына с типичной для французского буржуа XVIII века неприязнью и подозрительностью. Его преследовала мысль: «А не промотает ли наследник с таким трудом накопленные деньги?» Не удивительно, что Франсуа Дюплекс вновь довольно быстро расстался с сыном, пристроив Жозефа в 1715 году мичманом на один из кораблей Компании обеих Индий.

О жизни Жозефа Дюплекса с 1716 по 1721 год почти ничего не известно. Он жил в Париже и в провинции, к отцу относился с чувством плохо скрытого превосходства, требовал денег, но в планы свои не посвящал.

Однако Франсуа Дюплекс решил избавиться от строптивого сына надолго. С большим трудом Дюплекс-старший выхлопотал для него место шестого советника в Пондишери. Но сын не воспользовался благодеянием

отца. Он добился большего — места первого советника в Пондишери, фактически заместителя генерал-губернатора. Никто не знает, какими путями 24-летний Жозеф достиг звания первого советника и генерального комиссара армии с окладом 2500 ливров, впрочем, в Париже никого не могли удивить ни стремительный взлет, ни стремительное падение. Это было время величия и падения Ло, время невиданной еще в истории всего мира финансовой лихорадки.

Летом 1721 года Дюплекс отправился в Индию и только 16 августа 1722 года прибыл в Пондишери. Здесь его ждал сюрприз: умер губернатор Ле Превотье и 25-летний первый советник должен занять его место. Об этом ему сообщил при встрече второй советник Пондишери Ленуар, которого сопровождали третий советник Легу и четвертый — Дюма. Дюплекс не мог не заметить недовольства советников. Им, людям, прослужившим в Индии много лет, имевшим заслуги перед Компанией, отныне придется подчиняться никому не известному юнцу. Однако Дюплекс, победив прирожденное честолюбие, проявил осторожность выученика иезуитов. Он сделал все возможное, чтобы убедить второго советника Ленуара занять место губернатора, и сразу же завоевал доверие и симпатии последнего, а также других членов совета.

Не прошло и трех недель со дня приезда, как из Франции пришел корабль с почтой. Новый «сюрприз», на этот раз печальный, — это был приказ о резком понижении Дюплекса в должности: нынешний первый советник назначался рядовым служащим небольшой купеческой конторы в Масулипатаме. Источники хранят молчание о действительных причинах столь резких перемен. Теперь пришла очередь советников Пондишери оказывать Дюплексу помощь, и они, используя свое право отменять отдельные распоряжения Компании, оставили Дюплекса в Пондишери на правах четвертого советника. А вскоре ему удалось получить место второго советника. Поддерживая приятельские отношения с губернатором Ленуаром, а также с советниками Дюма и Венсаном, Дюплекс быстро стал своим человеком в среде колониальной бюрократии.

Находясь далеко от берегов Франции, губернатор и даже управляющие отдельными колониями обладали известной самостоятельностью. Порой центральная власть

не беспокоила их годами, порой внезапно пресекала деятельность администраторов. Человек, с властью которого считались сотни тысяч людей, по приезде во Францию превращался в малозаметного обывателя, хотя и довольно богатого. Это был далеко не худший исход. Ибо часто директора Компании предъявляли ему свой счет, и тогда нависала угроза долговой тюрьмы. Поэтому каждый крупный чиновник Компании стремился иметь своего покровителя в Париже. Для Дюплекса на первых порах таким человеком являлся директор Компании обеих Индий д'Арданкур. Именно д'Арданкур добился для него через десять лет службы в Пондишери поста губернатора в Шандернагоре. Сделать это было нелегко, поскольку отношения между Дюплексом и генерал-губернатором Ленуаром окончательно испортились. Ленуар, возможно не без оснований, подозревал своего подчиненного в незаконных торговых махинациях: Дюплекс постепенно приобрел несколько домов в Пондишери и на острове Бурбон (ныне Реюньон). Ленуар и слышать не хотел о назначении в Шандернагор Дюплекса, но последний, использовав свои связи в Париже, настоял на своем.

За десять лет правления Дюплекса Шандернагор стал богатейшей французской колонией и приносил метрополии большую прибыль. Директора Компании обеих Индий восторженно отзывались о деятельности бенгальского губернатора. Эти директора мыслили как феодальные земельные рантье и в основном интересовались доходами, перспективы развития колоний почти не занимали их. Мечты Дюплекса о богатстве осуществлялись: обогащая Компанию, он не забывал и о себе. Ни Пондишери, ни тем более Париж не могли контролировать смелые торговые операции губернатора Шандернагора. Впрочем, деньги не являлись самоцелью для Дюплекса, он скорее был честолюбив, чем корыстолюбив, и чем более рос его авторитет в глазах Компании, тем ближе становилась его заветная мечта — стать губернатором Пондишери, т. е. генерал-губернатором всей Французской Индии.

Не сразу Дюплекс достиг заветной цели, ему пришлось испытать и горечь унижения. В 1734 году освобо-
дился второй по значению административный пост в колониях Индийского океана — пост губернатора, или адмирала, французских островов Иль-де-Франс (ныне

Маврикий) и Бурбон. Дюма, бывший губернатором этих островов, был назначен в Пондишери. Дюплекс приготовился перебираться на острова, как вдруг пришла весть, что правителем Иль-де-Франса и Бурбона поставлен Лабурдонне.

Бертран Франсуа Лабурдонне родился в 1699 году в семье бретонского мелкого дворянина. Его отец служил капитаном судна и погиб в английском плену, когда сыну было всего шесть лет. С 14 лет Бертран Лабурдонне на корабле. Первые шесть лет он вел бродячую морскую жизнь, плавая под разными флагами, пока не поступил на службу в Компанию обеих Индий. Слухи о том, что Лабурдонне в молодости ходил и под пиратским флагом, усердно распускали его недоброжелатели. Став офицером Компании, Лабурдонне быстро обратил на себя внимание. В 1725 году он отличился в военно-морской экспедиции по вторичному завоеванию Маэ. Затем ему было поручено командование военной эскадрой для борьбы с пиратами. Вскоре капитан Лабурдонне стал грозой морских разбойников в Индийском океане. Он завоевал репутацию самого смелого человека — купцы разных стран искали его покровительства. Лабурдонне всегда держал себя весьма самостоятельно: являясь служащим французской Компании, он исполнял поручения и других компаний. Особенно тесные связи были у него с португальцами, за свои заслуги он получил от португальского короля орден. Не брезговал он и торговыми спекуляциями и поборами с купцов.

Колониальная бюрократия не любила своенравного моряка и терпела его только по необходимости. Но в Париже у Лабурдонне имелись мощные покровители. Вессильный Фюльви, брат генерального контролера, королевский комиссар Компании, симпатизировал храброму морскому военачальнику. Не удивительно, что в 1734 году Лабурдонне стал адмиралом островов Бурбон и Иль-де-Франс.

Новый правитель островов с удивительной энергией принялся за дело. Он завербовал десять способных архитекторов и строительных мастеров для сооружения портов и ремонтных доков. Наконец-то у Франции появились морские базы. Вскоре острова покрылись сетью дорог, в невиданных масштабах осушались болота, и на их месте возникали плантации хлопка, индиго, сахара, кофе, пшеницы и маиса. Многие культуры Лабурдонне

насаждал на островах. Из Мадагаскара корабли привозили скот, из Персии — виноград, из Китая — апельсиновые и из Франци — фруктовые деревья. Но главный груз его кораблей составляли невольники из Африки.

Черные рабы и раньше жили на острове, но французская администрация до 1734 г. не справлялась с ними. Африканцы и мулаты убегали с плантаций, объединялись в отряды и нападали на европейских колонистов. По прибытии на острова Лабурдонне организовал полицию и суд, на протяжении года он методически прочесывал район за районом, жестоко расправляясь с зачинщиками. Адмирал превращал беглых африканских рабов в солдат, его «свирепые кафры» впоследствии наводили ужас на англичан и на мирное население Индии. Через десять лет острова превратились в образцовые колонии — здесь сосредоточились все блага и пороки цивилизации XVIII века.

Сотни африканцев умирали от голода, болезней и побоев на плантациях Лабурдонне. Его жестокость удивляла привычных ко всему колонистов. Правление Компании вызвало адмирала в Париж для отчета, но при поддержке генерального контролера Орри ему удалось оправдаться.

Одним из самых главных врагов Лабурдонне был Дюплекс. Его письма к директорам Компании полны резких выпадов против адмирала, он обвинял его в авантюризме и жестокости. Это мнение разделялось большинством высокопоставленных чиновников Французской Индии. Лабурдонне платил этим купцам и чиновным буржуа презрением. Если он не уступал им как администратор, то как военачальник namного их превосходил. Поэтому, узнав в 1741 году, что на пост генерал-губернатора Французской Индии назначен Дюплекс, «выскачка и простолюдин», адмирал пришел в бешенство. Но директора Компании глубоко не вникали во взаимоотношения своих главных резидентов, хотя каждый раз они жестоко расплачивались за это.

Дюплекс получил генерал-губернаторство в 1741 году благодаря умению ладить со всеми. У него была репутация миротворца; постоянно сдерживая свое высокомерие, он был в хороших отношениях с директорами Компании, со своими коллегами, с индийскими феодалами. «Этот человек может обеспечить поступление денег и товаров, как никто другой» — думали в Париже.

Перед отъездом в Пондишери новый генерал-губернатор женился. Его брак вызвал одновременно удивление и благоговение. Дюплекс женился на вдове своего друга Венсана, матери многих детей. В жилах жены Дюплекса текла индийская кровь (ее дед был топасом). Властолюбивая, хитрая и энергичная мадам Дюплекс активно вмешивалась в дела. Она знала тамильский язык и вербовала агентов для французской администрации. Но жена Дюплекса, ревностная католичка, не скрывала своего отвращения к индуистской религии, что вызывало неприязнь к ней со стороны индийцев.

Пондишери торжественно провожал Дюма. Предшественник Дюплекса возвращался во Францию со славой. Его называли победителем маратхов. Дело в том, что в 1738 году Дюма склонил раджу Танджура к уступке городка Карикала и пяти соседних деревень на довольно выгодных для раджи условиях, но губернатор нидерландской колонии Негапатам сумел отговорить раджу. Как только Чанда Сахиб, властитель Тричинополи, узнал об этих событиях, он тут же предложил французам план раздела Танджура, о котором давно мечтал.

В 1736 году Чанда Сахиб стоял у ворот Тричинополи с войском. Будучи министром и зятем наваба Карнатика, он пришел на помощь вдове мадурского раджи, против которой взбунтовались собственные феодалы. Рани колебалась: она знала нравы военачальников — им ничего не стоит превратиться из друга во врага. Но войска Чанды ей также были нужны. Прежде чем открыть ворота крепости Тричинополи, рани решила потребовать у Чанды Сахиба клятвы на Коране в том, что он не захватит крепость. Чанда Сахиб дал необходимую клятву, и его войска беспрепятственно вошли в город. Вскоре Чанда Сахиб провозгласил себя государем Тричинополи, а клятву свою объявил ложной, ибо клялся не на Коране, а на кирпиче, завернутом в парчовую обложку от Корана.

Скандалная репутация Чанда Сахиба не смутила Дюма. Французский губернатор заключил союз с Тричинополи, и в то время как Чанда Сахиб и его родичи ворвались в Танджур с запада, французские войска начали наступление с северо-востока и захватили Карикал.

Хозяйничанье Чанда Сахиба в Южной Индии явилось одним из поводов нашествия маратхов на Карнатик. Поход возглавил Рагходжи Бхонсле, самый круп-

ный после пешвы маратхский феодал. Он вел за собой многотысячное войско (по одним источникам, 150 тысяч, по другим — 50 тысяч). Вторгшись в Карнатик, маратхи не встретили там никакого сопротивления, столицу провинции — Аркат взяли почти с ходу. Наваб Дост Али и его сын были убиты в кратковременной схватке за город. Но маратхи упустили караван с сокровищами, который жена наваба сумела вывести из города, и он беспрепятственно достиг Пондишери.

Генерал-губернатор Дюма оказался в трудном положении. Пустить в Пондишери вдову Доста Али значило начать войну с маратхами. На такой риск до сих пор не шла ни одна Ост-Индская компания. Отказать в гостеприимстве — нанести тяжелый удар престижу французской короны в Индии. В конце концов Дюма приказал открыть городские ворота. Огромный караван и присоединившиеся к нему беженцы заполнили город: слоны, верблюды, запряженные в повозки быки с трудом протискивались по узким улицам.

Между тем стало известно, что Чанда Сахиб сдался в плен, а вскоре около города появились всадники на низеньких лошадях — это были маратхи. Рагходжи Бхонсле потребовал немедленной выдачи всей родни Доста Али, а также сокровищ. Дюма держался твердо. Он показал маратхскому послу готовые к бою пушки и запасы снарядов, затем передал письмо Рагходжи Бхонсле, где были такие слова: «Во Франции не добывают ни золота, ни серебра, но в нашей стране есть много железа и есть солдаты, которые могут дать отпор любому врагу». Вождю маратхов было отправлено также несколько десятков бутылок нансийского вина. На письмо Дюма Рагходжи ответил не менее высокопарным посланием, в котором между прочим писал: «Мы, маратхи, имеем достаточно стальных молотков, чтобы согнуть ваше железо».

Когда на следующий день посланник французов отправился в лагерь Рагходжи, маратхов уже не было. Они внезапно исчезли. Впервые европейская Компания сумела категорически отказать маратхам. Вся мусульманская знать Индии поздравляла губернатора с победой, а Великий Могол Мухаммад-шах удостоил Дюма титула наваба.

Победа над маратхами вскружила голову Дюма. В последние дни своего пребывания в Пондишери он но-

сился с честолюбивыми проектами захвата всего юга Индии, установления полного господства Компании на Малабарском побережье. Но стоило Дюма вернуться в Париж и сделаться одним из директоров Компании обеих Индий, как все его честолюбивые мечты немедленно исчезли. Как и остальные его коллеги по Компании, он думал лишь о своевременных поступлениях доходов. Мало того, даже такое небольшое территориальное приращение, как Карикал, теперь казалось ему излишней роскошью. «Я раскаиваюсь, что образовал это поселение», — писал из Парижа Дюма своему преемнику Дюплексу.

Как только Дюплекс водворился в Пондишери, он сразу почувствовал всю тяжесть новой должности. Французская Индия представляла мало связанные между собой колонии, губернаторы которых чувствовали себя почти независимыми от Пондишери. К тому же губернаторы отнюдь не отличались административными талантами. На службе Ост-Индской компании можно было встретить людей двух типов: либо стяжателей-авантюристов, стремившихся нажиться за счет Компании, либо ограниченных, вялых служаков — почти всегда неудачников в прошлом. Способный и дельный человек был редкостью. Директора Компании проявили присущую им непоследовательность: воздав должное способностям Дюплекса, назначив его генерал-губернатором Французской Индии, они не считались с его рекомендациями. В Компании царили традиции феодальной бюрократии. Продвижение по службе зависело от родственных и прочих связей, а затем от чинов и выслуги лет; военным и административным талантам почти не придавали значения.

Что же представляли собой отдельные французские колонии в Индии в начале 40-х годов XVIII века, во время первых лет губернаторства Дюплекса?

Шандернагор в Бенгалии стал к этому времени самым богатым торговым центром Французской Индии. Каждый год три корабля с товарами стоимостью в среднем 2 миллиона рупий отправлялись отсюда во Францию. Доходы от внутренней торговли Шандернагора постоянно росли.

На место Дюплекса в Бенгалии поставили Дируа, того самого, которого еще Лемуар прочил в губернаторы Шандернагора. Прослужив десять лет в Маэ на Мала-

барском побережье, Дируа зарекомендовал себя крайне вспыльчивым человеком. Он не только ссорился со своими сотрудниками, но и враждовал с местными феодалами и торговыми компаниями. В Шандернагоре незадачливого губернатора ждали серьезные неприятности: в начале 1742 года в Бенгалии появились маратхи во главе с Рагходжи Бхонсле. Опустошив Западную Бенгалию, Бхонсле повел войска к Муршидабаду, желая, по-видимому, разорить европейские колонии на реке Хугли. Опасаясь за судьбу бенгальской колонии, Дюплекс прислал 250 солдат из Пондишери и приказал укрепить город, однако до штурма Шандернагора дело не дошло. Бенгальский наваб Аллахварди-хан уплатил Бхонсле большой выкуп, и маратхи покинули пределы Бенгалии. На следующий год Рагходжи Бхонсле вновь напал на Бенгалию. Торговля в этой провинции Индии сильно пострадала. Стало трудно снаряжать корабли с товарами в Европу. Не обладая гибкостью своего предшественника, Дируа сразу же допустил денежный перерасход, чем вызвал неудовольствие Компании. Его губернаторство длилось недолго, в 1743 году он умер, и его место занял Бюра, шеф фактории в Касимбазаре.

Бюра служил в Компании обеих Индий с 1727 года. Не обладая качествами администратора, этот чиновник в течение 16 лет медленно продвигался по службе. Усталый и безразличный, он проявлял крайнюю невзыскательность к своим подчиненным, что привело к полному упадку дисциплины. Рос произвол мелких служащих Компании, взяточничество и вымогательство стали нормой поведения, рвались долголетние взаимовыгодные связи с местными купцами, с таким трудом налаженные Дюплексом. Начались растраты, затем дезертирство солдат местного гарнизона.

Дюплекс был вынужден неоднократно вмешиваться в управление и пресекать деятельность отдельных чиновников, но удаленность Пондишери от Бенгалии безусловно ему мешала. Дезертирство тем временем приняло массовый характер. Более полусотни солдат и офицеров поступили на службу к Шонамилю, президенту австрийской «Компании Ост-Энде». Шонамиль к тому времени уже проявил себя законченным авантюристом, промышлял грабежом, восстанавливал индийские власти против европейцев. К нему стекались дезертиры из всех компаний. Получив новое подкрепление, Шонамиль ре-

шил совершить разбойничий рейд по Бенгалии, явно переоценив свои силы. Около местечка Пегу его отряд попал в засаду, устроенную войсками наваба, и почти весь был уничтожен. Большинству французских дезертиров удалось вырваться из окружения. Они долго скитались по стране, затем захватили купеческий корабль, вышли в море, не умея им управлять, и сдались англичанам.

Лишь благодаря репутации Дюплекса французам удалось сохранить нормальные отношения с навабом. Однако спокойствие продолжалось недолго: в Бенгалию вновь вернулись маратхи, теперь они опустошали все, включая и французские фактории. Правда, на этот раз пребывание маратхов длилось недолго. Аллахварди-хан обманом заманил маратхских вождей к себе и всех перебил. Но бенгальцы понимали, что месть маратхов не заставит себя долго ждать. Действительно, в 1745 году две большие маратхские армии вторглись в страну в четвертый раз за пять лет. Рагходжи Бхонсле осадил Патну, а несколько десятков тысяч маратхских всадников двинулись грабить европейские колонии. Шандернагор был под угрозой, но небольшие разъезды маратхской кавалерии только раз показались перед городскими воротами. Маратхи охотились за Аллахварди-ханом. Казалось, дни бенгальского наваба были сочтены, к тому же против него взбунтовались собственные войска. Случайная смерть мятежного военачальника Мустафы-хана спасла жизнь наваба. Войска вновь подчинились правителю. Маратхи не навязывали генерального сражения. Вскоре начался сезон дождей, и их армия ушла из Бенгалии.

Войны с маратхами причинили громадный ущерб казне Аллахварди-хана. Бенгальский наваб сразу же решил возместить убытки за счет европейских купцов. Налоги возросли настолько, что служащие компаний начали мечтать о новом нашествии маратхов. В 1744 году стоимость товаров, поступающих из Бенгалии в Европу, сократилась вдвое. Начавшаяся англо-французская война нанесла бенгальским компаниям новый удар. Военные корабли обеих держав отчаянно охотились за торговыми. Связь между отдельными портами окончательно нарушилась. В этих условиях Аллахварди-хан постоянно прибегал к вымогательству, обещая то одной, то другой компании свою поддержку за деньги. Французская Бенгалия была в самом критическом положе-

ний: в Шандернагоре едва теплилась торговая жизнь; остальные торговые центры перестали существовать.

Карикал, новая колония французов, находилась в лучшем положении, поскольку была расположена сравнительно недалеко от Пондишери и Дюплекс мог руководить ее делами почти непосредственно.

Раджа Танджура, бывший хозяин Карикала, не хотел отказываться от поборов с деревень, принадлежавших французам, хотя требуемая сумма была невелика, Дюплекс категорически запретил местному коменданту платить что-либо. Власти Танджура стали угрожать войной и совершали внезапные нападения на пограничные деревни. В то время на территории Карикала находилось всего две сотни французских солдат. Однако, несмотря на малочисленность французского гарнизона, раджа побоялся развязать открытую войну. Более того, он решил использовать французов в борьбе со своими давними врагами голландцами и даже предложил Дюплексу военный союз, прося у него пушки и корабли, но власти Пондишери отказались выступить против голландцев. Война танджурцев против соседней голландской колонии Негапатам окончилась для них неудачно. Как это часто бывает, неудачные военные действия вызвали ропот в войсках. Тогда Дюплекс предложил радже свою дружбу, а взамен потребовал для Компании новых земель.

Генерал-губернатор понимал, что в данный момент он может оккупировать Танджур без единого выстрела, но он затевал сложную дипломатическую игру. На Танджур претендовали и старый союзник французов Чанда Сахиб, и один из маратхских феодалов, и, наконец, низам Хайдарабада. Одно неосторожное движение могло повлечь за собой целую цепь неприятностей, а Дюплекс боялся в первые годы правления нажать многих врагов.

Вскоре Низам-ул-мулк потребовал у Танджура 45 лакхов (лакх — 100 тыс.) рупий единовременно. Перепуганный раджа начал жестокие поборы со своих земель. Сборщики налогов стали тревожить и жителей принадлежавших французам деревень. Наступило резкое ухудшение отношений между Танджуром и Пондишери. Дюплекс прислал в Карикал 400 солдат под командой своего лучшего офицера Паради, который быстро рассеял танджурцев. Однако радже удалось собрать большое

поиско: пять тысяч всадников и полторы тысячи пехотинцев двинулись на Карикал. Паради быстро подготовился к обороне, и войска раджи Танджура, несмотря на десятикратное численное превосходство, отступили, понеся большие потери. Это было не случайно: армия раджи состояла из недисциплинированных людей, неспособных к ведению длительной осады. К тому же в Танджуре появились войска Низама, недовольного медленным поступлением денег. Положение французов в Карикале укрепилось.

Когда директора Компании в Париже узнали о действиях Дюплекса, они единодушно выразили свое недовольство. Особенно негодовал бывший инициатор захвата Карикала — Дюма.

Маэ — французская колония на Малабарском побережье, окруженная английскими и голландскими торговыми центрами, испытывала большие трудности. Англичане из близлежащих колоний, стремясь парализовать французскую торговлю, постоянно натравливали на Маэ индийских феодалов. На первых порах французы успешно оборонялись, используя взаимную вражду соседних феодалов. Немало сделал для укрепления Маэ Паради — способный военный инженер.

Губернатором Маэ до 1741 года был Дируа (позднее переведенный в Бенгалию), сумевший очень быстро восстановить против себя всех индийских князьков. Это обстоятельство искусно использовал управляющий английской колонией Телличери Вейк. Несколько малабарских феодалов, объединившись, блокировали Маэ с суши. Возможно, колония прекратила бы существование, если бы не подошла эскадра Лабурдонне. Адмирал немедленно высадил десант. Войска индийских феодалов отступили, а Вейку оставалось только послать французам поздравительное письмо. «Я думаю — это слова не от чистого сердца», — громогласно заявил Лабурдонне при чтении письма, явно рассчитывая на то, что эта фраза станет известна англичанам. Французская эскадра стояла на рейде Маэ несколько месяцев и только весной 1742 года двинулась в путь. Визит Лабурдонне произвел на жителей Малабарского побережья весьма внушительное впечатление. Маэ не подвергалась нападению даже в первые годы англо-французской войны.

Судьба Маэ, Шандернагора, Сурата и других колоний, удаленных на сотни километров от Пондишери,

волновала Дюплекса. В случае войны, которая становилась неизбежной, эти торговые центры легко могли стать добычей врага. Дюплекс все более убеждался в необходимости создания единой колониальной территории вместо отдельных точек, разбросанных по всему полуострову.

Между тем Франция отнюдь не была готова к грядущей войне. Престарелый кардинал Флери, первый министр Людовика XV, делал все, чтобы сохранить мир, тратя свои силы на плетение и распутывание интриг при европейских дворах. Но эта придворная дипломатия — дипломатия момента, не учитывавшая основных, глубинных линий в мировой политике, несмотря на внешний успех, оказалась чреватой печальными последствиями. Политический кругозор Флери ограничивался только Европой. Французские заморские владения его не интересовали. Военный флот находился в плачевном состоянии. Напрасно морской министр Морепе осаждал Флери просьбами о субсидиях — кардинал только отшучивался. Между тем корабли гнили, а прославленные капитаны, герои морских сражений, такие, как Кассар³, жили и умирали в неизвестности. Безразличие кардинала к действиям Англии, которая наносила поражение за поражением испанским Бурбонам, вызывало возмущение в Версале и в парижских салонах. Но Флери оставался первым министром, а король пребывал в царственном безразличии.

Кардиналу в 1743 году было более 90 лет, однако он не выпускал власть из дряхлых рук, продолжая ежедневно работать. Весь Париж следил за здоровьем Флери: от него зависело многое, в том числе цена на акции Компании обеих Индий. Стоило старику немного занемочь, как акции падали. Когда же приходило известие, что кардинал проработал в кабинете 12 часов, акции вновь поднимались в цене. Для широких кругов французской торговой буржуазии, политически отсталой и недалёковидной, он оставался символом мира между Англией и Францией.

Созданная Ло в 1719 году как коммерческое акционерное общество французская Компания обеих Индий

³ Один из самых известных морских капитанов в войне за испанское наследство; просидев в долговой тюрьме около пяти лет, умер там в 1740 году.

указом 30 августа 1723 года фактически превращалась в учреждение, подчиненное государству. Ордонанс 23 января 1731 года довершил этот процесс. Составленный генеральным контролером, министром финансов Орри, ордонанс отдавал Компанию под его власть. Орри учредил должность королевского комиссара, который был и главным директором Компании, остальные директора также назначались правительством. Многочисленные держатели акций довольствовались дивидендами. И директора и акционеры Компании мечтали только о росте доходов. Колония являлась средством немедленного обогащения. Дух риска и предприимчивости, свойственный в значительной мере англичанам и голландцам, был чужд большинству чиновников Компании обеих Индий и акционерам-рантье. Вот почему они так не хотели думать о войне. Даже Дюплекс еще в 1743 году, планируя завоевание земель вокруг Пондишери, отгонял от себя мысль о войне с Англией. Генерал-губернатор Французской Индии тешил себя надеждой, что в случае войны в Европе в колониях удастся сохранить мир.

Наибольшую дальновидность проявлял Лабурдонне. Будучи в Париже, он сумел убедить генерального контролера Орри и королевского комиссара Фюльви в необходимости иметь флот у берегов Индии. Королевское правительство передало в распоряжение Лабурдонне пять военных кораблей. Орри и Фюльви составили секретную инструкцию, предоставлявшую французскому военному флоту право в случае войны нападать на торговые суда противника. Но тот же документ запрещал присоединять к французским владениям захваченные в ходе войны территории вражеских колоний. «Если какой-либо участок земли, — гласила секретная инструкция, — будет захвачен, в период наступления относительного спокойствия он должен быть немедленно возвращен противной стороне». (Эта инструкция сыграла роковую роль при взятии у англичан Мадраса.)

Эскадра Лабурдонне из пяти кораблей во главе с 56-пушечным фрегатом «Флери» отплыла из Нанта в Индию. Эти корабли не были украшением королевского флота. Построенные на верфях Компании, они представляли нечто среднее между торговыми и военными судами, офицерский корпус состоял из случайных людей — разорившиеся дворяне и буржуа, искатели приключений и недоучки в большинстве своем плохо знали морское

дело. Наконец, особенно неприглядно выглядели две тысячи матросов и солдат, завербовавшихся на службу в Индии, — пестрая толпа деклассированных элементов, от профессиональных уголовников до нищих студентов. Лабурдонне так оценивал свою команду: «Три четверти из этих людей никогда не нюхали моря и почти все, включая солдат, не знают, что такое пушка или ружье... Они слишком добры, чтобы защищаться, когда их атакуют, и способны только грузить ящики на корабль».

Из этого крайне неблагодарного людского материала Лабурдонне меньше чем за пять месяцев создал настоящее войско, способное наносить удары регулярным армиям. С яростным упорством адмирал тренировал свой экипаж, используя каждый день. В нем уживалась строгость, порой доходившая до необузданной свирепости, со способностью объединить вокруг себя талантливых людей. Последнее качество обеспечило ему на каждом корабле преданного и достойного капитана.

Новый флот Компании впервые появился у берегов Маэ осенью и зимой 1741—1742 годов, наведя страх на все колонии Малабарского побережья. Весной и летом 1742 года Лабурдонне находился на острове Бурбон. Здесь его флот продолжал готовиться к новым сражениям. Внезапно из Франции пришел странный приказ: предписывалось распустить солдат и отправить корабли на родину. Лабурдонне ничего не понимал. Противоречивые действия правительства повергли его в отчаяние. Он медлил с выполнением приказа. Через некоторое время пришло письмо генерального контролера Орри, симпатизировавшего адмиралу, в котором разъяснялось, что не все приказы французского правительства следует выполнять... Подобная практика бессмысленных приказов и расплывчатых намеков, типичная для эпохи Людовика XV, заставляла администраторов и военачальников в Индии полагаться на свою интуицию и одновременно потакало их своеволию. Итак, Лабурдонне остался в Индии и продолжал готовиться к войне. У адмирала была заветная мечта — захватить крупный торговый центр английской Ост-Индской компании Мадрас. Об этом же думал и Дюплекс.

В 1742 году французский военный инженер Паради приехал в Мадрас с дружеским визитом. Английский губернатор Морс чрезвычайно приветливо его встретил, но изболтливые хозяева ни на минуту не оставляли гостя

без внимания. Все же Паради сумел изучить состояние укреплений и даже составил подробный план. Город, в котором жило около 500 тысяч человек, был укреплен крайне слабо, никаких фортификационных работ не было. Полагаясь на свое морское превосходство, англичане не допускали возможности потери Мадраса.

Вернувшись в Пондишери, Паради представил Дюплексу обстоятельный доклад. По его мнению, внезапная атака с моря и суши заставит англичан мгновенно капитулировать. Дюплекс начал активно готовиться к кампании, желание овладеть Мадрасом вытеснило страх перед войной.

Наступил 1743 год. В Париже умер «его вечность» кардинал Флери, и все заговорили о войне. Пожалуй, только граф Морепа, морской министр, по долгу службы знавший действительное положение флота, не был ее рьяным сторонником. После долгих колебаний Людовик XV сделал преемником Флери маркиза д'Аржансона — одного из главных мемуаристов своего времени, человека одаренного, но склонного к легковесным проектам. Он и его брат граф д'Аржансон, военный министр, активно настаивали на войне с Англией. К войне призывала короля и тогдашняя его фаворитка, тщеславная герцогиня де Шатору.

Внешняя политика Франции в то время становилась все менее гибкой, намечались контуры секретной дипломатии, которая в будущем принесла столько трудностей французским министрам. Все большее значение приобретал королевский «теневого кабинет», где главную роль играли придворные интриганы. В одну цепь соединялись серьезные политические мотивы и мельчайшие дворцовые сплетни. Французским преуспевающим дипломатам середины XVIII века были свойственны дипломатическая изощренность и одновременно политическое легкомыслие. Во Франции все чаще говорили о войне с Англией, правительство открыто помогало претенденту на английский трон из династии Стюартов⁴. 24 марта 1744 года королевская типография напечатала специальные листки об объявлении войны Англии.

Дюплекс узнал о войне только через полгода после ее начала. Он попытался сохранить мир в районе Ин-

⁴ Представители свергнутой в 1689 году королевской династии Стюартов жили в эмиграции во Франции.

дийского океана и предложил англичанам объявить вне войны пространство от мыса Доброй Надежды до границ Китая. Морс, губернатор Мадраса, ответил любезным посланием, но подтвердить свой нейтралитет отказался. Бомбей и Калькутта вели себя еще более неопределенно. Английские купцы мечтали покончить во время войны с французской Компанией, которая за 15 лет значительно усилилась. Однако в Бенгалии англичане не решились нападать на французов, так как побаивались наваба, а на Малабарском побережье все еще помнили эскадру Лабурдонне. Это понимал и Дюплекс. Поскольку англичане не дали гарантии нейтралитета, можно было развязать войну.

Теперь все зависело от Лабурдонне. В это время адмирал продолжал ремонт своих кораблей и подготовку солдат и матросов к войне. Между генерал-губернатором и адмиралом началась интенсивная переписка, в которой за ничего не значащими словами и комплиментами ясно угадывается возрастающее напряжение в их отношениях. Оба без конца писали о необходимости союза друг с другом, но никто не хотел быть вторым.

Между тем англичане становились все решительнее: в Зондском проливе действовал капитан Барнет, близ Малакки крейсировала эскадра Пейтона. Они захватили все купеческие корабли, идущие под французским флагом, и фактически парализовали торговлю Компании. Однако с военными кораблями английский флот в бой не вступал, правда, фрегату «Флери» не разрешили плыть из Маэ к Мадагаскару.

Лабурдонне без конца атаковал письмами Орри и его двоюродного брата, королевского комиссара Фюльви, и требовал помощи. Морская пехота адмирала давно была готова к штурму. 400 солдат-негров, которых отбирал сам адмирал, поражали своим ростом и физической силой и составляли авангард его войск. «Предоставьте в мое распоряжение 200 солдат или 200 сипаев, до 300 грузчиков, и я решу все дело», — писал адмирал в Пондишери. Но дни шли, а военные корабли из Франции не появлялись. Раздражение Лабурдонне росло.

Во Франции война уже отразилась на делах Компании обеих Индий. В первые месяцы войны акции стоили 2 тысячи ливров и колебания на бирже были небольшими. Акционеры не выказывали недовольства, каждый из них получал по 150 ливров дивиденда на каждую ак-

нию. Самым крупным акционером был король, он владел 12 тысячами акций. Члены королевского дома, многие представители аристократии, подражая королю, приобрели по многу акций. Большинство же акционеров принадлежали к дворянству мантии (чиновники, судейские, откупщики), а также к крупной буржуазии. Богема и «полусвет», довольно многочисленные в Париже XVIII века, тоже участвовали в делах Компании обеих Индий. Конечно, их голоса не были решающими на собраниях акционеров, но именно эта пестрая толпа газетчиков, актрис, профессиональных игроков и т. д. мгновенно распространяла панику на бирже.

На рождество, когда во Францию вернулись несколько кораблей Компании, акционеры приготовились получить свои дивиденды. Однако 1 января 1745 года по Парижу поползли зловещие слухи, и цена акций упала на 200 ливров. 2 января в специальной афише правление Компании объявило о временной задержке выплаты дивидендов. Цена акций упала до 1200 ливров — почти вдвое. Видя столь стремительное падение акций, многие акционеры потребовали ликвидации Компании. Правление Компании в феврале собрало всех крупных акционеров и отчиталось перед ними — пайщики несколько успокоились.

Может быть, под влиянием этих событий французское правительство наконец решилось отправить Лабурдонне подкрепление. К тому же стало известно о захвате купеческих кораблей. Разгром англичан под Фонтенуа в мае 1745 года и удачное начало авантюры английского принца из династии Стюартов, который высадился с 14 тысячами солдат в Шотландии, обнадеживали. Все же на протяжении 1745 года англичане уверенно хозяйничали в Индийском океане. Они уже не довольствовались перехватом торговых судов. Английские фрегаты врывались в нейтральные порты в датской и голландской колониях Транкабаре и Негалатаме, где укрывались французские купеческие корабли. Наконец из Франции вышла эскадра во главе с 76-пушечным фрегатом «Ахилл». Плохо подготовленные к походу корабли попали в бурю и прибыли на остров Бурбои в совершенно неудовлетворительном состоянии. Лабурдонне был вынужден дать отдых экипажу и произвести необходимый ремонт.

Дюплекс не мог ничего предпринять. Из Парижа он

получал раздраженные письма: директора, не желая считаться с действительным положением вещей, требовали денег, отказывались предоставить необходимые кредиты для подготовки к войне. Но особую тревогу вызывал у Дюплекса Мадрас: если англичане начнут укреплять город, то планы мгновенного захвата рухнут. Тем временем лазутчики приносили успокоительные сведения: английский губернатор проявлял удивительную беззаботность.

Пока же Дюплекс искал союзников. Самой грозной силой в Индии являлись маратхи, но их вмешательство было чревато опасностью для всех; менее сильным, но более верным партнером мог оказаться наваб Арката. После смерти Доста Али во время нашествия маратхов положение в Карнатике стало довольно запутанным. Низам-ул-мулк из Хайдарабада поддерживал в Аркате своего родича. Чанда Сахиб, хотя и находился в плену у маратхов, тем не менее внимательно следил из далекой Пуны за событиями в Карнатике и действовал через своих многочисленных родственников и сторонников. Анвар-уд-дин-хан, ставленник низама, с опасением ожидал возвращения Чанда Сахиба и, зная, что последний считался другом французов, искал поддержки у англичан. Как только началась война, английский губернатор Морс стал настраивать аркатского наваба против Пондишери, и на протяжении 1745 года войска наваба неоднократно подступали к стенам французской колонии.

Дюплекс решил не ссориться с навабом; узнав, что Анвар-уд-дин-хан движется к Пондишери, он стал готовиться к встрече. Посланцы французского генерал-губернатора предложили Анвар-уд-дину посетить Пондишери. Наваб согласился. Индийский князь был поражен пышностью приема (Дюплекс не поскупился). Впрочем, он заметил и войска, и пушки, и бастионы. Гость и хозяин состязались в изысканном восточном красноречии; в порыве умиления Анвар-уд-дин-хан назвал Дюплекса своим дорогим сыном. Но подозрительность ни на минуту не оставляла ни губернатора, ни наваба. Расстались они по-прежнему враждебно. Все же Дюплекс, по-видимому, считал, что властитель Карнатика более склонен к нейтралитету, чем к войне. В Пондишери все повеселело, оживилась торговля. Зато английские власти в Мадрасе не скрывали своего разочарования.

Дюплекс был раздражен задержкой флота Лабур

донне. Прошла уже половина 1746 года, а эскадра все не появлялась. Лабурдонне по-прежнему готовил свой флот и войска к походу. В апреле ему помешал свирепый циклон. Наконец в мае эскадра из десяти кораблей двинулась в путь. Они уступали английским в быстроте хода, но экипаж был хорошо подготовлен к войне. Пройдя вдоль южной оконечности Малабарского побережья, Лабурдонне двинулся к Цейлону, где рассчитывал найти английскую эскадру Пейтона и дать бой. Противники встретились только у Коромандельского побережья. Англичане, рассчитывая на маневренность своих кораблей, наступали с подветренной стороны и были уверены в благополучном исходе боя. Четыре часа продолжалась ожесточенная артиллерийская перестрелка. Французский флот нес тяжелые потери, только на флагманском корабле «Ахилл» погибло 80 человек, но Лабурдонне проявил обычное упорство. Англичане также понесли потери. Когда наступила ночь, адмирал Пейтон увел свою эскадру на юг. Путь на Пондишери был свободен.

Дюплекс окончательно потерял терпение. Переводчик генерал-губернатора Ананда Ранга Пиллаи отмечал в своих записях: «Люди толпятся на берегу, смотрят на море и ждут. Они только и думают о кораблях... 14 июня в 7 часов утра подняли флаг, на юге показался корабль. Господин не скрывал своей радости, он стоял на балконе и наблюдал, как приближается корабль. К кораблю выслали лодку, она вернулась, и наши люди принесли записку с судна: „Мы купеческий корабль и везем соль“. Господин в бешенстве разорвал ее и ушел в дом». Только спустя три недели на рейде появился купеческий корабль, капитан которого сообщил, что военная эскадра приближается к Пондишери. В городе начался праздник. «Сегодняшнюю радость не выразишь на бумаге», — заметил Ананда в своем дневнике 8 июля 1746 года. Пока жители Пондишери ликовали, Дюплекс и его приближенные готовились к встрече адмирала.

Лабурдонне и Дюплекс не виделись 17 лет, но ни один не забыл о прошлом соперничестве. Оба энергичных и честолюбивых человека не хотели ни в чем уступать друг другу. При продвижении одного другой всегда чувствовал себя обойденным. Лабурдонне не мог простить Дюплексу губернаторства в Бенгалии, а последний долго не мог примириться с назначением Лабурдонне адмиралом островов Иль-де-Франс и Бурбон.

Правда, в 40-х годах взаимная антипатия несколько смягчилась. Дюплекс достиг высшего поста в Индии, а Лабурдонне чувствовал себя независимым на островах при поддержке королевского комиссара Фюльви. Дюплекс всегда безоговорочно снабжал корабли адмирала припасами. Война как будто еще более сблизила обоих: и адмирал и генерал-губернатор одинаково мечтали о взятии Мадраса.

9 июля 1746 года под гром пушечных выстрелов адмирал Лабурдонне вступил на землю Пондишери. Начались празднества, банкеты и парады, но не прошло и трех дней, как вновь возникло взаимное раздражение. Лабурдонне с самого начала дал понять, что он — особа, равная генерал-губернатору, и ревностно следил за всеми мелочами военного этикета. 13 июля разразился первый скандал: отряд гарнизона, повстречавшийся адмиралу на улице, не приветствовал его по всей форме. Лабурдонне пожаловался Дюплексу. Губернатор приказал арестовать непочтительного офицера, отдал распоряжение, чтобы адмирала всюду сопровождала особая охрана, но затаил злобу на строптивного военачальника. На следующий день произошла сцена, в которой проявил свою мелочность Дюплекс: адмирал устроил парад морской пехоты перед особняком генерал-губернатора, но тот притворился спящим.

Лабурдонне более не скрывал своей ярости, в своем кругу он именовал губернатора не иначе как «купец». Дюплекс же, по сообщению Ананды, говорил своим сотрудникам об авантюристе, обязанном своей карьерой лишь покровительству королевского комиссара Фюльви, обвинял адмирала в неспособности разбить английскую эскадру. Нетрудно догадаться, как быстро узнавали обе стороны о взаимных оскорблениях: город разделился на две партии. Между офицерами флота и армии происходили дуэли. Военные действия с англичанами еще не начались, а уже резко обозначились контуры будущего раскола во французском командовании. Так проходил день за днем. Лабурдонне опомнился первым и представил губернатору обстоятельный доклад с подробной сметой расходов на военную экспедицию. Дюплекс согласился с требованием адмирала, хотя не преминул напомнить о скудном пайке, на котором оставался Пондишери.

Прежде чем нанести удар по Мадрасу, адмирал хо-

пол окончательно обезопасить себя от английской эскадры. Французский флот двинулся в Негапатам. Эта голландская колония превратилась за годы войны в английскую военную базу. Но ни англичане, ни голландцы не оказывали сопротивления Лабурдонне, он чувствовал себя хозяином всего побережья. Эскадра адмирала Мейтона не приняла боя, и Лабурдонне мог без боя взять Куддалур и форт св. Давида, находящиеся в нескольких десятках километров к югу от Пондишери. Дюплекс же не рекомендовал ему этого делать, чтобы не испугнуть властей Мадраса. Все побережье трепетало перед флотом Лабурдонне. Управляющий голландской колонией беспрекословно выполнял его приказы. Однажды во время банкета, рассказывает Ананда, вбежал растерянный голландский офицер и закричал: «Приближаются англичане!» Адмирал приказал поднять паруса и идти навстречу врагу. На глазах у голландцев англичане трусливо отступили.

24 августа Лабурдонне вернулся в Пондишери, но буквально на следующий день заболел. Корабли вновь безжизненно стояли на рейде. Дюплекс нервничал. Он подозревал, что адмирал нарочно тянет время, желая показать губернатору бессилие гражданской власти. Дюплекс опасался возвращения английской эскадры. В городе опять начались распри между сторонниками адмирала и губернатора. И тогда Лабурдонне, чтобы положить конец назревавшему скандалу, приказал отнести себя в паланкине в губернаторский дом. Здесь Дюплекс начал осыпать адмирала упреками. Лабурдонне в ответ потребовал приказ о штурме Мадраса за подписью Дюплекса, рассчитывая, что последний откажется взять на себя всю ответственность за последствия. Но Дюплекс тут же составил такой приказ. Лабурдонне почувствовал всю глупость своего положения и решил вновь сказаться больным. Ненависть адмирала к губернатору достигла предела, отодвинула на задний план и заставила временно забыть недавние честолюбивые помыслы. Лабурдонне теперь все свои силы направил на месть. Но и Дюплекс в это время не был более похож на миролюбивого управляющего из Шандернагора. Безграничная власть укрепила в нем упрямство и усилила раздражительность; он не хотел вести дипломатическую игру с человеком, который формально являлся его подчиненным.

Теперь оба начальника, военный и гражданский, действовали наперекор друг другу. Дюплекс старался держать подготовку к захвату Мадраса в строгом секрете; приказал арестовывать всех подозрительных лиц и запретил беспрепятственный выезд из города. Лабурдонне и его офицеры говорили о предстоящем штурме совершенно открыто, так что об этом стало известно не только в Пондишери, но и в Мадрасе. Однако английские власти не предпринимали ничего. Спокойствие и самоуверенность британского губернатора Морса, казалось, не имели предела. Чем активнее действовал Дюплекс, тем инертнее становился командующий флотом. Вся вторая половина августа прошла в многословной, полной язвительных намеков переписке: Совет Пондишери требовал решительных действий, Лабурдонне отнекивался, иронически предлагая Дюплексу стать будущим завоевателем Мадраса.

В конце концов адмирал поручил своему заместителю идти на Мадрас. Когда французские корабли приблизились к городу, там началась паника. Первыми стали покидать город купцы, за ними потянулись ремесленники. Капитан, заменяющий Лабурдонне, вел себя нерешительно (возможно, он имел секретные инструкции). Флот некоторое время крейсировал у берегов Мадраса и затем вернулся в Пондишери. Подобное бездействие оказалось, впрочем, неплохим тактическим маневром, ибо губернатор Морс окончательно уверился в полной безопасности города.

Слухи о неудачной экспедиции флота достигли Пондишери быстрее кораблей. Моряков встретили в городе возмущенные насмешки. Лабурдонне пришел в бешенство. Он решил показать «всем этим жалким купцам и чиновникам», чего стоит его эскадра. Адмиралом овладела жажда деятельности. Казалось, вернулось долгожданное согласие. Однако, оставаясь наедине с переводчиком, губернатор давал волю словам: «Этот негодяй разоряет меня... За преступления, совершенные им на островах Бурбон и Иль-де-Франс, его давно следовало бы отправить во Францию и повесить. Но он спас свою жизнь, подкупив Фюльви». Дюплекс прожил в Индии четверть века, из них 15 лет находился у власти, последние пять лет чувствовал себя почти монархом. Восточная лезть придворных индийцев пьянила его. «Слава о нас», говорил угодливый Ананда, — гремит в Майсуре,

Голконде, Дели. Вас прославляют в песнях». Когда же повинуясь Лабурдонне, над французами в Индии начали смеяться. Только взятие Мадраса могло восстановить престиж французов. Губернатор скрепя сердце вновь стал обхаживать адмирала. Жители Пондишери могли часто видеть роскошный паланкин Дюплекса,двигающийся к резиденции Лабурдонне. План штурма был продуман ими до мелочей и установлены размеры первоначальной контрибуции.

Но Дюплекс и Лабурдонне представляли судьбу Мадраса по-разному. Первый мечтал скрыть с лица земли город и вообще изгнать англичан с Коромандельского побережья, а затем и со всего полуострова; второй считал Мадрас собственностью Британии и думал только о сумме выкупа. До поры адмирал не раскрывал свои карты. Как главнокомандующий, он распоряжался всеми морскими и наземными силами. Отборные войска Пондишери под командованием капитана Паради начали грузиться на корабли.

12 сентября 1746 года восемь кораблей с тремя тысячами солдат на борту взяли курс на Мадрас. Часть солдат осталась в Пондишери. Дюплекс был очень озабочен. Во-первых, английская эскадра могла в любой момент появиться у Пондишери, во-вторых, зашевелился аркатский наваб: узнав о первой экспедиции французов, он потребовал не тревожить англичан и в противном случае грозил напасть на Пондишери. Наваб рассчитывал периодически брать дань с обеих колоний, и его не устраивала победа одной из них. В Аркат прибыл французский посол и помимо щедрых подарков привез письмо от губернатора. Дюплекс писал, что англичане — пираты, грабят корабли французской Компании и Великого Могола, следовательно, Англия — враг Великого Могола. Французы достигли своей цели: наваб действительно заколебался.

Между тем Лабурдонне плыл к Мадрасу. Город по-прежнему не был укреплен. Командующий гарнизоном, больной 70-летний офицер, располагал 200 солдатами и 400 сипаями. Морс, Гаррис и другие высокопоставленные чиновники Мадраса абсолютно не интересовались гарнизоном. Английские солдаты забыли дисциплину, и 400 мадрасских сипаев были совершенно не обучены. Первый большой десант французских войск во главе с Паради высадился в Сен-Томе. Отряд двинулся в путь.

Ни одного солдата вражеской армии французы не встретили. К утру около самого города Лабурдонне с большой группой войск присоединился к Паради. 17 сентября французы без единого выстрела заняли одно из предместий города, небольшое расстояние отделяло французскую армию от стен. Лабурдонне приказал выдвинуть пушки вперед. Одновременно корабли развернулись перед городом и навели на него свои орудия. Утром 18 сентября началась бомбардировка одновременно с суши и с моря.

Характерно, что жители города, увидев французские корабли на горизонте, были спокойны, даже когда флот приблизился к Мадрасу, тревоги не наблюдалось. И на этот раз жители не ждали от французов какой-либо опасности. Тем быстрее поднялась паника после первого залпа. Английские сипаи побросали оружие сразу. Лабурдонне приказал вести обстрел непрерывно. С каждым часом паника все нарастала. Такой канонады индийское население до сих пор не слышало никогда. Люди бежали сквозь проломы стен навстречу смерти, но вон из города. Английские солдаты, не обращая внимания на офицеров, грабили склады — вскоре большинство из них были пьяными. Только несколько офицеров да никому еще тогда не известный писец английской Ост-Индской компании Роберт Клайв были готовы сражаться, но что могла сделать эта горсточка против тысяч солдат! 18 сентября стало ясно, что судьба Мадраса решена. К вечеру топас, по имени Франциско Перейра пробрался во французский лагерь и от имени губернатора Морса попросил Лабурдонне сообщить свои условия. Мадрасский губернатор надеялся на прибытие английской эскадры и стремился выиграть время. Возможно появление английского флота пугало и Дюплекса, поэтому он посылал курьеров к адмиралу, настаивая на решительном штурме. Однако Лабурдонне не торопился. В его лагерь в это время прибыла английская делегация во главе с Морсом. Несколько часов шли переговоры. Англичане предложили контрибуцию. Лабурдонне настаивал на капитуляции. Но капитулировать британский губернатор отказался, явно надеясь на помощь. Адмирал отправил вдогонку Морсу письмо, в котором возлагал на него ответственность за события, которые могут произойти при штурме (грабежи, резня).

Прошло 19 сентября. Лабурдонне приказал вновь

открыть огонь. Обстрел города продолжался и днем и ночью. Напрасно осажденные умоляли адмирала прекратить огонь. Все тот же самый топас Перейра пытался вновь проникнуть во время канонады в лагерь французов, но не смог. К ночи канонада стала еще сильнее, в городе начались пожары. В 6 часов 21 сентября в одном из проломов появился солдат с белым флагом. Пушки замолкли. Затем показались два советника губернатора Мадраса, барабанщик и несколько писцов. Их немедленно привели к адмиралу. «Мы согласны на капитуляцию», — пробормотал советник Монсон.

Операция по захвату Мадраса была проведена Лабурдонне безупречно, французы не потеряли ни одного солдата. Но то, что произошло в дальнейшем, вызывает возмущение почти всех французских историков. Только немногочисленные биографы Лабурдонне менее придирчивы. Дело в том, что Лабурдонне и после капитуляции согласился считать Мадрас английским городом. Гарнизон (или, вернее, офицеры и несколько десятков солдат) объявлялся плененным. Англичане обязывались уплатить за город выкуп.

Англичане не ожидали такого благоприятного для них исхода. Оговаривая пункты капитуляции, они еще раз умоляли адмирала подтвердить тот факт, что Мадрас по-прежнему английский город. «Дайте слово чести», — все время повторял Монсон. «Я уже дал его Вам, — ответил адмирал, — и мое слово нерушимо». Чиновники поспешили сообщить радостную весть своему губернатору. Через несколько минут французские солдаты вошли в город, и флаг с лилиями Бурбонов взвился над Мадрасом.

Французский историк Мартино и советский историк Н. И. Радциг, автор биографии Дюплекса, считают, что решение Лабурдонне в отношении Мадраса было роковым для французской политики в Индии. Другие французские авторы, за исключением биографов Лабурдонне, судят адмирала еще строже. Лабурдонне представляется в лучшем случае капризным авантюристом, в худшем случае — человеком, подкупленным англичанами. Такое суждение по меньшей мере односторонне. Во-первых, командующий флотом действовал согласно инструкции генерального контролера Орри, запрещавшей самостоятельно посягать на английскую территорию. Во-вторых, владения Англии на Коромандельском побере-

режье были в глазах Лабурдонне вотчиной его соперника. Одно дело доказать свою военную доблесть, другое—таскать каштаны из огня для Дюплекса. В-третьих, Лабурдонне в данном случае выступил как типичный носитель дворянской традиции, господствовавшей во французской армии. Предельно точны слова Маркса: «Лабурдоннэ захватил Мадрас; он не взял в плен английских купцов, не нанес им лично никакого вреда, чем вызвал ярость своего соперника Дюплекса, губернатора Пондишери». Для Лабурдонне главным врагом являлась английская армия, для Дюплекса — английские купцы.

Генерал-губернатор Пондишери 21 сентября еще ничего не знал. Его люди, посланные в Мадрас, не подавали никаких вестей. Ананда отмечает в своем дневнике, что губернатор постоянно вызывал его к себе, интересуясь судьбой его родственника-дельца, отправленного с войсками принимать трофеи.

20-го числа по «черному городу» поползли слухи, правда смешивалась с вымыслом. Говорили, что губернатор Морс сошел с ума от пушечных выстрелов, но индийские купцы нашли новое войско, и теперь город охраняют индийцы; некоторые утверждали, что наваб с войском идет на Пондишери. 21 сентября Дюплекс получил письмо о прибытии в Маэ новой французской эскадры. Настроение его несколько улучшилось. 22 сентября в резиденцию генерал-губернатора прибыл курьер и вручил депешу о том, что Мадрас пал.

Дюплекс приказал дать залп из пушек. Грянул торжественный салют, зазвонили колокола, площадь перед дворцом губернатора быстро заполнялась «лучшими» людьми Пондишери. Дюплекс с балкона произнес здравицу в честь адмирала, объявил о взятии Мадраса, затем о ночной иллюминации в городе. На радостях были выпущены из тюрем должники и мелкие преступники.

Из «белого города» возбуждение перекинулось в «черный». Как пишет Ананда, на улицах и перекрестках собирались бедняки и нищие, проклинали богатых торговцев, взвинтивших во время войны цены на необходимые продукты. С большим трудом удалось утихомирить толпу. Купцов заставили даже несколько дней распределять сахар бесплатно. В свою очередь делегации купцов и брахманов просили начать строительство индуистского храма. Губернатор казался человеком веротерпимым: пусть жители выражают свою радость, сла-

ни своего бога, говорил он, но мадам Дюплекс, ревностная католичка, возмущалась решением своего мужа.

23 сентября в городе продолжались празднества. 24 сентября генерал-губернатор стал испытывать легкую тревогу: подробные сведения не поступали. Дюплекс написал Лабурдонне большое письмо, в котором были следующие слова: «Что же касается Мадраса, то я не могу все решать сам, я могу действовать от имени высшего Совета Пондишери. Вы должны обращаться за указаниями к нему».

Адмиралу, как и всем в Индии, было известно, насколько ничтожна власть Совета, который только подтверждал волю генерал-губернатора. Слова письма дали Лабурдонне понять, что его власть в Мадрасе кончилась, и он должен передать свои полномочия гражданской администрации и продолжать военные действия.

25 сентября Дюплекс получил из Мадраса письмо от своего офицера связи. Он умолял Дюплекса лично прибыть в Мадрас, ибо Лабурдонне «сорвался с цепи». 26 сентября в Пондишери прибыл Паради с еще более неутешительными вестями, а 27-го пришло письмо от Лабурдонне, в котором последний язвительно писал следующее: «Что же касается Вас, то я не имею предписания подчиняться Вам, я могу принять Ваши слова как просьбу, но не как приказание... Судьба Мадраса уже решена, город будет возвращен англичанам за выкуп». Адмирал указывал, что, возможно, останется там до зимы.

Губернатор и Совет Пондишери были ошеломлены подобным самоуправством. Восемь часов продолжалось заседание во дворце Пондишери. Мелкие чиновники и офицеры гарнизона, видимо по приказу губернатора, устраивали на улице шествия, выкрикивая угрозы по адресу «корсара». Из Пондишери в Мадрас мчались курьеры с требованием прекратить произвол. С каждым часом волнение Дюплекса росло.

Но Лабурдонне еще более демонстративно подчеркивал свою независимость. Вызвав к себе 26 сентября губернатора Морса, адмирал предъявил для подписания текст договора. Англичанин не смог скрыть своей радости и удивления. Еще бы, его, сдавшегося на милость победителя, по-прежнему считают правовой стороной. По договору Мадрас должен был заплатить 9 миллионов ливров деньгами, а 4,5 миллиона товарами. Но са-

ма процедура выплаты в тексте не оговаривалась. Морс поспешил подписать документ.

Тем временем Дюплекс разработал подробный проект ликвидации Мадраса: город должен быть уничтожен, земля передана аркатскому навабу, все купцы и ремесленники перевезены в Пондишери, который будет единственным большим городом на восточном побережье полуострова.

Когда Лабурдонне ознакомился с этим проектом, он ответил новым издевательским посланием: «Ваше письмо полно замечательных советов, за которые я благодарю Вас, они мне доставили настоящее удовольствие... и хотя я не всегда разделяю Ваше мнение, я всегда с большим трудом противостою Вашим взглядам». После этого «лирического отступления» адмирал в сухом, деловом тоне отмел все проекты губернатора и отказался выполнять какие-либо его военные поручения.

Следует отметить, что Дюплекс, проявляя бешеное недовольство действиями командующего флотом, не сделал решительного шага — лично не явился в Мадрас, предоставив тем самым Лабурдонне свободу действий. Губернатор передал полномочия своим офицерам, но с ними в Мадрасе не считались. Тем временем англичане, видя распри в лагере победителей, смелели с каждым днем. Они начали торговаться о сроке выкупа. Лабурдонне относился к их претензиям спокойно. Офицеров, прибывших из Пондишери, к переговорам не допускал. Адмирал продолжал писать генерал-губернатору саркастические письма или послания такого рода: «Пишу Вам два слова, ибо должен вернуться на переговоры с англичанами». Офицерам связи Дюплекса было заявлено, что соглашение подписано и через десять дней эскадра покинет город.

Дюплекс не знал, что предпринять. Мадрас, его многолетняя мечта, так глупо ускользал из рук. Наконец он, вновь забыв тщеславие, написал адмиралу письмо, полное униженных просьб. Он просил не брать у англичан векселя, а требовать полновесной монеты для уплаты контрибуции, изменить свое решение, отказаться от слова: ведь даже короли Франции так поступали. Лабурдонне казался растроганным и составил ответ в таком же тоне... но ничего не изменил.

Между офицерами Дюплекса и морскими офицерами вновь стали возникать драки. В то же время Дебреме

шесть, старший по чину офицер губернатора, пригласил капитанов кораблей на пир, где настраивал их против адмирала, назвав последнего предателем интересов короля. Узнав об этом, Лабурдонне пришел в бешенство, пригрозил арестовать всех друзей Дюплекса и стал еще уступчивее к просьбам англичан, которых открыто называл доблестными людьми.

Дюплекс же, правда с опозданием, создал орган управления завоеванным городом — провинциальный совет Мадраса, в который наряду с чиновниками входили также заслуженные офицеры, как Паради. Но многие комиссары еще находились в Пондишери. А уполномоченные Дюплекса окончательно рассорились с адмиралом и покинули город, укрывшись в Сен-Томе.

Лабурдонне тем временем решил возвратить форт св. Георгия и несколько пушек англичанам за вексель стоимостью 11 миллионов рупий (14 миллионов ливров) со сроком выплаты два года. Слухи об этом вызвали удивление жителей Мадраса. Говорили, что французы боятся англичан и что Лабурдонне подкуплен.

Из Пондишери выехали комиссары во главе с Бури, у них были полномочия взять в свои руки всю гражданскую и военную власть над Мадрасом. 2 октября Бури и его коллеги прибыли в Сен-Томе и в сопровождении отряда солдат направились к городу. Однако чем ближе они подходили к городу, тем менее охотно двигались солдаты. Напрасно Паради, самый авторитетный из офицеров, призывал солдат держаться твердо и все время повторял: «В ваших руках будет огромное имущество Компании, она не забудет ваших услуг!» Эти слова не достигли цели.

В город офицеры пришли одни. Охрана пропустила комиссаров в резиденцию штаба. В главном зале они нашли Лабурдонне, беседовавшего с большой группой морских офицеров. Здесь же находилось несколько англичан. Увидев людей Дюплекса, Лабурдонне пригласил их в кабинет. «Нет, мы хотим прочитать постановление Совета здесь!» — заявил Паради. Этих слов было достаточно, чтобы привести адмирала в бешенство, глаза его налились кровью, еще секунда, и он отдаст приказ арестовать офицеров Компании, но в последний момент Лабурдонне сдержался. Бури зачитал обращение жителей Пондишери ко всем французским солдатам и матросам с просьбой не отдавать Мадрас англичанам, протест

Совета Пондишери против договора от 26 сентября и указ о назначении Бури комендантом Мадраса. При чтении последнего документа адмирал воскликнул: «Пока я здесь, команду я!» «Ваш договор с Морсом выгоден только англичанам», — парировал в ответ Паради.

«Ко мне, офицеры! — закричал Лабурдонне, окончательно потеряв власть над собой, — хватайте этих мятежников!» «Попробуйте», — хладнокровно ответил Паради, вынув шпагу из ножен. В залу набилось много народа, среди них немало англичан. Все ждали драки. Однако схватки не произошло, в последнюю минуту адмирал опомнился, и инцидент закончился скучной перебранкой. Паради, Бури и другие офицеры заметили, что адмирал, несмотря на свой гнев, держался крайне неуверенно. «Пусть, — заявил он, — совет моих офицеров решит, могу ли я отказаться от своего слова».

Вечером на флагманском корабле «Ахилл» собрался совет офицеров флота, который должен был решить, может ли дворянин Лабурдонне нарушить слово чести, данное англичанам. Морские офицеры единогласно высказались: «Господин Лабурдонне должен держать данное слово».

Почувствовав поддержку своих людей, адмирал обрел обычную самоуверенность. Он громогласно подтвердил незыблемость своего решения. Но депутаты Дюплекса также не теряли времени даром: солдаты и младшие офицеры войск, расквартированных в Мадрасе прислушивались к их голосам. Авторитет Лабурдонне начинал падать, в город вошли новые части из Пондишери, преданные Дюплексу. Несколько офицеров Дюплекса предложили похитить командующего флотом и отправить его в Пондишери. Но Паради, не только наиболее храбрый из всех, но и самый дальновидный, предостерег от этого шага, ибо могла возникнуть междоусобная война между сухопутными войсками и флотом.

Необходимо было присутствие Дюплекса в Мадрасе, однако генерал-губернатор не являлся, хотя офицеры неоднократно звали его прибыть в город. Такое поведение Дюплекса непонятно.

Лабурдонне, видя, что отношение прибывших солдат к нему становится все более враждебным, пошел на хитрость. Он приказал распустить слух о приближении английской эскадры. В связи с этим поступило распоряжение погрузить солдат на корабли для абордажного

бом. Причем на суда отправлялись наиболее преданные Дюплексу части. Вся операция заняла немного времени и не встретила почти никакого сопротивления. Солдаты Пондишери оказались запертыми на кораблях, Лабурдонне вновь стал полновластным хозяином в Мадрасе. Провинциальный совет оказался бессильным. Старый служака Бури пришел в ярость, с обнаженной шпагой он и несколько его офицеров вбежали в резиденцию Лабурдонне, но были арестованы. Вскоре к ним присоединился и Паради, который зашел несколько позже в кабинет Лабурдонне и спокойно попросил отпустить своих товарищей.

«Вы мятежник, — закричал в ответ Лабурдонне, — если бы я поступал с вами по всей строгости, то пришлось бы зайти слишком далеко». Паради, презрительно улыбаясь, безропотно отдал свою шпагу и отправился к другим арестованным. Его появление сразу всех успокоило. Охрана явно нервничала. Нервничал и сам Лабурдонне. Добившись своего, изолировав солдат, арестовав офицеров, он, по-видимому, ощутил пустоту, которую испытывает человек, совершивший желанные, но бессмысленные поступки. Неприязнь адмирала к Дюплексу стала проходить. Он написал генерал-губернатору жалобу на его офицеров и чиновников, требуя наказать их, особенно Паради. После этого послал своего мичмана в Сен-Томе, где находились оставшиеся члены провинциального совета, прося их прийти на совещание. Но последние отказались, требуя освобождения арестованных. Паради и его друзья фактически находились под домашним арестом, их конвоиры с каждым часом становились предупредительней.

8 октября в Пондишери вошла эскадра адмирала Дордолена. Он привез роковую для Лабурдонне весть: его покровитель — генеральный контролер Орри и его двоюродный брат Фюльви уже год как были не у дел, явившись жертвой неприязни всемогущей маркизы Помнадур. Дордолен привез также письменное распоряжение Компании о передаче всей полноты власти в руки генерал-губернатора, Лабурдонне предписывалось быть простым исполнителем воли Дюплекса. Узнав об этом, Дюплекс тут же стал писать новому генеральному контролеру Машо и другим директорам Компании жалобы на предательское поведение адмирала.

Раздраженный и мрачный, ходил адмирал по своей

мадрасской резиденции. Он понимал, насколько упали его шансы. Злость сменилась безразличием, и только упрямство заставляло сохранить в силе договор с англичанами. Офицеров выпустили из тюрьмы, солдаты выгрузились на берег, провинциальный совет действовал все активнее. Адмирал рвался покинуть Мадрас и уйти на острова, тем более что приближался сезон дождей. Он стал готовиться к отъезду.

Тем временем Дюплекс совершенно успокоился, получив акт о капитуляции, по которому солдатам Франции предписывалось покинуть Мадрас 15 октября. Губернатор Пондишери сделал вид, что согласен с текстом договора, и лишь потребовал, чтобы солдаты покинули Мадрас не в октябре, а в январе. Расчет был прост — остаться после отплытия эскадры господином положения в оккупированном городе.

Адмирал опять проявил упрямство. Неизвестно, чем бы кончилась эта длительная тяжба, если б 13 октября в окрестностях Мадраса не произошел сильный шторм. Подобные морские бури происходят в этом районе примерно раз в сто лет (они были зафиксированы также в 1842 и в 1916 годах). Утром и даже после полудня стояла великолепная погода. Буря разразилась внезапно. Корабли «Мария-Гертруда» и «Герцог Орлеанский» мгновенно разбились в щепки, весь их экипаж погиб. «Феникс» перевернулся, «Ахилл», «Нептун», «Бурбон» и «Принцесса Мари» были после шторма в самом жалком состоянии, почти все пушки оказались за бортом, мачты сломаны. За несколько часов адмирал лишился флота. Только три корабля можно было восстановить.

Лабурдонне на все махнул рукой, единственной его целью стало добраться до островов. Кое-как починив свои корабли, оставив в Мадрасе значительную часть морских пехотинцев под командованием офицеров Дюплекса, адмирал 23 октября 1746 года отплыл на острова. В последнем письме к Дюплексу Лабурдонне писал: «Соглашение с англичанами я нахожу правильным и соответствующим нашему теперешнему положению. Если Вы думаете иначе о судьбе Мадраса, можете без колебаний следовать по Вашему усмотрению. С меня достаточно того, что я там водрузил знамя моего короля».

Радость Дюплекса по поводу отъезда Лабурдонне не могло омрачить отплытие эскадры Дордолена к берегам

Суматры. Ананда записал в своем дневнике: «Генерал-губернатор опять единственный человек во всей Французской Индии, а Лабурдонне последний человек». В Пондишери все говорили, что по прибытии во Францию он будет повешен». Недоброжелатели адмирала почти не ошиблись. Неприятности более не оставляли Лабурдонне. На островах он застал уже нового губернатора. Пришлось отправляться во Францию. Штормы и бури продолжали его преследовать, корабли гибли. Английский флот шел по пятам. В конце концов Лабурдонне стал пленником англичан. Последние, помня события в Мадрасе, встретили его с почетом. Но в Париже его ждал совсем иной прием. В дирекции Компании лежало подробное донесение Дюплекса о действиях адмирала в Индии. Возникло дело о предательстве, и завоеватель Мадраса оказался в Бастилии.

В 1748 году был заключен мир. Мадрас передали англичанам. Шли годы, а Лабурдонне томился в тюрьме. Лишь в 1751 году друзья адмирала настояли на пересмотре дела. Процесс привлек внимание парижан. Лабурдонне держался стойко, в тюрьме он написал обстоятельные «мемуары» о взятии Мадраса. Общественное мнение выступило в защиту узника. «Все симпатизировали Лабурдонне, называли его мстителем за Францию и жертвой зависти», — писал Вольтер. Адвокат Барбье, герцог Люинь и другие известные мемуаристы того времени единодушно прославляют героя Мадраса. Лабурдонне оправдали, но три с половиной года Бастилии не прошли даром. Он вышел из тюрьмы неизлечимо больным и через два года умер. Его судьба довольно типична для Франции того времени. Личная храбрость и военный талант редко ценились при дворе Людовика XV.

Между тем Дюплекс и его чиновники искали в договоре с англичанами юридические несообразности. Среди чиновников губернатора оказалось несколько опытных крючкотворов, способных объявить этот документ лишенным правовой силы. Отплытие Лабурдонне означало для англичан отказ от какого-либо компромисса с французами. Теперь у мадрасских кушцов и чиновников оставалась одна надежда — аркатский наваб Анвар-уд-дин-хан. Наваб был рассержен самоуправством Дюплекса и Лабурдонне. Нужно было только побудить престарелого князя к активным действиям. В многочис-

ленных письмах англичане просили наваба наказать французов.

25 октября 1746 года председатель провинциального совета Мадраса Депремениль получил грозное письмо от сына Анвар-уд-дина — Махфуз-хана с требованием немедленно покинуть Мадрас. Буквально на следующий день под Мадрасом появился большой отряд воинов наваба — 1500 всадников. Все пути из Мадраса в Пондишери оказались перекрыты. Воины аркатского наваба арестовывали всех французов, которых настигали в пути. Мадрасский совет послал в ставку Махфуз-хана парламентеров. Но сын наваба даже не подумал вступать в переговоры и приказал оставить французских офицеров (среди них племянника Дюплекса Кержена) в качестве заложников у себя в лагере.

Положение Дюплекса стало критическим. Флот отсутствовал, Мадрас фактически был блокирован: кругом поговаривали, что сам хайдарабадский низам идет с огромным войском на Пондишери. Дюплекс не хотел осложнять отношения с Аркатом, его жена написала несколько писем Анвар-уд-дину, в которых умоляла его во имя прошлой дружбы не нападать на французов. Но ответа не последовало.

Махфуз-хан получил подкрепление, теперь он вел три тысячи всадников, не считая пехоты. 1 ноября аркатские воины двинулись на город. Сад Компании оказался в их руках, но далее Махфуз-хан не пошел, решив взять Мадрас измором. Французам пришлось резко сократить рацион для солдат и сипаев. Однако аркатское войско, недисциплинированное, как и все могольские армии, не было способно к длительной осаде. Воины аркатского наваба не уступали в храбрости французским солдатам, но почти не считались с волей своих командиров. Боясь, как бы его всадники не разбежались, Махфуз-хан пошел на приступ. Сражение длилось недолго. Французский офицер Бартельми приказал открыть огонь из всех орудий по коннице. Первый же залп вызвал замешательство могольского войска. Прогремел еще один залп, и конница повернула назад. Пехота и сипаи преследовали отступающих. Французские заложники, пользуясь суматохой в лагере Махфуз-хана, беспрепятственно бежали к своим.

Тем временем небольшой отряд под командованием Пириди двинулся из Пондишери к Мадрасу. Подкреп-

ление состояло из 200 солдат и 300 сипаев. Неожиданно разведка донесла, что неподалеку находятся многочисленные индийские войска. Это была армия Махфуз-хана, отступавшая от Мадраса. Паради рассчитывал, что Бартельми со своими отрядами подойдет с севера и нападет на индийцев с тыла, но тот не появлялся. Тогда французский офицер решил наступать сам. На рассвете французы двинулись в атаку. Аркатцы, деморализованные недавним поражением, не решились атаковать французов, а открыли беспорядочную стрельбу. Паради продолжал продвигаться вперед. Точно рассчитав дистанцию, он приказал перестроиться в две цепи и начать поочередный огонь. Первый залп французов и сипаев достиг цели — десятки воинов повалились на землю. За ним последовал второй, третий залп. Казалось, вооруженные расстреливают безоружных. Несколько тысяч воинов Махфуз-хана в беспорядке отступили, испугавшись пятисот французов. На поле осталось 120 солдат наваба. Паради потерял лишь трех человек. Французы не преследовали неприятеля, а двинулись к Мадрасу.

Подобной победы над индийцами никто из европейцев еще не одерживал. Если маратхи в 1741 году просто не осмелились напасть на Пондишери, то теперь горсточка французов рассеяла пятитысячную армию. Даже взятие Мадраса не произвело такого впечатления на местных феодалов, как разгром войска Махфуз-хана. Впервые военные достоинства западной цивилизации были так явственно продемонстрированы в Индии. Впервые также проявилась боеспособность сипаев, которые составляли две трети отряда Паради.

По всей Индии шла молва о победе французов. Нидам-ул-мулк, хайдарабадский владыка Декана, номинальный повелитель аркатского наваба, поздравлял французского губернатора с победой над войсками собственного вассала. Старый субадар хотел использовать поражение Анвар-уд-дина в своих целях — укрепить собственный авторитет в Аркате. Грозный восначальник маратхов Рагходжи Бхонсле, в былые времена стоявший с конницей у стен Пондишери, не скрывал своего восхищения: «Гром ваших побед распространился на наших берегах и в других местах настолько, что все наши враги, к какому бы народу они ни принадлежали, поражены ими. Весь Индостан наполнен вашей славой».

В Индию доходили путаные слухи об аванюре принца Чарльза Стюарта, который с несколькими тысячами солдат высадился в Шотландии и продвигался к Лондону (в Шотландии он был наголову разбит). Повсюду говорили, что французский король стал хозяином Британии.

В этой обстановке мечты Дюплекса о создании великой французской империи в Индии представлялись весьма реальными. Еще до взятия Мадраса, 17 сентября Дюплекс говорил своему верному Ананде: «Эти мусульманские собаки не имеют никакого представления о собственной силе: когда они видят наши отряды, то приходят в ужас. Индия разрезана на много кусков, их легко завоевать». Ананда заметил: «Чтобы завоевать главные индийские крепости, нужно иметь всего тысячу солдат». «Не тысячу, а пятьсот», — возразил Дюплекс. Теперь, казалось, эти слова оправдались. Почувствовав себя непобедимым, Дюплекс решил железной рукой задавить Мадрас. Но генерал-губернатор встретил препятствие, на первый взгляд незначительное.

Дюплекс захотел выдвинуть на первый план самого способного из своих офицеров — Паради. Это вызвало единодушное возмущение остальных офицеров, старших по чину: принцип выслуги считался непререкаемым в Компании. Бартельми — честный, смелый и ограниченный служака, оказался предводителем местной фронды. Паради фактически очутился в изоляции, но он не был человеком, которого легко смутить, и решил арестовать на время нескольких офицеров, особенно резко выступавших против его назначения. Бартельми бомбардировал Дюплекса раздраженными письмами, упрекая губернатора в несамостоятельности и в том, что он находился под влиянием жены. Дюплекс в ответном письме заявил, что Бартельми — честный человек, но неспособный.

Теперь уже не Лабурдонне, а недовольные офицеры поддерживали губернатора Морса. Когда Паради начал пересматривать условия капитуляции, все члены провинциального совета вдруг оказались сторонниками договора от 26 сентября. Но Паради со свойственным ему хладнокровием продолжал заниматься делом. Он объявил все имущество английской Ост-Индской компании французской собственностью и изъял ключи от складов, магазинов и всех хозяйственных помещений.

При подсчете конфискованных товаров сразу же обнаружилось, что склады и магазины почти пусты. Пока вышло время, англичане смогли все припрятать.

Паради удалось установить в Мадрасе порядок, по его приказу в городе круглосуточно дежурили патрули, всех заподозренных в грабеже расстреливали. Начались работы по срытию укреплений, но они продвигались крайне медленно. Наконец Паради вызвал к себе Морса, Монсона и других высших чиновников английской Ост-Индской компании и приказал им собраться в дорогу: их отправляли в Пондишери. Английского губернатора сопровождал большой отряд французов. Вместе с этим отрядом в Пондишери ушли некоторые французские офицеры, не желавшие служить «этому выскочке» Паради.

В Пондишери долго готовились к встрече пленного губернатора. Огромная толпа индийцев собралась на площади, шпалерами стояли солдаты и сипаи. На возвышении, окруженный чиновниками Компании, стоял Дюплекс. Наверное, это был лучший день в его жизни, он мог в полной мере насладиться унижением своих исконных врагов — англичан.

Теперь Паради стал полноправным комендантом города, однако его усилия встретили новое препятствие, на этот раз непреодолимое — торговое превосходство английских купцов. Превратить Пондишери в город, подобный Мадрасу, оказалось неосуществимым. Можно временно нарушить торговые связи, существующие десятки лет, но нельзя их навсегда уничтожить силой и в одно мгновение.

Купцы и ремесленники не собирались уезжать из обжитого большого Мадраса в маленький неблагоустроенный Пондишери. В Пондишери лишь дворец генерал-губернатора, особняки нескольких богатых индийских торговцев, католические церкви, индуистские храмы, мечеть, форты и казармы имели пристойный вид. Большинство домов «белого города», принадлежавших чиновникам и купцам Компании, было построено наспех и находилось в плачевном состоянии: служащие Компании не хотели тратить собственные деньги на украшение Пондишери. «Черный город» — хаотические скопления убогих хижин — задыхался в грязи. Мастерские и мануфактуры отсутствовали, мебель и многие необходимые вещи домашнего обихода приходилось по-

купать в Мадрасе, поскольку их туда более регулярно привозили из Англии.

Паради всячески обхаживал индийских купцов, обещал аннулировать их долги Компании, если они переедут в столицу Французской Индии, но купцы не обращали внимания на его слова. Торговля в Мадрасе замерла, но Пондишери от этого не выиграл. Даже армянские торговцы, которые всегда сочувствовали французам, отказались ехать в Пондишери.

Хотя Дюплекс считался победителем, он фактически проиграл, ибо и после разрушения Мадраса не сумел бы превратить Пондишери в подобный Мадрасу торговый центр. Даже во время самого большого взлета в Индии феодально-абсолютистская Франция была обречена на поражение в силу своей отсталости.

Вскоре генерал-губернатор стал все меньше уделять внимания Мадрасу, у него возникли другие планы. Буквально в нескольких километрах к югу от Пондишери находилась небольшая английская колония Куддалур. Здесь собрались англичане, которые не примирились с поражением и мечтали о реванше. Среди беженцев из Мадраса, тайком пробравшихся в Куддалур, выделялся Роберт Клайв, наиболее отчаянный и упрямый из всех сторонников продолжения войны. Дюплекс решил покончить с вражеским гнездом близ Пондишери, поэтому вызвал Паради из Мадраса.

В Мадрасе остался править полковник Депремений. Внешне город успокоился, на самом же деле положение оставалось тревожным. Мадрас, лишенный морской охраны, мог в любой момент стать добычей английского флота. Всадники аркатского наваба появлялись вокруг города, нападая на отдельных путников, затрудняя сообщение с Пондишери. Окончательно не удалась попытка переселить мадрасских купцов в Пондишери. Двое армянских купцов перевезли туда свои товары, но разорились полностью, их примеру не хотели следовать другие. Французская администрация Мадраса в декабре 1746 года предписала всем индийским и армянским купцам представить отчет о торговле под угрозой конфискации товаров. Торговые круги бойкотировали это предписание, а французы не осмелились прибегнуть к карательным мерам. Наконец в марте 1747 года Депремений по приказу Дюплекса сделал последнюю попытку переселить купцов. Он объявил, что,

если к указанному сроку торговцы не подадут отчеты и не согласятся на переезд, их дома будут разрушены. На этот раз многие купцы принесли списки своих товаров, однако никто не согласился перебираться в Пондишери. «Возьмите, если хотите, товары себе, но мы никуда не поедem», — говорили купцы.

В это время действительно о переезде не могло быть и речи, так как у берегов появилась английская эскадра, а сухопутная дорога стала еще более опасной. Чтобы лишить эскадру какой-либо стоянки на Коромандельском побережье, Дюплекс стремился захватить Куддалур. В городе скопилось до 50 тысяч человек, англичане активно укрепляли эту второстепенную колонию, особенно форт св. Давида неподалеку от Пондишери. В свое время Лабурдонне планировал захват Куддалура, но ссора с Дюплексом опрокинула все планы. Через два месяца после падения Мадраса необходимость захвата для Дюплекса становилась все более и более очевидной. Английские торговые корабли начали останавливаться в Куддалуре, этот город фактически претендовал на роль Мадраса. Французы упустили время. У них появился новый враг — младший сын аркатского наваба Мухаммад Али, впоследствии вошедший в историю под именем «наваб английской Компании». Этот человек мечтал отомстить за поражение, нанесенное его старшему брату. Он написал Дюплексу резкое письмо, требуя немедленного ухода французов из Мадраса. Генерал-губернатор не обратил внимания на письмо. Он настолько был уверен в победе, что назначил командующим войсками старого и бездарного Бури.

Вскоре начались первые неудачи, хотя и мелкие. Паради двинулся из Мадраса к Пондишери с отрядом в 400 человек. Внезапно ночью на его авангард напал отряд аркатской конницы. 15 человек было зарублено на месте, почти весь багаж захвачен. Паради со своими людьми прибыл слишком поздно. Чтобы привести в порядок войска, французы вынуждены были остановиться на некоторое время в соседней голландской фактории и с большим опозданием прибыли в Пондишери.

Дюплекс отдал приказ наступать на Куддалур. 600 человек гарнизона Пондишери, 900 солдат и матросов Лабурдонне, 1200 сипаев и 300 африканцев (морская пехота адмирала) двинулись на юг. Бури спокойно

шел к городу и даже не позаботился о разведке, а в это время его у Куддалура поджидал Мухаммад Али с восемью тысячами всадников. Старый майор подвел войска к реке Понниар и устроился на ночлег, решив утром начать штурм города. Мухаммад Али переправился через реку и на восходе солнца напал на лагерь. Среди французов и сипаев началась паника. С трудом удалось построить солдат в каре. Почувствовав сопротивление, Мухаммад Али отступил, но его внезапное нападение лишило французские войска боеспособности. Пришлось идти обратно в Пондишери. Дисциплина резко пала, солдаты бросали снаряжение, пушки тоже достались врагу. Если бы англичане поддержали Мухаммада Али, французы, возможно, были бы разбиты наголову, однако английские войска не вступили в битву. Мухаммад Али, видя, что французы уходят, с негодованием заявил англичанам: «Когда мы пришли к вам на помощь и враг нас атаковал... вы сидели в своем форте. Ваши люди трусы, они хороши для торговли, но не для войны».

Дюплекс встретил весть о неудачном походе со смешанным чувством горечи и удовлетворения. С одной стороны, престиж французов упал, победители Мадраса даже не смогли дойти до Куддалура, с другой — все убедились, что Пароди незаменим. Дюплекс немедленно отдал приказ начать вторичный штурм. На этот раз главные силы шли по воде. Более тысячи солдат были погружены на катамараны и двинулись к Куддалуру. Но не успела импровизированная флотилия пройти и половину пути, как разразился сильный шторм, катамараны стало заливать водой, порох размок. Пришлось поворачивать назад. Второй штурм также не удался. Неприятности только усиливали упорство Дюплекса. Генерал-губернатор продолжал готовиться к новому нападению на Куддалур. Одновременно Дюплекс попытался поссорить между собой сыновей аркатского наваба. Он искусно разжигал ненависть Махфуз-хана к его младшему, более удачливому брату Мухаммаду Али. Мнительный Махфуз-хан быстро забыл прежнюю неприязнь к французам и превратился в их союзника. Дюплекс не жалел средств на подарки новому союзнику и вскоре сумел добиться формального признания права на Мадрас не только от него, но и от самого наваба.

Однако могольские вельможи постоянны лишь в своих требованиях денег, их политическая ориентация крайне переменчива. Не прошло и месяца, как Махфуз-хан помирился с младшим братом, и, объединив свои силы, они стали упряжать не только Мадрасу, но и Пондишери. Дюплекс вновь применил тактику подкупа, на этот раз не обидели и Мухаммада Али. Махфуз-хан посетил Пондишери, где ему был оказан пышный прием. Добившись временного нейтралитета со стороны Арката, генерал-губернатор решил изгнать англичан из Куддалура. Со всеми остальными крупными феодалами французская Компания сохраняла неплохие отношения. Английский флот еще не подошел. Свыше двух тысяч солдат и сипаев шли во главе с Паради на Куддалур. На этот раз французы форсировали ночью все водные преграды и оказались под стенами форта на рассвете. Но не успела начаться атака, как на горизонте появились английские корабли. Флот из Бенгалии вез подкрепление в Куддалур. Паради приказал трубить отбой.

Прибытие английского флота спутало все карты Дюплекса. Он лихорадочно искал выхода, пытался натравить на англичан самого низама. Низам-ул-мулк и его советники не откликнулись на призыв. Агенты Дюплекса, посланные в Майсур вербовать сипаев, были арестованы. Весь конец 1746 года прошел в мелких неудачах. Наконец, в начале 1747 года английский флот ушел от берегов Индии. Дюплекс тут же приказал войскам выступить. Не успели последние части выйти из городских ворот, как примчался курьер из Карикала с сообщением о том, что английский флот возвращается. Дюплекс приказал прекратить выступление.

Англичане чувствовали себя хозяевами на море. Они подошли к Пондишери и подожгли несколько торговых судов. Дюплекс ничего не мог предпринять. Надо было взять Куддалур, чтобы не дать английскому флоту долго крейсировать у Коромандельского побережья. Вновь генерал-губернатор мечтал захватить этот злополучный город, но небольшие французские эскадры не принимали боя с англичанами, приходилось ждать, пока британские капитаны сами снимутся с якоря и уйдут в открытое море. В июле 1747 года английский флот покинул Куддалур. Можно было вновь приступить к штурму. На этот раз в его подготовке главную роль играла мадам Дюплекс, у которой были свои люди

в Куддалуре. Один из них завербовал англичанина, по имени Лоуренс, на службу к французам.

Непонятно, почему Дюплекс поручил командование Монвилю — человеку смелому, но недалекому. Когда Лоуренс сообщил о брешах в западной стене, Монвиль начал готовиться к ночной атаке. Ночью французы и сипаи подошли к городу. Никакого пролома в стене они не нашли. Возможно, Паради, будучи на месте Монвиля, сообразил бы, что его заманивают в западню. Но упрямый Монвиль потребовал продолжать операцию. Французы придвинули лестницы и залезли на стену... еще секунда, и они ринутся вниз. Но тут раздался ружейный огонь, один залп сменялся другим, англичане хорошо подготовились к встрече... 200 человек было убито на месте, остальные в панике бежали. Такого поражения в Индии французы еще не знали.

Случилось так, что в Пондишери первые вести о военных событиях оказались ложными. 29 июля утром Дюплекс получил донесение о падении Куддалура. Началось всеобщее ликование. Особенно радовалась мадам. Генерал-губернатор уже считал себя повелителем всего Коромандельского побережья, как вдруг поступили новые сведения, весьма неприятные. Вслед за ними в Пондишери появились озлобленные и растерзанные французские солдаты и сипаи. Дюплекс проклинал Монвиля. Ананда не скупился на слова для того, чтобы унижить жену губернатора, которая бестактно вмешивалась в государственные дела и только наносила непоправимый ущерб французским интересам в Индии. Но главным виновником неудач французов под Куддалуром, конечно, являлся сам Дюплекс, проявивший непоследовательность при проведении операций, выдвигавший на первый план порой неспособных офицеров.

Упрямство генерал-губернатора сломить было не легко. Он вновь стал готовиться к очередной экспедиции, но тут пришло сообщение о приближении мощного английского флота под командованием адмирала Боскоуена. 17 кораблей с экипажем в 13 500 человек (4000 английских солдат, 1500 матросов, 8000 солдат-негров) двигались к восточному побережью Индостана. Английский флот стремился разгромить все опорные пункты Франции в Индийском океане. 3 июля 1748 года восемь кораблей Боскоуена подошли к острову Иль-де-

Франс. Захватить остров оказалось делом нечеловеческим. Лабурдонне построил там мощные укрепления, а губернатор Давид проявил достаточную твердость. Английский десант, высаженный в районе столицы Пондичери Франса Порт-Луи, был быстро разбит, флот подвергся сильному обстрелу с берегов. Боскоуен не стал продолжать военные действия в этом районе, а поплыл к берегам Индии. 4 августа 1748 года он прибыл в Куддатур, где принял командование над всеми войсками англичан. Теперь над Пондичери нависла серьезная угроза.

В Версале и в Париже почти не думали об Индии. Здесь все были заняты напряженной придворной войной между маркизой Помпадур и ее титулованными противниками. Записки известных мемуаристов века — Люиня, д'Аржансона, Барбье и др. — заполнены эпизодами этой борьбы, длившейся несколько лет. Видя, что влияние Помпадур на короля непрерывно возрастает, многие честолюбивые аристократы стали ее сторонниками. Лагерь маркизы постоянно усиливался. Противники уходили с политической сцены. В 1745 году пал государственный контролер Орри, в январе 1747 ушел в отставку министр иностранных дел маркиз д'Аржансон, его сменил маркиз Пусье — узколобый придворный чиновник, неспособный влиять на внешнюю политику Франции. Война за австрийское наследство не дала королевству никаких реальных успехов. Блестящие победы Мориса Саксонского были сведены на нет многими неудачами на суше и особенно на море. Флот терпел поражение за поражением. Акции Компании обеих Индий в июне 1747 года резко упали. Только благодаря усилиям генерального контролера Машо удалось несколько поправить дела. В 1748 году заговорили о мире, и акции медленно поползли вверх.

В то время военная политика Дюплекса не вызывала возражений ни у генерального контролера Машо, ни у королевского комиссара Руйе, ни у других директоров Компании: шла война, администраторы это учитывали. По их мнению, мир, которого ожидали в Европе, автоматически должен привести к восстановлению спокойствия в Индии, благодаря чему военные расходы Компании обеих Индий вскоре резко уменьшатся. Англичане же становились все активнее. В середине 1748 года они решили покончить с Пондичери. Голландцы присоеди-

нились к ним, снабжали британские войска боеприпасами и продовольствием.

Дюплекс понимал, что теперь аркатский наваб и его сыновья могут начать военные действия против Мадраса. Поэтому он написал грозное письмо Махфузхану и Мухаммаду Али, в котором предупреждал: «Если вы нападете на Мадрас с суши, я сожгу вашу страну». Возможно, что эта угроза несколько устранила аркатских феодалов.

Губернатор и его приближенные довольно быстро пресекли панику в самом Пондишери. Самыми беспокойными людьми оказались купцы и монахи, но Дюплекс сумел убедить их в невозможности падения города. Еще предшественники генерал-губернатора Ленуар и Дюма заботились об укреплении Пондишери. Дюплекс продолжал фортификационные работы — стена закрывала город и с суши и с моря. Десять бастионов встречали неприятеля на всех направлениях. В центре города возвышался над другими домами звездообразный форт, где хранились самые ценные вещи Компании и запасы продовольствия, а также находились казармы и мастерские. Далеко за городскую черту были выдвинуты пять редутов. При штурме Пондишери нужно было преодолеть пять или шесть препятствий, включая и ров, наполненный водой. К этому следует добавить, что в то время с севера и запада город был окружен непроходимыми болотами, а с юга — рекой.

15 августа 1748 года флот Боскоуена пошел на север. Английский адмирал, казалось, должен был в первую очередь напасть на Мадрас. Но Боскоуен, довольно тщеславный человек, решил одним ударом расправиться с французами, взяв штурмом их резиденцию. Дюплекс и Паради рассчитали правильно, что главный удар англичане нанесут по Пондишери. Когда показались английские корабли, в Пондишери вновь вспыхнула паника, теперь уже в «черном городе». Дюплекс на первых порах разрешил беженцам покинуть город. Одновременно по приказу городских властей безжалостно сносилось все, что могло послужить противнику укрытием: вырубались сады, разбивались здания, ломались ограды. Генерал-губернатор и его правая рука Паради внимательно следили за настроением солдат и сипаев. Израсходовав деньги Компании, Дюплекс платил жалованье сипаям Компании из своих средств,

накопленных за годы правления в Шандернагоре и Пондишери.

20 августа англичане высадились у бастиона Арианкапум, на юге Пондишери. Здесь обороной руководил Паради. Центр тяжести наступления пришелся на сипаев, сражавшихся под командованием индийца Ибрагим-хана. Сипаи еще в первых боях при обороне города показали себя удивительно стойкими воинами. Англичане на протяжении двух дней безнадежно атаковали форт. Каждая их атака захлебывалась: сипаи стреляли очень метко. Потеряв 300 человек, адмирал приказал трубить отбой. Первый тур сражения выиграли французы. Но англичане не думали отступать. Боскоуен решил взять форт любой ценой. Он вновь собрал войска, и несколько тысяч человек пошли на приступ. Несмотря на большие потери, солдаты в красных мундирах подошли к стене и приставили лестницы. Вот они показались на вершине стены... но тут опять великолепно показали себя сипаи. Они с удивительным хладнокровием сбрасывали вниз приставленные лестницы с англичанами, точно выбирая нужный для этого момент. Падение лестниц породило панику среди осаждавших; несмотря на призывы офицеров, «красные мундиры» отступили.

Однако выстрелы, шум боя вызвали в Пондишери самые противоречивые слухи. Женщины, дети и старики бросились к городским воротам, неся свой убогий скарб, и умоляли выпустить их из города. Страх грабежа и насилия, неизбежного при штурме, гнал их от своих очагов. Дюплекс выпустил из города лишь неработоспособных людей. Чтобы как-то ослабить панику, он пустил слух о скором приходе союзников-маратхов.

Битва за редут продолжалась. Англичане вновь пытались захватить Арианкапум, но потеряли 300 человек. Французы остались хозяевами крепости. Тогда англичане решили пойти на хитрость: согласившись на временное перемирие, они подтянули пушки к форту и решили ночью засыпать ров песком, подвести артиллерию к самым стенам и разрушить укрепления. Французская разведка разгадала маневр, и Паради задумал вылазку. Ночью пруппа пехотинцев под командованием офицера Бюсси покинула крепость и ворвалась в английский лагерь. Противник не сопротивлялся. Офицеры были захвачены в плен, пушки выведены из строя.

Теперь французы надеялись продержаться в форту долго, но стали жертвой собственной беспечности. Несколько телег с порохом стояли на открытой местности, французы не позаботились перетащить порох в безопасное место. Англичане утром, обнаружив свои разломанные пушки, в ярости стали стрелять с дальней дистанции. Один из снарядов разорвался прямо в повозке с порохом. Взметнулся огненный столб, раздались взрывы, форт охватило пламенем. 150 человек погибли сразу. Защитники форта, солдаты и сипаи, превратились в беспомощную толпу, неожиданность взрыва и пожар деморализовали их полностью. Паради приказал отступить. С трудом офицеры сумели растолкать сбившихся в кучу людей. Постепенно восстановилось некоторое подобие дисциплины. Отходя, французы взорвали все важные укрепления и утащили пушки. Несмотря на отчаянные меры, принятые Дюплексом, в городе быстро узнали о падении южного форта. Немедленно началось смятение, толпы людей бросились к городским воротам. Они пытались спасти свою жизнь и то, что возможно из имущества, от англичан. Но их подстерегали другие враги. В своем дневнике переводчик Дюплекса Ананда описывал, как вооруженные слуги мадам Дюплекс останавливали беженцев и отнимали у них драгоценности.

Генерал-губернатор отнюдь не считал себя побежденным. А адмирал Боскоуен считал себя уже победителем и не торопился идти на приступ. Прошла еще неделя. Дюплекс вновь укрепил город. Французы предприняли удачные вылазки, причем Бюсси удалось увести несколько английских орудий. По приказу губернатора все крупные здания Пондишери были использованы в интересах обороны — церковь иезуитов, индуистские храмы превратились во временные бастионы. Дюплекс хотел занять и мечеть, но этому воспротивились предводители синаев — в большинстве своем мусульмане.

В начале сентября Боскоуен пошел на решительный штурм, два дня Пондишери непрерывно обстреливался английскими снарядами. Дюплекс приказал население загнать в казематы. 29 сентября атака продолжалась. Но и французы и сипаи держались уверенно, под стенами бастионов погибло много солдат в красных мундирах. Шпионы мадам Дюплекс доносили губернатору,

что в английском лагере возникла эпидемия дизинтерии и многие умирают.

На военном совете был составлен план большой вылазки у северных (Мадрасских) ворот города, где противник казался наиболее уязвимым. Чтобы усыпить бдительность англичан, Бюсси с небольшим отрядом совершил ложный маневр, потревожив вражеские войска с юга. Однако разведка адмирала разгадала план Паради. Англичане произвели перегруппировку и подготовились к встрече, французы попали в засаду. После первого залпа многие офицеры были ранены, причем сам Паради смертельно. Смерть Паради была страшным ударом для Дюплекса, ведь этот образованный, смелый и инициативный военачальник являлся, пожалуй, его единственным преданным другом и советником. Но, как уже часто бывало, неприятности только ожесточали губернатора, его настроение передавалось защитникам города. Сопротивление французов не ослабевало, а англичане все более чувствовали усталость, у них кончались припасы, свирепствовали болезни. К тому же приближался сезон дождей, т. е. то время, когда осаду Пондишери продолжать стало бы невозможно.

Английский адмирал нервничал, его попытки овладеть городом не увенчались успехом. Французские солдаты и сипаи привыкли к бомбардировкам с моря и спокойно отсиживались в убежищах, но в минуты затишья все более смело беспокоили осаждавших мелкими вылазками. Английские наемники — негры и индийцы волновались: шпионы Дюплекса, шнырявшие в лагере, сеяли страшные слухи. В это же время французские сипаи произвели вылазку под командованием Абд-ур-Рахмана. 25 сентября, выйдя из ворот ночью, они незаметно приблизились к английским позициям и спрятались за деревьями. Утром, когда англичане пошли на приступ, их встретил неожиданный огонь сшаев, красные мундиры смешались после первого залпа и, не приняв боя, побежали; на поле битвы осталось 50 убитых и 80 раненых. После этой неудачи многие английские сипаи покинули лагерь осаждавших. Индийцы окончательно убедились в безнадежности осады, да и гороскопы предсказывали поражение британцам.

Люди Дюплекса все болсе смелели, небольшие отряды французов нападали на провиантские обозы, иду-

щие из Куддалура к Пондишери. Последней надеждой Боскоуена был аркатский наваб, но старый владыка Карнатика колебался, его тысяча всадников, расположенных неподалеку от французской столицы, безучастно наблюдали длительную осаду.

Адмирал Боскоуен понял, что дальнейшее пребывание под Пондишери грозит английским войскам еще более тяжелыми последствиями. Он попытался испробовать последнее средство — генеральную бомбардировку города. По его приказу английские корабли растянулись цепочкой против города и 300 пушек английского флота начали непрерывный обстрел Пондишери. Одновременно действовала и сухопутная артиллерия. За пять дней на Пондишери упало 20 тысяч снарядов, почти все дома в «черном городе» были разрушены, но казармы пострадали мало.

Штурм города с суши был вялым, англичане отступили сразу же после первого залпа французов. Больше ждать было нельзя, число больных катастрофически росло. 17 октября англичане снялись с лагеря. Осада кончилась.

За 60 дней осады англичане потеряли только убитыми 1300 человек, а всего вышло из строя 2500. Общие потери французов составили 393 человека. В битвах за Пондишери отличились французские сипаи, их смелые и быстрые вылазки наносили чувствительные удары осаждавшим, они принимали на себя основные удары противника. Из всех убитых и раненых среди гарнизона Пондишери насчитывалось 240 сипаев и 153 француза. Английские наемники сражались менее охотно, стараясь по возможности уклоняться от боя. Из 1300 убитых во время осады было 900 англичан и только 400 сипаев. Британские сипаи еще не прошли должной военной подготовки.

Адмирал Боскоуен явно переоценил свои силы, карьера его казалась конченной. Зато Дюплекс ликовал. Дневник Ананды передает разговор генерал-губернатора с командиром сипаев, в котором проявилось все честолюбие Дюплекса: «Тут вошел лейтенант Абд-ур-Рахман, господин пригласил его сесть и, глядя на него, сказал: „Я даю тебе титул аркатского наваба“. Абд-ур-Рахман ответил: „Дайте мне тысячу сипаев, всадников, четыре мортиры и четыре тяжелых орудия, мы пойдем и возьмем Аркат... Вам стоит дать приказание... с та-

ким числом сипаев, пушек и мортир можно овладеть всем Карнатиком“. „Верно“, — сказал мосье».

Действительно, Дюплекс первый всерьез подумал о создании колониальной империи в Индии. Генерал-губернатор чувствовал себя непобедимым. Почти все могольские феодалы и даже сам император поздравляли его с победой. Это был новый триумф Дюплекса. Компания высоко оценила его мужество и упорство. Генеральный контролер Машо выхлопотал у короля для губернатора высокую военную награду — крест Святого Людовика. Но награжден Дюплекс был за то, что сохранил для Компании ее владения, а не за захват новых территорий. Правление Компании не хотело дополнительных расходов.

18 октября в Аахене маркиз Пусье подписал мир. Про этого министра, покорного исполнителя воли маркизы Помпадур, говорили, что он защищает интересы королевства не как француз, а как пруссак (обыгрывалось фонетическое сходство слов «Пусье» и «прусьен»). Никаких политических перспектив для Франции этот договор не содержал. В салонах повторяли остроту: «Глуп как мир». Французская дипломатия при выработке условий почти не интересовалась состоянием своих заморских территорий в Индии, она удовлетворилась формальным признанием довоенных границ. Положения об американских колониях Франции вообще оказались не разработаны для договора.

Английские дипломаты, проявив должную дальновидность, подписали договор, предвидя, что война в колониях будет продолжаться. Английские торгово-промышленные круги оказывали все большее влияние на внешнюю политику. Буржуазия Лондона, Бирмингема, Манчестера, Ливерпуля становилась сильнее, а следовательно, агрессивней с каждым десятилетием. Если в середине XVIII века внешняя политика правительства феодально-абсолютистской Франции отражала традиционные 300-летние споры между французской и австрийской коронами, то главной линией британской политики становились колониальные захваты.

Политическая отсталость французской буржуазии ясно проявилась в ее отношении к заключению мира. Большинство представителей финансового Парижа с радостью восприняли вести о конце войны. В мае 1748 года, почти за полгода до подписания мира,

в стране стали активно распространяться акции Компании обеих Индий на сумму 6 миллионов ливров. Воспрянули духом французские работорговцы, продававшие «черное дерево»: их корабли могли свободно плыть в Америку от берегов Африки. Годы военного затишья (1748—1755) баснословно обогатили темных дельцов работорговой компании «Ангола». За один только год одна эта компания продала около пяти тысяч африканцев в Америку.

Был доволен заключением мира и человек, из которого Людовик XV хотел сделать своего Кольбера,— генеральный контролер Франции Жан-Батист де Машо. Новый генеральный контролер отличался большой работоспособностью, честностью, желанием пополнить королевскую казну. Но он не обладал политическим кругозором не только Кольбера, но и своего предшественника Орри. Изыскивая все новые средства для королевской казны, Машо затронул налоговые привилегии дворянства, духовенства и чиновничества. Между министром финансов и благородными сословиями Франции началась ожесточенная многолетняя борьба. Она поглотила все силы государственного контролера. Он почти не обращал внимания на Компанию обеих Индий. Она лишь должна была давать в срок должную сумму денег в казну. Жестокий деспотизм Машо сказался на всем стиле работы правления Компании. Его отношение к планам генерал-губернатора было скептическим.

В начале 1749 года Дюплекс узнал о мире. Легко представить, как велики были его разочарование и обида. Мадрас, удержанный в последний год войны ценой полного разрушения Пондишери, возвращался англичанам. 1 апреля правитель Пондишери и адмирал Боскоуен подписали соглашение о мире, на следующий день французские войска покинули Мадрас.

В Пондишери царило уныние. Казалось, французы проиграли войну. Дюплекс остерегался выражать свое недовольство королевской политикой, всю свою злость он изливал на англичан. «Это англичане,— говорил губернатор окружающим,— создали закон, они его публикуют и подкрепляют его фактами. Нам говорят, они связаны, как и мы, договорами. Это заблуждение — ничто не связывает англичан, кроме силы, когда дело идет об их выгодах. Для них ничто не является достойным уважения, помимо силы... История Европы с цар-

ствования Елизаветы до наших дней учит нас, что большая часть могущества англичан, их торговли, их колоний, их богатств не имеет иного основания, кроме вероломства и многократных нарушений договоров, самых, казалось бы, прочных, и права естественного и международного». Дюплекс завидовал торговой и морской активности англичан и мечтал в недалеком будущем изгнать их если не из пределов Индии, то хотя бы из Карнатика.

Этому густонаселенному району грозила новая война. А ведь только недавно закончившиеся бои заставили население юга Коромандельского побережья переносить большие лишения. Никто не учитывал убитых и раненых мирных индийцев, сожженных деревень, вытоптаных полей. При штурме Мадраса, в сражениях за Куддалур, при осаде Пондишери солдаты обеих армий беззастенчиво грабили население. Замерла торговля, не находили сбыта товары ремесленников, тысячи семей голодали.

Как свидетельствует Ананда, напуганное население «черного города» стремилось покинуть Пондишери и укрыться в различных деревнях и городах, но по приказу Дюплекса никого не выпускали и только брахманы могли свободно уйти из города по своей воле. На самом деле число жителей «черного города» возросло, ибо деревни неподалеку от Пондишери были сожжены французами еще до появления англичан и население этих деревень, оказавшись без крова, искало прибежища в Пондишери.

С населения постоянно взимались контрибуции, причем они сопровождались обысками и грабежами. В период осады произвол возрос. Ананда описывает, как монахи во главе толпы «солдат, негров и неприкасаемых» ворвались в индуистский храм и начали ломать статуи богов и украшения. «Отец из Карикала, по имени Кардо, разбивал статуи огромным молотком и топтал их ногами... Особенно свирепствовал некий монах Варлаам, который в неистовстве уничтожал все, что ему попадалось на пути».

Унизительные клички редко встречаются в дневнике Ананды, но, упоминая Саверимуту и лазутчиков из касты палли, переводчик Дюплекса теряет обычную сдержанность. Ананда называет Саверимуту хромым негодяем, а лазутчиков — ворами и грабителями.

И все же из дневника можно узнать, что эти люди, проникая в черри деревень, занятых англичанами, где жили неприкасаемые касты, собирали сведения о неприятеле и, постоянно рискуя жизнью, возвращались в осажденный Пондишери. Кроме того, палли выносили раненых с поля боя, караулили лошадей. За услуги, оказанные Компании обеих Индий, лазутчики мадам Дюплекс получали несколько пригоршней рису, а иногда мелкую монету. О их жизни известно мало. Официальные сводки молчат, а Ананда при описании деятельности лазутчиков не жалеет черных красок.

Для Ананды особенно страшным было нарушение вековых устоев. Палли врывались в дома четти (каста купцов), и, когда последние им говорили: «Как вы, неприкасаемые, осмеливаетесь заходить к нам», их били и угрожали им расправой. «Я не знаю, как описать беспорядок, который творился в городе», — замечает Ананда. В хаосе осажденного города проявилась затаенная ненависть неприкасаемых к привилегированным кастам.

Положение мирных жителей во время войны было очень тяжелым: прекратилась работа, наступил голод, только ростовщики и спекулянты оказались в выигрыше. Единственной возможностью прокормиться стала продажа за гроши английских ядер. Ананда сообщает, что, когда голодные люди пытались срывать фрукты в саду, принадлежавшем мадам Дюплекс, их заковывали в кандалы и бросали в тюрьму.

На территории, занятой англичанами, беженцам было еще хуже. Здесь их притесняли английские сипаи, частью мусульмане, частью телугу из касты редди, но жестокостью всех превосходили англичане: они так зверски избивали индийских кули, что последние покидали английский лагерь.

Казалось, мир, подписанный в Европе, должен был возродить прежний уклад жизни, но ни одна из индийских компаний не верила, что на полуострове может наступить длительный покой, да и не желала его.

ВОЙНА В КАРНАТИКЕ
(1749—1754)

Наступил мир, но у французского правительства не было ясной стратегической линии. Политика определялась сложной придворной интригой. В 1749 году коалиция, враждебная маркизе Помпадур, в очередной раз попыталась избавиться от властной фаворитки. В результате этой борьбы пал ее противник, морской министр Морела, а остальные ее враги во главе с военным министром д'Аржансоном и герцогом Ришелье временно затаились. Король, и раньше не доверявший советникам, стал все более прибегать к секретной дипломатии; «теневой кабинет», возглавляемый принцем крови Конти, превратился в негласное министерство иностранных дел. Самое печальное обстоятельство для внешней политики Франции заключалось в том, что официальные дипломаты не всегда знали о действиях тайных, а серьезная политика превращалась подчас в игру прихоти Людовика XV, которого развлекали ссоры придворных.

В то время как в Лондоне, Бристоле, Ливерпуле серьезно обсуждали будущее заморских владений Британии, в парижских салонах и при дворе колониальный вопрос стал предметом шуток для острословов. Философы же, как правило, высмеивали и осуждали колониальную политику. Вольтер не всегда был последователен: как акционер Компании обеих Индий он порой сочувствовал успехам Франции в Индии, но более известно мнение автора «Кандида» о снежных арпанах Канады как о бесполезной земле. Монтескье писал о том, что колонии высасывают соки из метрополии, Руссо гневно обличал все попытки цивилизовать на европейский манер другие народы мира.

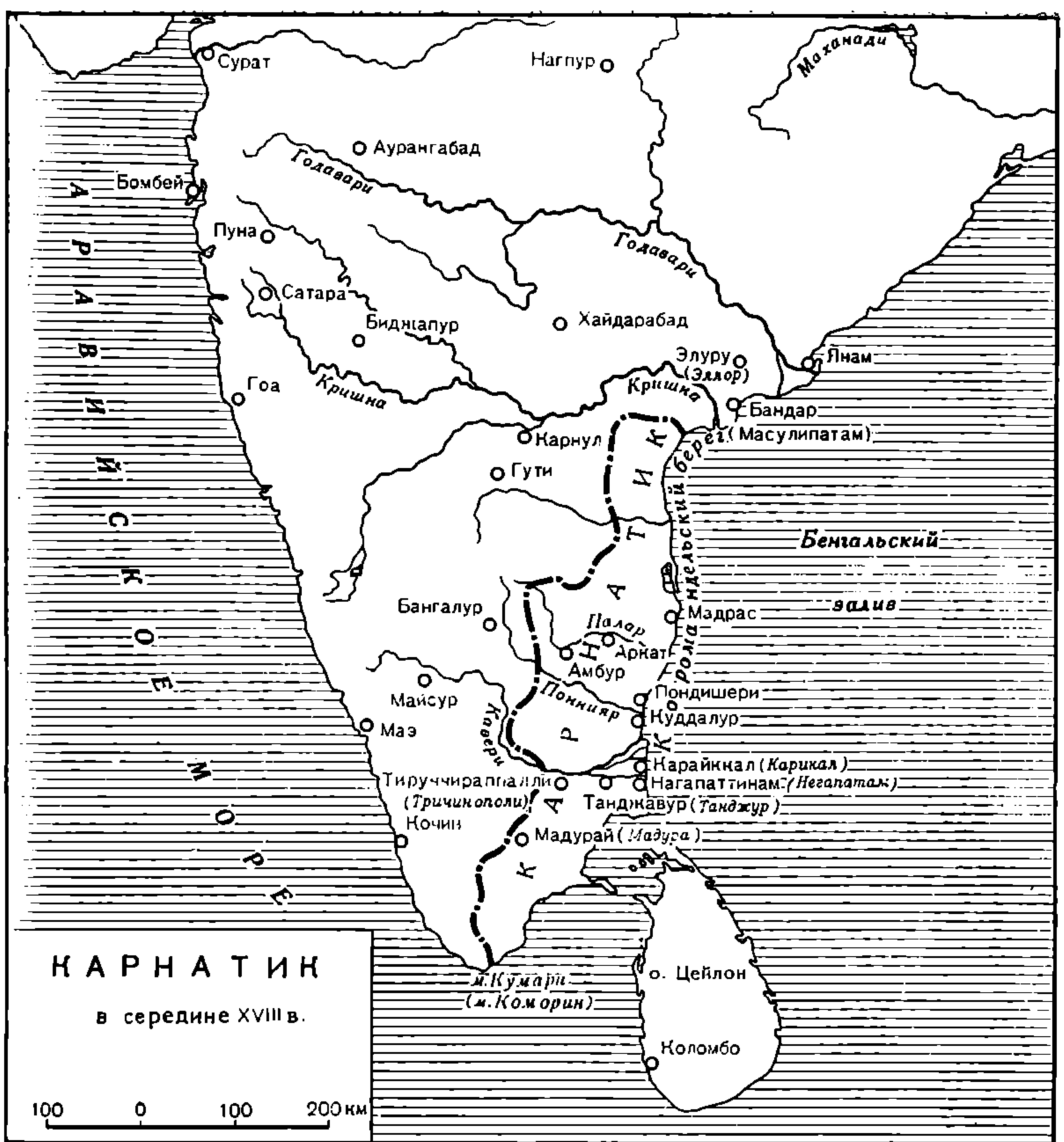
В колонии направляли, как правило, представителей преступного мира, лиц без определенных занятий, продажных женщин, бродяг и т. д. В Париже и на дорогах

страны регулярно производились облавы. Колониальные войска формировались также из тех, кто предпочитал солдатскую службу в тропиках тюрьме. Дюплекс в одном из писем назвал французских солдат в Индии «тупыми животными». Люди, отвергнутые своим обществом, озлобленные и одичавшие, относились с глубоким безразличием к интересам Компании и в любой момент могли взбунтоваться, но под командой талантливого командира эти же французы проявляли редкую в трудных условиях боеспособность. Талантливых офицеров в Индии почти не было (такие, как Пароди и Бюсси, составляли исключение). Все эти обстоятельства весьма тревожили Дюплекса: он твердо решил, несмотря на враждебное настроение директоров Компании, продолжать борьбу за Карнатик. Английский командующий адмирал Боскоуен также держал войска в боевой готовности.

В это время завершался распад Могольского государства. Англичане и французы видели, что наместники императора в Бенгалии, Хайдарабаде, Ауде становились полновластными монархами в своих провинциях и вели ожесточенную борьбу между собой за власть. С севера наступал правитель Афганистана Ахмад-шах. Маратхские вожди захватывали громадные территории и образовывали собственные княжества. Юг Индии представлял собой одно из беспокойных мест. Здесь переплетались интересы низама Хайдарабада, маратхов, наваба Карнатика, местных раджей. Достаточно было какому-нибудь авантюристу начать военные действия, как все разнородные силы вменялись бы в борьбу. Такой человек нашелся, это был небезызвестный Чанда Сахиб.

С помощью Дюплекса Чанда Сахиб оказался в Пондишери; ждать удобного случая долго не пришлось. В июне 1748 года (еще не кончилась война) умер один из самых могущественных феодалов Индии — Низам-ул-мулк, властитель Декана. Между его сыновьями и внуками тотчас же началась борьба за наследство.

События, происшедшие после смерти Низам-ул-мулка, являются вариантом истории прихода к власти Аурангзеба, который на пути к трону убил своих троих братьев и заточил отца. Разница заключалась лишь в масштабах борьбы и в том, что среди потомков Низама не было ни одного столь коварного и изворотливого, как Аурангзев. Главным претендентом считался внук

деканского владыки Музаффар Джанг, поскольку в жилах его текла кровь Великих Моголов; за ним шли сыновья от знатной жены — Гази-уд-дин и Насир Джанг; трое сыновей от жен менее знатного происхождения не имели прав на власть. Но с силой всегда считались больше, чем со знатностью (Надир-шах был сыном кожевника, а правитель Бенгалии Муршид Кули-хан — сыном бедного брахмана).

Реальная власть в Хайдарабаде оказалась у Насир Джанга, ибо он командовал войсками. Захватив сокровища Низама, Насир Джанг почувствовал себя непобедимым. Вскоре из Дели пришел фирман, под-

тверждающий право Насир Джанга на наследство Низама, но спустя несколько дней подобный фирман получил и другой претендент на власть в Декане — Музаффар Джанг. Эта путаница легко объяснима. В Дели шла ожесточенная борьба за власть между вождем персидской партии великим вазиром Сардар Джангом и главным евнухом Джавид-ханом. Вазир стремился заручиться поддержкой маратхов, Джавид-хан искал помощи у феодалов среднеазиатского происхождения. Под его влиянием безвольный император Ахмад-шах подписал фирман, передававший власть Насир Джангу. Главный евнух просил нового властителя Декана явиться с войсками в Дели и изгнать Сардар Джанга. Последний же действительно боялся усиления Декана и, чтобы вызвать смуту в бывших владениях Низам-ул-мулка, через несколько дней добился фирмана для Музаффара.

Музаффар мечтал стать низамом, но войско его было малочисленно, а казна пуста. Чанда Сахиб тут же ввязался в распри между наследниками, приняв сторону Музаффара. Последний обещал предприимчивому авантюристу в случае удачи весь Карнатик¹. Чанда Сахиб нашел войско: он знал, что несколько тысяч сипаев французской Компании стоят в Пондишери и Дюплекс тяготится ими, ибо им нужно платить. Чанда Сахиб предложил генерал-губернатору свой план: он, Чанда Сахиб, получает французских сипаев, возводит Музаффара на трон Декана и сам становится навабом Карнатика, а в собственность Компании после победы переходит один из городов близ Пондишери, Вилленур, и 40 деревень. Дюплекс сначала колебался, но, когда узнал, что Музаффар и Чанда одновременно стараются заручиться поддержкой англичан, поспешно согласился. В июле Совет Пондишери заключил с Чандой договор, по которому Вилленур и 40 деревень перешли к французам. Колония превратилась в крупного земельного собственника. Мечты о колониальной империи, казалось, начинали осуществляться.

Аркадский наваб Ашвар-уд-дин знал об опасности, но действовал с присущей восточным правителям медлительностью и дал своим противникам объединиться.

¹ Следует отметить, что Чанда Сахиб как зять убитого маратхами Доста Али, последнего наваба Карнатика, получившего навабство от Великого Могола, имел определенные права на Карнатик.

2 тысячи сипаев и 500 белых солдат и топасов. Компании и войска Музаффа́ра двинулись к Аркату. В то время войска не имели специальной колониальной формы. Несмотря на июльскую жару, французские солдаты и офицеры были не только в мундирах, но и в напудренных париках. Старший французский офицер Отейль, человек храбрый, но бездарный, с трудом удерживал дисциплину.

3 августа 1749 года у деревни Амбур французская армия встретилась с войсками Анвар-уд-дина. Аркатский наваб вел за собой почти 20 тысяч человек, в его распоряжении было 200 пушек и несколько сот слонов. Увидев противника, Отейль приказал немедленно его атаковать. Французские пехотинцы бросились в атаку, но попали в болото, грязь была по пояс. Тщетно Отейль пытался заставить солдат двигаться. Оставив в болоте свои парики, французы отступили. Отейль повел солдат во второй раз, опять безрезультатно, к тому же его ранила шальная пуля. Его заменил капитан Бюсси. Неизвестно, каким образом он сумел подвести солдат и сипаев вплотную к войскам Анвар-уд-дина. После первого залпа аркатские воины начали отступать. Наваб в ярости пустил своего слона на бегущих и стал их топтать, осыпая проклятьями. Его узнали, открыли стрельбу, и вскоре смертельно раненный наваб упал под ноги собственного слона. Это означало конец битвы. Французы потеряли всего 12 солдат и 200 сипаев. Войска наваба почти все сдались, за исключением его сына Мухаммада Али, которому с небольшой свитой удалось бежать.

Что же произошло? Почему 2 тысячи французов и сипаев разгромили 20 тысяч индийцев? Ответ прост: в сражении встретилась регулярная армия XVIII века с восточнофеодальным войском. Такие качества европейской армии, как относительная скорострельность (один солдат мог сделать два-три выстрела в минуту), залповый огонь, умение развертывать и выравнивать подразделения на неровной местности, принимать по мере необходимости то квадратное, то линейное построение и, наконец, бесспорное превосходство артиллерии, делали французов и сипаев почти неуязвимыми. Сипаи довольно быстро воспринимали основы военной тактики и строевой подготовки, а выносливость и храбрость индийских наемников удивляла французов. Армия

аркатского наваба, подобно войску Великих Моголов, была лишена какого-либо воинского порядка, нестройные массы феодальной конной вольницы и толпы пехотинцев, вооруженные мушкетами, обычно обращались в бегство после нескольких залпов.

Во время битвы при Амбуре Музаффар и Чанда Сахиб не спешили бросать свои собственные войска на поле боя, но как только исход сражения стал ясен, индийские вельможи принялись делить слонов Анваруддина. В глазах индийцев число боевых слонов издавна было главным показателем военного преимущества. Командующий франко-сипаями Отейль получил джагир в 4 тысячи рупий (хотя, по существу, битву выиграл Бюсси). Битва при Амбуре дала Компании дополнительные территории. Музаффар Джанг утвердил власть Пондишери над городом Бахур, неподалеку от Пондишери. Дюплекс же рассчитывал на большее, он уже видел себя господином всего Карнатика. Для этого необходимо было сделать Чанда Сахиба номинальным владыкой провинции. Оставалось только уничтожить последнего наследника прежнего наваба Мухаммада Али, укrywшегося в крепости Тричинополи. Англичане некоторое время оставались пассивными зрителями событий и даже пытались наладить хорошие отношения с Чанда Сахибом, но, убедившись в его приверженности к французам, стали поддерживать Мухаммада Али.

Тем временем Музаффар Джанг и Чанда Сахиб торжественно праздновали победу, их армия насчитывала теперь много воинов и боевых слонов. Правда, войско было составлено в основном из всадников Анваруддина и большой боеспособностью не отличалось. Дюплекс устроил индийским владыкам пышную встречу в Пондишери. Пока длились праздники, англичане подтягивали к Тричинополи свои войска.

Возможно, немедленное продвижение французских отрядов к этой крепости и решило бы судьбу Карнатика, но войска Компании более месяца оставались в Пондишери. И теперь штурм Тричинополи означал столкновение с англичанами. Британский флот по-прежнему стоял в Мадрассе, адмирал Боскоуен захватил Сен-Томе, и Мухаммад Али прислал адмиралу фирман на право владения городом. Англичане дали понять, что они не признают Чанда Сахиба навабом

Карнатика. Хотя Боскоуен вскоре отплыл из Индии, британские власти продолжали активную политику, округляя свои владения на Коромандельском побережье.

Дюплекс решил перейти к территориальным завоеваниям. Танджур казался наиболее богатой добычей. Экспедицию номинально возглавлял Чанда Сахиб, но ядро его войск составлял франко-сипайский корпус под командованием Отейля. Завоеватели заранее распределили добычу. Чанда Сахиб надеялся получить 50 лакхов рупий, а Дюплекс — стать господином территории в 43 тысячи гектаров, где жило 25 тысяч человек. Сначала все шло хорошо для французов. Напуганный артиллерийской подготовкой, раджа согласился на выдвинутые условия, Чанда Сахиб даже сумел получить еще 20 лакхов. Но вскоре поползли слухи, что на помощь Танджуру идут маратхи (раджа Танджура был родственником маратхского правителя). Маратхи, однако, не появились. Дюплекс из Пондишери требовал от своих офицеров решительных действий. Танджур по его планам должен был быть взят штурмом, а дельта реки Кавери — стать французским владением.

Второй штурм Танджура оказался весьма неудачным. Сипаи уже два месяца не получали денег и отказались идти на приступ, их настроение передавалось и французским солдатам. В лагере свирепствовали эпидемии, началось дезертирство. В довершение ко всему стало известно, что с севера медленно движется большая армия Насир Джанга, субадара Декана, вместе с конницей маратхов. Армия субадара насчитывала 300 тысяч человек. Такого многочисленного противника Дюплекс еще не встречал. По восточному обычаю Насир Джанг вез с собой свой гарем и многочисленных слуг, остальные вельможи подражали ему. Вместе с огромным караваном ехали сотни торговцев и ремесленников. Равная полчищам Аурангзеба армия напугала не только Музаффар Джанга и Чанда Сахиба, но и Дюплекса. Пришлось спешно отвести войска от Танджура. Мухаммад Али и английские войска присоединились к Насир Джангу.

Не встречая никакого сопротивления, войска Насир Джанга вошли в Карнатик и остановились в 80 километрах от Пондишери. Во французском лагере росла тревога. Сипаи, озлобленные систематической невыплатой жалованья, ночью сотнями уходили; 13 молодых

офицеров, недавно прибывших на службу Компании, покинули свои посты и подали Дюплексу прошение об отставке, объявив его военные действия незаконными. Их появление в Пондишери вызвало тревогу среди жителей. Дюплекс находился в смятении, но еще больше испугался Музаффар Джанг. Вскоре он оказался в плену у своего дяди Насира (поговаривали, что претендент на трон просто бежал от французов). Маратхи приблизились к французскому лагерю, ему грозило полное окружение. Пришлось отвести войска за городские стены.

В этих условиях Дюплекс предложил Насир Джангу компромиссный мир, но последний даже не принял французских послов, а его первый советник Шах Навахан, видный историк, автор множества жизнеописаний знатных феодалов, служивших Великим Моголам в XVI, XVII и первой половине XVIII века, вел переговоры, не скрывая своего презрения к французам. Англичане, со злорадством наблюдавшие за событиями из Мадраса, прислали участливо-ироническое письмо. Дюплекс чувствовал себя как человек, попавший в им же самим расставленную западню. Начав бессмысленную, с точки зрения директоров Компании, войну, он ее проиграл. Но азарт игрока не оставлял губернатора, и Дюплекс решился на крайнее средство.

Был в Пондишери офицер, по имени Латуш, человек ограниченный, но храбрый до безрассудства. Ему-то Дюплекс и поручил возглавить нападение на лагерь Насир Джанга. Ночью Латуш и 300 отборных солдат проникли к месту стоянки деканского субадара. Огромный табор никем не охранялся, почти все спали. Никто не знает, сколько сиящих убили головорезы Латуша, только наутро жуткая паника охватила все войска Насира, наемники и всадники бросились по домам, субадар метался по лагерю, но остановить беглецов не смог. Мгновенный распад многочисленной армии заставил англичан тут же уйти из-под стен Пондишери; скрылись и маратхи. На этот раз столица Французской Индии избежала осады.

Насир Джанг не считал себя побежденным. По его приказу во всех подвластных ему землях были закрыты французские фактории, что нанесло немалый убыток Компании. Дюплекс, в свою очередь, пытался избавиться от ненавистного субадара всеми средствами.

следует вспомнить, что его жена имела многочисленных тамильских лазутчиков, из которых она создала разветвленную шпионскую сеть. В ставке Насир Джанг губернатор имел своих людей. Ему сообщили, что опытный деканский вельможа Рамдас Пандит замышляет переворот в пользу Музаффара.

Хотя Насир Джанг был сыном Низама, которого Надир-шах называл самым коварным и умным человеком в мире, он вел себя нерешительно. Припадки гнева быстро проходили, наступало состояние расслабленности и блаженной беззаботности. Временами исчезала подозрительность к Музаффару; даже имя Чандахиба не вызывало у него раздражения, и он склонился признать его навабом Арката. (Шах Наваз-хан в биографии своего повелителя писал, что наваб часто прислушивался к мнению дурных советников и проявил слабость.) Такое поведение Насир Джанга вызвало брожение среди его приближенных, патаны² и замандары волновались. Рамдас Пандит становился все смелее. Испуганный субадар искал сближения

Мухаммадом Али и англичанами, которые вновь активизировались. В Мадрас прибыл энергичный губернатор Сандерс, сразу же выдвинувший на первые роли самых способных и воинственных офицеров — Лоуренса и Клайва. Англичане стали врываться на подвластные французам территории. Мухаммад Али, этот, по словам К. Маркса, «субъект, получивший свою должность благодаря англичанам, остался их пошлым слугою, откуда его прозвище „набоб Компани“», и вновь выступил против французов.

Дюплекс, за несколько месяцев подкопив денег, вновь нанял сипаев и направил на юг четырехтысячное войско. Англичане располагали трехтысячной армией, три четверти составленной из сипаев. Однако английские слабо обученные сипаи уступали французским. Кроме того, британские власти по-прежнему не решались на открытые действия против войск Дюплекса (несколько в Европе царил мир) и состояли как бы на службе у Мухаммада Али. В первом столкновении 1750 года английские сипаи бежали, не приняв боя. Но Мухаммад Али не отказался от продолжения

² Здесь — феодалы афганского происхождения, предки которых жили в Биджапурском государстве в XVI веке.

войны. Генеральное сражение произошло около местечка Тривади, неподалеку от Куддалура. Битва при Тривади окончилась быстро. Артиллерия фактически решила дело в пользу французов. Воины Мухаммада Али — всадники и пехотинцы, смешавшись в беспорядочную толпу, отступили. Сам наваб еле спасся от плена.

Победа при Тривади вновь приблизила Дюплекса к заветной цели — господству над Карнатиком. Он приказал большей части своих войск идти на Аркат. Впервые губернатор поручил самостоятельную операцию 30-летнему капитану Бюсси.

5 сентября Бюсси двинулся на север. По дороге между Пондишери и Аркатом находилась крепость Джинджи, одно из самых неприступных мест в Южной Индии. Она стояла на крутой горе, окруженная глубоким рвом, внутри был вырыт колодец. Взятие Джинджи приступом при тогдашней осадной технике считалось невозможным. Бюсси решил попытаться овладеть крепостью. Но не успел он подготовить войско к штурму, как на горизонте показалась девятитысячная армия Мухаммада Али. Бюсси немедленно перестроил свои войска и повел солдат в атаку. На этот раз войска Мухаммада Али сражались упорнее, они выдержали артиллерийский обстрел, и только залповый огонь с расстояния пистолетного выстрела заставил их отступить к крепости Джинджи. Французы буквально на плечо у противника ворвались в предкрепостные укрепления. Главный холм еще оставался в руках у аркатской армии. Быстро стемнело, и Бюсси решил штурмовать ночью. Взрыв дымовых шашек и внезапная атака испугали гарнизон Джинджи и воинов Мухаммада Али. Самые страшные препятствия — крутой подъем и ров — французские солдаты и сипаи преодолели без особого труда. Над Джинджи взвился флаг с бурбонскими лилиями.

Это была действительная победа. Многие другие сражения, выигранные французами, лишь на короткое время увеличивали престиж Компании, но практического значения почти не имели, так как разгромленный наваб мог за несколько недель собрать новое войско. Взятие Джинджи означало почти полное господство французов в Карнатике. Чтобы стать полными хозяевами края, им необходимо было овладеть Тричинополем. Штурм Джинджи заставил заговорить о Бюсси. Дю

лекс, вначале скептически относившийся к идее штурма, не скупился на похвалы. В Париж шли победные реляции. С гордостью губернатор сообщил о том, что под стенами Джинджи Мухаммад Али потерял две тысячи человек, а Компания — всего десять сипаев.

Весть о падении Джинджи крайне испугала Насир Джанга. Страх вызывал припадки бессмысленной жестокости. Субадар систематически избивал своих приближенных, они терпели, но число недовольных росло. Дюплекс через своих агентов вступил в соглашение с несколькими патанскими навабами. Заговорщики должны были убить Насир Джанга, но подозрительный низам не расставался с преданными телохранителями. Навабы рассчитывали, что смогут напасть на него лишь в суматохе сражения, и призывали Дюплекса к продолжению войны. Когда Насир Джанг вознамерился уйти из Карнатика в Декан, они уговорили его остаться.

Наступил сентябрь, сезон дождей. Дороги были размыты, французский лагерь затоплен. Среди солдат начались болезни, сипаи самовольно покидали лагерь и бродили по разоренным соседним деревням в поисках добычи. В декабре дожди кончились, а войска Дюплекса стояли на месте. Расхворался главнокомандующий Отейль; длительный приступ ревматизма надолго приковал к постели старого полковника, родственника генерал-губернатора. Дюплекс доверил армию Латушу.

15 декабря 1750 года четырехтысячное франко-сирийское войско встретилось с 100-тысячной армией субадара. В последние часы перед битвой Насир Джанг дал понять, что согласен на мир. Однако французы в соответствии с приказом из Пондишери не пошли на переговоры. У Дюплекса имелся козырь: он сумел вырвать у троих заговорщиков-навабов клятвенное письмо с их подписями. Теперь губернатор был уверен, что Насир Джанг обречен.

Битва при реке Чейяре (приток Палара) сначала шла неблагоприятно для войска Компании, воины субадара сопротивлялись, и французы несли потери. Затем соединение под командой Бюсси, применив правильный залповый огонь и медленно наступая на правом фланге, достигло стоянки субадара. Здесь бой вспыхнул с новой силой. В пространстве, загромажденном шатрами и повозками, французский строй распался, и численное превосходство деканцев сразу ста-

новилось ощутимым. В это время огромный слон Насир Джанга, топча собственные войска, направился из лагеря, за ним последовали слоны свиты. Субадар, увидев так близко французских солдат, испугался и приказал отступить. Рядом с ним ехал Музаффар, которого Насир боялся больше, чем французов, и от которого решил наконец избавиться. Субадар приказал одному из патанских навабов убить Музаффара, но наваб выстрелил в самого Насир Джанга. Это был один из заговорщиков. Раненый Насир упал со слона. Свита растерялась. Два других патанских наваба спешили и с обнаженными саблями бросились к раненому. Насир Джанга добились тут же, на земле. Воины молча наблюдали за расправой. Через мгновение из толпы вышел один из навабов, в его руках была окровавленная голова бывшего повелителя Декана. Он бросился на колени перед слоном, на котором восседал Музаффар, и протянул ему голову владыки Декана³. Раздались крики: «Да здравствует субадар!», «Да здравствует низам!». Свита, слуги, телохранители дружно подхватили слова приветствия.

Эти слова услышал Латуш. Он понял, что Насир Джанг убит. Французы покинули поле боя. Вскоре новый низам, Музаффар Джанг, появился во французском лагере, офицеры торжественно встречали «дорогого» гостя.

Дюплекс воспринял весть об убийстве Насир Джанга как огромную победу. В Пондишери был объявлен праздник. Губернатор поспешил лично увидеть Музаффара Джанга, который должен был стать послушным вассалом Компании. Встреча Дюплекса и Музаффара состоялась во французском лагере. Новый низам, повелитель 20 миллионов человек, униженно благодарил французского чиновника. Впервые в истории Индии европейцы настолько активно вмешались в распри индийских правителей, и теперь, казалось, было найдено средство для создания французской колониальной империи на полуострове.

Дюплекс улавливал собственный триумф. Восточные церемонии следовали одна за другой. В роскошном

³ Шах Наваз-хан рассказывал в биографии Насир Джанга об этом событии иначе. По его версии, один из заговорщиков застрелил субадара в начале боя, когда их слоны приблизились друг к другу.

паланкине, окруженные свитой из индийских вельмож и французских офицеров, губернатор и Музаффар Джанг прибыли в Пондишери. Именно здесь Низам решил принять присягу своих навабов и джагирдаров.

Только в окружении французских офицеров он чувствовал себя в безопасности. Ведь патанские навабы, расправившиеся с Насир Джангом, требовали платы за убийство. Они пожелали разделить сокровища Низам-ул-мулка, с которыми не расставался Насир Джанг: 50 миллионов рупий в драгоценных камнях и 25 миллионов в деньгах. Музаффар предоставил Дюплексу уладить отношения с заговорщиками. Губернатор после долгих споров выделил каждому из трех убийц по 4 миллиона рупий из казны субадара. Сам Дюплекс мог взять из сокровищницы любую сумму, но не сделал этого. Честолюбивый политик давно уже победил в нем стяжателя. Ему нужен был субадар, располагавший казной, а не разоренный князек, и потому губернатор пернул удивленному Музаффару свою собственную долю — 8 миллионов рупий, себе же потребовал право распоряжаться Карнатиком. В это время в Индии ценились сокровища и деньги, а титулы ничего не стоили. И Музаффар готов был дать губернатору любой титул. Он даже предоставил Дюплексу право назначить Чанда Сахиба навабом Карнатика. Всякая просьба генерал-губернатора немедленно исполнялась. Он добился права хождения отчеканенной в Пондишери монеты в Карнатике и Голконде, все подати со многих районов Карнатика поступали прямо в казначейство Пондишери. Дюплекс стремился быть независимым от Парижа и содержать войско на свой счет. Музаффар Джанг продолжал осыпать спасителя и его офицеров драгоценными камнями и подарками. Дюплекс с удовольствием разъезжал на слоне в костюме восточного вельможи. Никогда до того, отмечал в своих мемуарах офицер де Жантиль, в Пондишери не видели столько золота.

Однако деканские навабы были недовольны. После убийства Насир Джанга престиж низама пал крайне низко. Навабы мечтали о разделе государства, войны роптали. Музаффар боялся собственного войска, он знал, что в любой момент может быть убит, как его дядя Насир Джанг. Поэтому он осаждал просьбами Дюплекса помочь ему водвориться в Хайдарабаде. Дюплекс со-

гласился и выделил сравнительно большой отряд, 300 французских солдат и 2 тысячи сипаев, для охраны Музаффар Джанга. Командиром отряда был назначен Бюсси. Отправив Бюсс в Декан, Дюплекс лишился талантливого офицера, но, по-видимому, растущая слава молодого военачальника беспокоила генерал-губернатора. В Карнатике правитель Пондишери желал чувствовать себя полновластным хозяином. Внезапная удача в борьбе с Насир Джангом вскружила голову Дюплексу. Он забыл, что англичане находятся в Мадрасе и Куддалуре, а Мухаммад Али укрепляет Тричинополи. В этих условиях расплыть свои силы было несвоевременно.

Британские власти внимательно следили за событиями, постоянно восстанавливая Мухаммада Али против французов. Дюплекс, хотя и стремился на первых порах примирить Чанда Сахиба и Мухаммада Али, не придавал большого значения личности последнего, не отвечал на его письма. Мадрасский же губернатор Сандерс, хладнокровный и рассудительный человек, предлагал ему конкретную помощь. Члены Мадрасского и Куддалурского советов отлично понимали, что достаточно Дюплексу взять Тричинополи, и позиция французов в Южной Индии усилится неизмеримо. В Лондон шли письма с требованием от английской Ост-Индской компании решительных мер против Франции. Весной 1751 года англичане направили в Тричинополи 600 сипаев.

Между тем мелкие феодалы Карнатика не признавали Чанда Сахиба и Мухаммада Али и проявляли все большую самостоятельность. Поэтому Чанда Сахиб во главе отряда насмшиков двинулся завоевывать собственную провинцию. Эта экспедиция сопровождалась грабежами местного населения; одновременно сипаи Чанда Сахиба с его позволения нападали на районы, принадлежавшие Мадрасскому губернаторству. Усмирив мелких раджей, Чанда Сахиб мечтал овладеть Тричинополи⁴ (этой крепостью он владел десять лет назад), главным опорным пунктом Мухаммада Али.

Дюплекс, получая добрые вести из Декана, все

⁴ Тричинополи — крепость, имевшая большое военно-стратегическое значение. Можно сказать, что ее обладатель обеспечивал себе фактический контроль над всем Карнатиком.

более чувствовал свою непобедимость. По его приказу девятитысячная армия направилась из Пондишери и Джинджи на юг. Но относительная многочисленность войска не всегда говорит о его силе. Сипаи не были достаточно обучены, да и большинство солдат, прибывших из Франции, были плохими воинами. Мухаммад Али, не зная этого, в последний раз обратился к генерал-губернатору с предложением мира. Дюплекс не соизволил ответить. Мадам Дюплекс направила письма матери и женам Мухаммада, предлагая им уговорить своих мужчин сдаться французам без боя. Самому Мухаммаду Али также ничего не грозит, говорилось в письме.

Почти одновременно англичане добыли тому же Мухаммаду Али за взятки в Дели фирман на аркатское навабство и обещали ему помощь. Мухаммад Али окончательно решил сделать ставку на англичан.

Армию Дюплекса вел к Тричинополи полковник Отейль, рядом двигался со своими недисциплинированными наемниками Чанда Сахиб; его банды разложили регулярные войска. Отейль вел себя крайне неуверенно и так часто запрашивал инструкции из Пондишери, что Дюплекс, который всегда любил мелочную опеку над офицерами, потерял терпение и написал ему следующее: «Я прошу Вас сообщать мне только о совершенных операциях...». Войска двигались медленно, сипаи останавливались и требовали платы. Стояла нестерпимая жара, многие солдаты не могли идти по открытой равнине.

Между тем англичане также перебрасывали подкрепления к Тричинополи, и их отряды шли быстрее. Около городка Валедур англичане и французы внезапно встретились. Первая атака французов оказалась успешной, англичане начали отступать. Но Чанда Сахиб отказался догонять англичан, и многие французские сипаи последовали его примеру. Английские войска капитана Коупа ушли от верного поражения. Исход операции вызвал разочарование, а поведение Чанда Сахиба — возмущение французов. Несколько офицеров хотели броситься к навабу и расправиться с ним; только Отейль с трудом помешал этому.

Узнав о безрезультатном столкновении с англичанами, Дюплекс заявил приближенным Чанда Сахиба, живущим в Пондишери, что их хозяин трус и мошенник. Одновременно генерал-губернатор написал Отей-

лю: «Вы и ваши подчиненные должны знать, что мы сражаемся за интересы государства и Компании, а не за этих трусливых „мавров“». Однако Чанда Сахиб не обращал внимания на угрозы; по-видимому, наваб был зол на Дюплекса, который, дав ему титулы, обращался с ним как с марионеткой.

Проходили месяцы, а войска Дюплекса все еще не дошли до Тричинополи. Отейль фактически потерял власть над армией и умолял генерал-губернатора отозвать его в Пондишери. Многие офицеры, видя, что поход не приносит им добычи, угрожали разорвать контракты с Компанией. Встревоженный создавшимся положением, Дюплекс вновь стал искать мира. Но англичане были непреклонны. Небольшие отряды их солдат прибывали в Тричинополи по реке Кавери, не встречая никаких преград на своем пути.

Только в сентябре 1751 года французские войска подошли к Тричинополи. Более полугода понадобилось им, чтобы преодолеть расстояние в 180 километров. У стен города находились беспорядочные толпы солдат, а не регулярная армия. Наконец генерал-губернатор сместил своего незадачливого родственника Отейля. Вновь назначенным командиром оказался Жан-Жак Франсуа Ло, племянник знаменитого финансиста эпохи регентства, смелый молодой человек, лишенный, однако, опыта и таланта военачальника. Правда, на первых порах его решительность и активность помогли несколько поднять дисциплину во французских войсках.

Крепость Тричинополи по своей неприступности мало отличалась от Джииджи. Она была расположена в дельте реки Кавери, на ее правом берегу, южнее острова Шрирангам. Город окружали крутые скалы, которые служили великолепным основанием для фортов, глубокий ров опоясал город со всех сторон. Стены Тричинополи славились своей прочностью...

Французские войска, скопившиеся у Тричинополи, сосредоточились главным образом на острове Шрирангам. Чанда Сахиб со своими пашами расположился к югу от Тричинополи, войска начали грабить этот богатейший и густонаселенный район.

Пока французские войска располагались у Тричинополи, север провинции Карнатик был почти не защищен. 11 сентября небольшой отряд англичан во главе с 26-летним капитаном Клайвом внезапно ворвался

в столицу Карнатика Аркат и захватил город. Мгновенный рейд Клайва застал Дюплекса врасплох. Он приказал части войск двинуться на север. Войска, оставшиеся у Тричинополи, все еще готовились к осаде. Чанда Сахиб, опустошив рисовые поля в устье Кавери, задумал напасть на Танджур и сорвать с местного раджи выкуп. Совершенно не считаясь с требованиями осады, он увел свои войска под стены Танджура; к нему присоединились сипаи и солдаты Ло, многие из них потом дезертировали.

Английский губернатор Сандерс вступил в соглашение с правителем Майсура, недовольным усилением французов на юге. Государство Майсур в середине XVIII в. укрепилось, стало претендовать на господство в Южной Индии, и прежде всего на Тричинополи. Сандерс и Мухаммад Али склонили правителя Майсура к военному союзу, пообещав ему за помощь Тричинополи. Майсур объявил себя союзником Мухаммада Али. Таким образом, против французов образовалась коалиция из Тричинополи, Майсура и Танджура. К ней мог присоединиться маратхский сардар Морари Рао, один из самых воинственных маратхских феодалов. Столицей его княжества был город Гути, расположенный на границе Декана и Майсура. Морари Рао стремился округлить свои владения, используя постоянные конфликты между правителями Южной Индии, а также франко-английское соперничество. Союзником Морари Рао был ненадежным, но командовал боеспособной армией.

Таким образом, Ло из осаждающего превратился в осажденного. 1751 год, начавшийся таким триумфом для Дюплекса, оканчивался крайне неудачно для французов. Весь Карнатик был опустошен солдатами, сипаями Компании и ордами Чанда Сахиба. Налоги не поступали, казна Пондишери была пуста. Дюплекс тратил собственные деньги, ограничил прибыли Компании, что вызвало недовольство директоров. Война, которая не приносила доходов, а разоряла, вызывала у них недовольство. Обстоятельные докладные записки Дюплекса, в которых много говорилось о выгодных перспективах, но скрывались настоящие неудачи, внушали все меньше доверия правлению Компании.

В то время как армия Ло бесцельно стояла у Тричинополи, на севере Карнатика происходили неприят-

ные для французов события. Клайв не только занял Аркат без единого выстрела, но и разгромил трехтысячный отряд Чанда Сахиба, подошедший к городу. Дюплекс почувствовал, что Аркат становится вторым Тричинополи, и потребовал от Чанда Сахиба решительных действий. 10 тысяч воинов Чанды и 150 французских солдат двинулись к Аркату. Аркатские укрепления находились в жалком состоянии. Стены развалились, рвы пересохли, брустверы оказались недостроены, продовольствия не хватало. В этих условиях Клайв сумел продержаться 50 дней, наемники Чанда Сахиба не желали идти на приступ. Командующий штурмом Реза Сахиб, сын Чанды, не мог поднять своих солдат. Приближался мусульманский праздник шахсей-вахсей. Именно на этот день Реза Сахиб назначил главный штурм Арката, явно рассчитывая на то, что ярость фанатичных приверженцев ислама передастся и другим осаждающим. Войска пошли на приступ, впереди гнали слонов, к головам которых были привязаны куски железа. Эти гиганты в доспехах должны были сломать укрепления, за которые хлынет толпа наемников. Возможно, что «слоновая атака» явилась главной ошибкой Реза Сахиба. Солдаты и сипаи Клайва оставались хладнокровны, после первого же их залпа многие слоны были ранены. Разъяренные животные повернули вспять, топча шедших на приступ. Однако часть наступавших все же бросилась на стену. Клайв умело защищался, ружейный и артиллерийский огонь осажденных почти не прерывался. Сотни воинов Реза Сахиба остались во рву, остальные отступили.

Маратхский князь Морари Рао, долго выжидавший, после победы Клайва присоединился к англичанам. Из Мадраса также пришло подкрепление Клайву. Теперь английский капитан решил наступать сам, он двинулся вслед за армией Реза Сахиба и в открытом бою наголову разбил сына Чанды. Реза Сахиб попытался в последний раз сразиться с англичанами, его войска подошли к самому Мадрасу, среди них находилось 400 французов. Клайв вновь победил; на этот раз более 100 французов попало в плен. Став хозяином Северного Карнатика, английский капитан подошел к поселению, которое основал Дюплекс. Здесь находился монумент, установленный по приказу генерал-губернатора Французской Индии,— символ мощи французской короны.

Клайв разрушил этот памятник. Такого унижения Дюплекс не испытывал никогда, но отомстить Клайву он не мог: французское войско безрезультатно осаждало Тричинополи.

Зимние месяцы проходили для французов в бездействии. Мухаммад Али становился все смелее, его отряды нападали на обозы французов. Дезертирство французских сипаев продолжалось. Казна в Пондишери была пуста. Единственным выходом из тяжелой ситуации явился бы захват Тричинополи, но время шло, а положение осажденных не ухудшалось. Дюплекс понимал, что подозрительность генерального контролера Машо, фактического председателя правления Компании, возрастает, что в условиях мира с Англией директора могут прислушаться к сообщениям противной стороны.

По-видимому, Дюплекс боялся грозного окрика из Парижа, он написал большое письмо английскому губернатору, направив копию Машо. В этом пространным документе генерал-губернатор пытался придать своим действиям видимость законности (все его ставленники — законные наследники и вассалы Великого Могола). Дюплекс разъяснял, что Мухаммад Али и все остальные сторонники Англии — узурпаторы. Эта аргументация не могла убедить англичан. У них имелось много контрдоводов. Достаточно вспомнить беспринципного авантюриста Чанда Сахиба или убийство Насир Джанга. Генерал-губернатор, конечно, понимал, что с англичанами компромиссы невозможны.

Тем временем к Тричинополи подошел Клайв с полуторатысячным отрядом, и опять Ло не двинулся с места. Клайв спокойно вошел в Тричинополи. Ло, будучи человеком лично храбрым, хорошим исполнителем, оказался совершенно безынициативным командиром. Несколько раз он позволил английским войскам проникнуть в осажденный Тричинополи. Отряды Мухаммада Али каждую ночь тревожили французов. Ло понимал, что нужно уходить, но стыдился писать об этом Дюплексу, а тот по-прежнему настаивал на штурме. В конце концов Ло приказал войскам уходить на остров Шрирангам. Сипаи переправлялись на остров, бросая запасы пороха, пушки на старых позициях, которые тут же занимали англичане. Чанда Сахиб также увел своих солдат на остров. 20 тысяч человек заняли оборону на Шрирангаме.

Отступление Ло побудило англичан к решительным действиям. У Клайва созрел план блокировать французов на Шрирангаме. В ночь на 17 апреля 1751 года он с 1200 сипаями, 4000 всадниками и 400 европейцами форсировал Кавери и Колерун и вышел севернее Шрирангама. Теперь Ло оказался зажатым с двух сторон. Вместо того чтобы попытаться нанести удар по войскам Клайва, французский командующий решил ждать подкрепления с севера. Действительно, Отейль с небольшим отрядом двигался из Пондишери. Как только он узнал о присутствии Клайва, он немедленно отступил. Клайв начал было преследовать его, но затем также отвел свои войска обратно.

Когда разведка донесла Ло, что Клайв устремился за Отейлем, командующий французскими войсками наконец решился на активную операцию. 80 солдат и 400 сипаев вошли в деревню, где стоял Клайв, их сопровождали 40 английских дезертиров. Дезертиры сообщили часовым, что пришло новое подкрепление, и те пропустили французов. Последние же не сумели проявить достаточно выдержки и открыли преждевременную стрельбу по домам, где находились англичане. Клайв с обнаженной шпагой выскочил из своего дома, в полной уверенности, что между его солдатами началась драка, но сразу понял, что в деревне неприятель, и бросился на первого попавшегося французского офицера. Французы смешались... в несколько секунд обстановка изменилась. Со всех сторон спешили вооруженные англичане и британские сипаи. Большинство французов спрятались в местном храме, остальные сдались сразу. Клайв приказал подвести к храму пушку, к утру французы капитулировали.

Последнее поражение окончательно парализовало силы французов и их сипаев. С юга войска Лоуренса медленно наступали на позиции Ло. Войска танджурского раджи, прибывшие на помощь Мухаммаду Али, также перешли в наступление.

Отряд Отейля бессмысленно маневрировал на севере. Напрасно Дюплекс умолял своих командиров действовать согласованно; никакой связи между двумя французскими группировками не было. Ло пытался внезапно атаковать Клайва, но английская разведка заметила движение французских солдат, и они попали под сильный огонь. Атака не удалась. Отейль вообще

не принимал боя, при первом появлении английских отрядов он отступал на север. Тиски, в которые попали французские войска на острове Шрирангам, медленно сжимались.

Дюплекс понял, что кампания в Карнатике проиграна окончательно. Даже подкрепление, прибывшее из Франции, не могло ничего изменить. Тем не менее генерал-губернатор не впал в отчаяние. Он знал, как быстро меняется положение в Индии, и потому надеялся выиграть время, заключив компромиссный договор. Однако британские власти не думали идти на какие-либо уступки.

Клайв с небольшими силами напал на Отейля, который безнадежно пытался уклониться от боя и в конце концов, так и не приняв сражения, сдался со всеми офицерами. Ло остался один. Лоуренс начал круглосуточную бомбардировку острова Шрирангам. Солдаты и сипаи укрылись в древнем храме. Здесь же толпились наемники Чанда Сахиба. Как только обстрел прекращался, десятки сипаев бежали в английский лагерь.

К острову подошли отряды маратхов во главе с Морари Рао, танджурцы и майсурцы. Мухаммад Али ликовал, предвкушая месть Чанда Сахибу, но тот все еще надеялся на спасение. Он умолял танджурского военачальника Манакоджи отправить его в Карикал. Сипаи уходили из Шрирангама целыми соединениями во главе со своими командирами. Капитуляция становилась неизбежной... 11 июня, за день до капитуляции, Чанда Сахиб сдался в плен англичанам. Командующий объединенными войсками Лоуренс созвал военный совет. Маратхи и майсурцы настаивали на выкупе. Мухаммад Али и Манакоджи требовали смерти Чанда Сахиба. Лоуренс хранил молчание, но затем распорядился отдать Чанда Сахиба танджурцам; через несколько часов его убили. По традиции голова его была преподнесена главному сопернику казненного — Мухаммаду Али.

12 июня Ло объявил о своей капитуляции. Все боеприпасы и пушки передавались англичанам, солдаты оставались в плену, офицеры без оружия отправлялись в Пондишери. Казалось, что Ло будет предан военному суду, но этого не случилось. Дюплекс постарался представить события в Тричинополи как незначительный неудачный эпизод, и Ло остался на свободе.

Война продолжалась, англичане укрепились на всем

побережье. Теперь французы чувствовали себя осажденными в своих колониях. Сипаи, когда военная слава французов померкла, перестали к ним наниматься. Разрозненные французские войска собрались в Джинджи и в местечке Чингалпат, расположенном на реке Понниар. Вскоре Клайв с войсками вновь появился в Северном Карнатике. Он рассчитал, что наиболее выгодно напасть на слабо укрепленный Чингалпат. Неудачи продолжали преследовать французов: неподготовленные офицеры, командующие необученными солдатами, сдавались в плен англичанам почти без боя. Дюплекс даже ставил в пример французским солдатам и офицерам более добросовестно сражавшихся сипаев.

Подойдя вплотную к Чингалпату, Клайв стал обстреливать город из пушек. Дюплекс посоветовал французским войскам попытаться ночью тайно уйти из города, но французские офицеры предпочли просто сдаться на милость победителя, и над Чингалпатом было поднято знамя наваба английской Ост-Индской компании Мухаммада Али. Теперь единственным крупным укреплением в руках французов оставалась крепость Джинджи.

Дюплекс не признавал себя побежденным. Именно в это время он замыслил создание роскошного экзотического губернаторского дворца. По его приказу колонны разрушенного индийского храма в Джинджи были отправлены в Пондишери, где их рассчитывали использовать при строительстве новой резиденции. Сотни отборных солдат в течение нескольких месяцев препровождали колонны в Пондишери. Но строительство дворца так и не началось, а колонны провалялись в Пондишери более ста лет, до тех пор пока несколько из них были использованы для постаментов памятника Дюплексу.

Осень 1752 года не принесла ничего нового. Клайв не стал штурмовать Джинджи, а увел свои войска в Мадрас. Вскоре он на время уехал в Англию. Отсутствие Клайва не помогло французам: сипаи продолжали волноваться, так как им систематически задерживали жалованье. Попытки военных выступлений обычно кончались крахом. Сипаи, а вместе с ними и солдаты часто дезертировали, а те, кто оставался, не отличались большой боеспособностью.

При осаде городка Тирнамалле на реке Понниар,

который находился между Тричинополи и Аркатом, французы бежали после первого залпа осажденных. Дюплекс, получивший весть о новом поражении, с философским спокойствием отметил: «Враг всегда счастливее: стоит ему только с нами встретиться, как мы побеждены. Я не знаю, откуда дует этот ветер несчастья, который превращает все наши начинания в неприятности». Второй штурм оказался также неудачным. Сипаи отказались лезть на крепостные стены, заявляя, что не хотят умирать за «европейцев». Пришлось отвести их назад. Третий штурм вообще выглядит анекдотическим эпизодом. Отряд во главе с сержантом Патте (по-видимому, в распоряжении Дюплекса не нашлось достаточно способного офицера) после удачной артиллерийской атаки подошел к стенам Тирнамалле. Англичане решили сдаться и стали выходить из бреши в стене навстречу французам, но те, увидев солдат в английской форме... бросились наутек. Осажденные, которых было в несколько раз меньше, чем осаждавших, еще долго их преследовали.

Известия о таких эпизодах, может быть, ранили самолюбие Дюплекса, но упрямство его росло. Он продолжал хитрую дипломатическую игру, выдвинул на политическую сцену родственников Чанда Сахиба, искусно раздувал распри в лагере своих врагов. Мухаммад Али рассорился с правителем Майсура, танджурский раджа увел свое войско, а маратхский сардар Морари Рао выбирал, где лучше пожить. Можно было снова готовиться к походу на Тричинополи.

В августе 1752 года французские войска под командованием племянника Дюплекса Кержена попытались совершить налет на Куддалур, но потерпели неудачу. В ответ майор Лоуренс с шеститысячной армией двинулся к Пондишери. 27 августа он стоял в десяти километрах от резиденции Французской Индии. Конница Мухаммада Али, сопровождавшая англичан, опустошала пригороды. Все же на штурм Пондишери Лоуренс не решился. Французы действовали вяло, почти не тревожа англичан. После небольших стычек близ городских стен Лоуренс решил отступить от города. Французы расценили это отступление как свою победу и бросились преследовать неприятеля. Лоуренс выбирал удобное место для сражения. Французы проявляли полную беззаботность, двигаясь за англичанами. Лоуренс

был осведомлен о каждом шаге племянника Дюплекса. 7 сентября в три часа утра англичане напали на французов, расположившихся на привале. Внезапный удар совершенно обескуражил Кержена, его солдат и сипаев. Кто, бросив оружие, бежал, кто сдался в плен. В руках Лоуренса оказалось только 14 офицеров. Он отпустил их в Пондишери, взяв с них клятву никогда более не выступать против английской Ост-Индской компании. Теперь путь на Пондишери был открыт. Лоуренс, однако, вновь воздержался от захвата столицы Французской Индии, ибо между Англией и Францией еще сохранялся мир.

Угрозы англичан захватить Пондишери вновь не испугали Дюплекса, его упрямство и энергия оставались прежними. В январе 1753 года он с помощью Бюсси получил из Хайдарабада грамоту на навабство Карнатика. Хотя все знали, что этот фирман был фикцией и после Аурангзеба считаются не с грамотами, а только с реальной силой, генерал-губернатор не жалел средств на пышные церемонии по поводу своего нового титула. Показной блеск должен был несколько приподнять пошатнувшийся авторитет французской короны в Индии. Новоявленный наваб начал активную переписку с соседними крупными феодалами, пытаясь создать антианглийскую коалицию. Он не скупился на обещания: майсурскому радже посулил Тричинополи, Морари Рао — большие деньги, а также несколько городов в своем навабстве. Морари Рао посетил Пондишери и был принят там с почестями, достойными субадара. Таким образом, Дюплекс в феврале 1753 года сумел переманить на свою сторону союзников своих врагов. Однако союзники Дюплекса не отличались большим постоянством и не стремились к активным действиям, губернатору оставалось надеяться лишь на собственные силы. Французский губернатор рассчитывал лишить Мухаммада Али каких-либо опорных пунктов в Карнатике и окончательно изгнать наваба английской Ост-Индской компании из провинции. Главным пунктом борьбы стал город Тривади, расположенный неподалеку от Куддалура. Сюда двинулись войска из Пондишери. Как всегда, Дюплекс не имел достаточно способных офицеров. Старый служака Бренье, назначенный командиром, умолял об отставке; его сменил другой, но и он отказался от решительных действий, боясь полного по-

ражения. Майсурцы и маратхи ограничивались дружественным нейтралитетом. По договору, заключенному между правителем Майсура Нанджараджем и Дюплексом, предусматривалась немедленная уплата Майсуром большой суммы денег за право владения Тричинополи. По-видимому, Нанджарадж не торопился платить.

Время шло, сипаи и солдаты требовали денег, а положение не менялось. Только 1 апреля 1753 года произошло первое большое наступление на Тривади. Французы потерпели очередное поражение, город остался в руках англичан. Маратхи, на которых Дюплекс в какой-то степени рассчитывал, не двинулись с места. Но Нанджарадж привел свои войска и осадил Тричинополи. Это обстоятельство заставило англичан отвести главные силы из Тривади в Тричинополи, а там осталось несколько десятков совершенно небоеспособных солдат. Французы наконец второй раз пошли на приступ. Никакого сопротивления они не встретили, английские солдаты пьянствовали в своем лагере, не обращая внимания на французов, входивших в город. Такова была первая за несколько лет победа французов в Карнатике, но большого стратегического значения она не имела.

Между тем союзник французов Морари Рао напал на нейтральный Танджур, сразу же отбросив его в лагерь противника и таким образом сорвав все планы Дюплекса, рассчитанные на изоляцию англичан. Другой союзник, Нанджарадж, хотя и разбил свой лагерь под Тричинополи, не проявлял никаких поползновений к активным действиям и медлил с уплатой выкупа за Тричинополи. Тщетно Дюплекс упрашивал и пугал союзников. Убедившись в их полном нежелании воевать, он решил сам договориться с англичанами. Мадам Дюплекс взяла на себя миссию установить контакт с противником. Она написала родственницам Мухаммада Али, но ответа не получила. Писала губернатору Сандерсу, но последний также не удостоил ее ответом, он заявил своим чиновникам, что мадам Дюплекс берется не за свои дела.

Из Франции пришли новые корабли с рекрутами, и Дюплекс вновь попытался развязать военные действия. Он поручил вновь прибывшему офицеру Астрию командование осадой Тричинополи. При первом же штурме французские солдаты показали свою небоespo-

способность. Встретив организованное сопротивление англичан, они бросились врассыпную, заразив страхом и сипаев. Напрасно офицеры стремились остановить обезумевших от ужаса людей, их никто не слушал. Майсурские войны остались пассивными зрителями, они с любопытством следили за позорным бегством французских солдат.

Дюплекс приказал Астрюку объявить Нанджараджу, что французы уйдут, если Майсур не заплатит 50 лакхов за Тричинополи. Нанджарадж как будто не обратил внимания на требования французов. Тогда Астрюк двинулся из лагеря. Его нагнал посланец правителя Майсура и предложил несколько драгоценностей — мизерную долю требуемой суммы. Астрюк продолжал путь. Узнав о том, что Астрюк покинул лагерь, Дюплекс обрушился на него с яростными упреками. Астрюк был заменен стариком Бренье. Бесконечные мелкие неудачи заставляли Дюплекса нервничать, генерал-губернатор стал раздражителен и суетлив, часто принимал поспешные решения, то разъединял, то вновь объединял войска.

Лоуренс в это время вновь договорился с раджей Танджура о союзе, а Морари Рао продолжал заигрывать со всеми сторонами. Стало известно, что население Тричинополи голодает. Лоуренс хотел лично доставить продовольствие в крепость. Французы перекрыли все пути, но англичане прорвались в город, по пути обратив в бегство французов. Майсурская кавалерия, как всегда, хранила спокойствие.

Бренье опять попросил об отставке. Дюплекс был настолько растерян, что предложил поделить командование войсками между двумя офицерами. В армии установилась полная безответственность, младшие офицеры под видом болезни отправлялись в Пондишери, солдаты и сипаи дезертировали.

Лоуренс решил произвести вылазку в ночь с 20 на 21 августа 1753 года, и англичане почти не встретили сопротивления. Французы в беспорядке бросились на остров Шрирангам, оставив неприятелю более 10 пушек и свыше 100 пленных.

Дюплекс назначил нового командира. Это был Манвиль. Более властный человек, чем остальные офицеры, он сумел на некоторое время установить дисциплину в лагере. Но многого Манвиль не достиг. Пошли дожди,

солдаты бездельничали, деньги в армейской кассе отсутствовали, союзники — майсурцы и маратхи, не имея осадных средств, также бездействовали. Манвиль понимал, что, если не принять решительных мер, французское войско окончательно разложится. Поэтому началась подготовка к штурму. Лазутчикам удалось обнаружить под первой крепостной стеной подземный ход, заваленный кирпичами, но плохо охраняемый; через него можно было проникнуть ко второй стене, которая не представляла большого препятствия.

В ночь с 26 на 27 октября Манвиль дал приказ о штурме. Сначала все шло хорошо, солдаты и сипаи пробрались в город и миновали вторую стену; на рассвете 600 французов уже находились в городе. Но у них не хватило выдержки. Капитан Киркпатрик, начальник местного гарнизона, сохраняя спокойствие, собрал большинство английских солдат в центре города, где находился основной артиллерийский парк. Пушки стояли так, что образовывали как бы замкнутый круг. Киркпатрик приказал своим бомбардирам стрелять по всем направлениям, не щадя ни чужих, ни своих. Это определило исход боя. Французы в панике бросились назад и оказались между двумя стенами. Многие погибли, 350 солдат сдались в плен. Это был крах второй осады Тричинополи. Теперь сипаи окончательно отказались сражаться и уходили из французских лагерей сотнями.

Упорство Дюплекса казалось сломленным. Он решил пойти на переговоры с Сандерсом. Местом переговоров стало местечко Садрас, находящееся между Мадрасом и Пондишери. Французские делегаты пытались представить своего господина Дюплекса как наваба Карнатика, ссылаясь на грамоты из Дели и Хайдар-абада. Англичане требовали признания прав Мухаммада Али на Карнатик. По-видимому, при этом британская сторона получила из Мадраса инструкцию тормозить переговоры. Дюплекс из Пондишери слал своим представителям приказы вести переговоры в ультимативном тоне. Французская делегация выдвинула план, по которому все крепости Карнатика переходили в руки Франции, Мухаммад Али покидал свои земли и получал за это компенсацию в Декане. Французы, как правители Карнатика, гарантировали англичанам безопасность. Англичане же требовали признания Мухаммада Али аркатским навабом и, главное, предоставления равных прав

обеим компаниям. Начались прения. Внезапно представители Сандерса заявили, что фирман из Дели, представленный французами, недействителен: на документе была печать не нынешнего, а покойного императора. Для делийской канцелярии Великого Могола такое оформление документов было обычным. Подобные фирманы ходили по всей Индии, но английские делегаты изобразили крайнее возмущение и покинули Садрас. Напрасно Дюплекс стремился повлиять на мадрасского губернатора — тот прислал ему резкое письмо. Дюплекс ответил ему тем же. Обе стороны вспомнили темные дела друг друга (убийство Насир Джанга, казнь Чанда Сахиба). Вскоре эти бесполезные препирательства надоели Дюплексу, и он приказал вновь начать войну.

Однако военные действия развивались вяло. Генерал-губернатору удалось собрать некоторую сумму с подвластных земель. Разоренный бесконечной войной Карнатик мог дать мало, Нанджарадж по-прежнему не платил обещанных денег, Морари Рао искал лишь случая, чтобы самому пограбить. В этих условиях у Дюплекса возник новый план, как укрепиться на юге Индии. План столь же нелепый, сколь и преступный.

Устье реки Кавери — один из самых плодородных районов Индии, центр рисоводства. Огромные усилия затрачивало местное население на строительство ирригационных сооружений. Система ирригационных сооружений была довольно сложна, но легко разрушима. Дюплекс решил уничтожить плотины по всему устью Кавери, затопить рисовые поля. Эта мера, как полагал генерал-губернатор, напугает танджурского раджу и лишит Тричинополи продовольствия.

В ночь с 3 на 4 июня 1754 года Манвиль выполнил варварский приказ Дюплекса: французские солдаты разрушили ирригационные сооружения. Сотни тысяч людей оказались обреченными на голод. Но цели своей Дюплекс не достиг. Французские войска продолжали стоять под стенами Тричинополи, не пытаясь идти на штурм. Солдаты и сипаи промышляли грабежом, союзники Дюплекса также грабили беззащитных людей. Командиры сипаев французской Компании, не получая денег, распускали свои полки. Правитель Майсура Нанджарадж, давший клятву заплатить губернатору за Тричинополи, ограничивался обещаниями. Дюплекс оказался в тупике. Разрушение оросительной системы не только не запуга-

ло танджурцев, но вызвало невиданную до сих пор ненависть жителей страны к французам. Началась партизанская война. Пришлось дробить и без того тающие силы. Правда, к 1754 году англичане также чувствовали себя усталыми, проявляли склонность к компромиссу, но на серьезные уступки не шли. После грабительского нападения на Танджур маратхский сардар Морари Рао начал переговоры с Мухаммадом Али, упорно оборонявшим Тричинополи. Майсурцы стали уходить на север; даже наиболее способный их военачальник, Хайдар Али, уехал на родину.

Такую картину застал по приезде в Индию один из директоров Компании. Первое время после начала войны директора Компании доверяли Дюплексу, но с 1752 года их настроение изменилось. Несмотря на постоянные реляции о завоеваниях и победах над англичанами в Южной Индии, оттуда не прекращались просьбы о присылке солдат и оружия. В 1751 году в Индию было послано 310 солдат, в 1752-м — 600, в 1753-м — 1500 солдат. Подобные расходы не нравились директорам, особенно самым влиятельным членам правления Компании — генеральному контролеру Машо и королевским комиссарам Силуэту и Сен-При.

В то время генеральный контролер вел отчаянную борьбу с дворянством, духовенством, с парижским и провинциальными парламентами за введение всеобщего пятипроцентного налога в стране, которая получила в истории название налоговой войны. Возбуждение во Франции (и, конечно, в Париже) достигло крайних пределов. Возмущенные речи в дворянских собраниях, негодующие проповеди епископов, памфлеты против ненавистного королевского министра, карикатуры на Машо и мадам Помпадур будоражили и салоны, и улицы Франции. В этой обстановке Машо ничего и слышать не хотел об Индии или Канаде: колонии Франции должны давать деньги, а не потреблять их. Расходы в Индии за последние годы правления Дюплекса превысили доходы на несколько миллионов ливров, а цены на акции Компании, поднявшиеся в 1751 году до 1885 ливров, вновь стали падать.

Корабли, прибывавшие из Индии, приносили вести, противоречившие депешам Дюплекса, но зато рассказы капитанов и купцов напоминали версии английских газет. Особенно беспокоила правление Компании бессмыс-

ленная осада Тричинополи. Когда же директора узнали о том, что Дюплекс объявил себя навабом Карнатика, их недовольство перешло в открытое возмущение: «Пусть прекратит играть в набоба», — повторяли они кем-то брошенную фразу. В письмах, направляемых губернатору от имени Компании, постоянно говорилось, что правление с нетерпением ждет мира на Коромандельском побережье.

Дюплекс, несмотря на бесконечные неудачи в Карнатике, по-прежнему был тверд и энергичен, он понимал, что только территориальные захваты могут укрепить позиции Франции в Индии. Успехи Бюсси в Декане еще более утвердили его в этом мнении. Осенью 1753 года генерал-губернатор послал в Париж обширный доклад-мемуар, в котором доказывал своим коллегам по Компании необходимость земельных приращений. Иначе, писал он, Компании грозит неминуемое банкротство. Хотя губернатор многое преувеличивал в своем мемуаре, например предсказывал неминуемое разорение английской Ост-Индской компании, он несомненно, с точки зрения последовательного колонизатора, был прав — цель деятельности Компании должна была заключаться в создании колониальной империи.

Генерал-губернатор послал во Францию своих верных людей — Латуша, а затем Отейля, но их никто не хотел слушать: Латуш был храбрым солдатом, но совершенно неопытным дипломатом; Отейля же все считали весьма недалеким человеком. Но, вероятно, и самый способный дипломат не сумел бы убедить директоров Компании в правильности действий Дюплекса.

Как только слухи о капитуляции Ло подтвердились в Париже, донесениям Дюплекса перестали доверять. В январе 1753 года умер Лабурдонне. Смерть его вызвала вновь толки о его процессе, о штурме Мадраса. Друзья покойного адмирала распространяли оправдательные документы, согласно которым виновником всех злоключений Франции был нынешний правитель Пондичери. В салонах и кофейнях говорили, что Дюплекс ведет войны ради собственного обогащения, что на деньги Компании он построил себе дворцы, которым нет равных на востоке, и т. д. Королевские комиссары Компании Сен-При и Силуэт возглавили лагерь противников Дюплекса. «Ничто столь не противно торговле, как война... Мы удовольствуемся первым, не будем думать вовсе

о расширении земель, удовольствуемся тем, что будем крупными коммерсантами», — писал Сен-При. «Не надо побед, не надо завоеваний — нам необходимо побольше товаров и завоевание дивиденда», — утверждал Силуэт. У Машо, который ранее симпатизировал Дюплексу, под влиянием докладов королевских комиссаров все более росла неприязнь к «набобу», как теперь называли в Париже генерал-губернатора Пондишери. Вскоре с мнением последнего вообще перестали считаться.

В начале февраля 1753 года представитель французской Компании выехал в Лондон и договорился о конференции двух компаний. Главным вдохновителем политики переговоров был Машо. Вот что он писал французскому послу в Лондоне графу Морепуа: «Нельзя не пожелать конца смутам в Индии. Вся Компания держится того же мнения». Англичане пошли на переговоры, по-видимому, ради того, чтобы выиграть время. Конференция затянулась и продолжалась три года, вплоть до начала Семилетней войны. Одним из первых требований англичан был немедленный отзыв Дюплекса. Машо согласился с этим мнением: «Мы никогда не думали иметь в Индии земли больше, чем англичане. Проекты Дюплекса — химеры и видения», — заявлял генеральный контролер.

Чрезвычайным уполномоченным французской Компании обеих Индий назначили Годе, покойный отец и младший брат которого являлись ее директорами. Шарль Робер Годе считался одним из компетентных людей в Компании. Для придания большей солидности уполномоченному была подчинена эскадра из девяти кораблей, на них находилось две тысячи солдат. Англичане, узнав об эскадре, были напуганы. Они решили, что французы посылают Дюплексу помощь. Правление британской Ост-Индской компании лихорадочно стало собирать силы для отправки в Индию. Возникало представление, будто французы опередили англичан.

Однако войска направлялись совсем для другой цели. Перед отъездом из метрополии в Пондишери Годе получил от Машо и морского министра Руйе составленную ими секретную инструкцию. Генеральный контролер приказал уполномоченному вскрыть пакет только в море (такая процедура диктовалась все более развивавшимся культом секретности при дворе Людовика XV). Когда Годе уже в пути вскрыл пакет, он нашел там

предписание немедленно сменить Дюплекса, а в случае сопротивления арестовать его. Все ближайшие сотрудники губернатора, в том числе и Бюсси, должны были по инструкции также быть отправлены во Францию. Предусматривался даже арест жены и дочерей Дюплекса, поскольку, по мнению Компании, они обладали огромным богатством и могли натравить на уполномоченного «мавров». После того как Дюплекс будет обезврежен, Годе должен немедленно заключить мир с англичанами. К инструкции были приложены предварительные условия этого мира (заметим, кстати, что составители инструкции проявили большое невежество в географии Индии). На документе была подпись короля.

По-видимому, Машо считал Дюплекса совершенно самостоятельным правителем и вполне допускал возможность войны между Годе и генерал-губернатором Пондишери. Последний же, узнав об эскадре из девяти кораблей, очень обрадовался: он ждал подкреплений для дальнейшей осады Тричинополи.

1 августа 1754 года Годе прибыл в Пондишери. Дюплекс приготовил ему лучшие комнаты своего дворца, но представители Годе заявили, что королевский уполномоченный желает остановиться на частной квартире. Это обстоятельство крайне насторожило губернатора. Тем не менее он позаботился о самой пышной встрече Годе. Но торжественной церемонии не получилось. Годе не стал слушать приветствий губернатора, а вручил ему приказ короля об отставке и предписание Компании об отчете за последние пять лет деятельности. Передавая эти документы в руки губернатору, Годе заметно волновался: по-видимому, он боялся стать жертвой гнева правителя Пондишери. Страх его оказался напрасным. Хотя Дюплекс был потрясен прочитанным, он мгновенно овладел собой и пригласил королевского комиссара на заседание совета, где официально передал свою власть Годе, оставшись при нем в качестве простого советника.

Такая быстрая капитуляция Дюплекса не случайна. Дела — военные и финансовые — были запутаны. Неудачи, особенно в Карнатике, в последние годы постоянно преследовали генерал-губернатора. Незаметно подкрадывалась усталость. Последняя надежда — решительная помощь Франции обернулась суровым приговором. И человек, для энергии и упрямства которого в

Индии не имелось никаких преград, покорно подчинился первому приказу из метрополии.

Годе, почувствовав податливость Дюплекса, принял позу прокурора, потребовал отчета и документы. Сразу же выяснилось, что генерал-губернатор часто смешивал дела государственные с личными, хотя в большинстве случаев не в свою пользу.

В Пондишери у бывшего генерал-губернатора нашлось много недоброжелателей. Годе их охотно выслушивал, и вскоре Дюплекс оказался на положении обвиняемого. Он долго не мог привыкнуть к унижительным процедурам расследования и вступал в резкие пререкания с королевским комиссаром, а властолюбивая мадам Дюплекс приходила в ярость при одном только виде Годе. Скандалы следовали один за другим. Но, когда Годе стал решать судьбу Французской Индии, бывший ее правитель сменил тон: он умолял королевского комиссара не губить результатов многолетней деятельности, не уступать англичанам.

Годе был непреклонен — его главной целью стал мир с британской Ост-Индской компанией. Он возвратил в Мадрас всех пленных англичан, снял осаду с Тричинополи и вступил в переговоры с Сандерсом. Тот сразу же понял, что комиссар французской Компании плохо разбирается в обстановке, и решил использовать его стремление к миру в своих интересах. Сандерсу удалось довольно легко вырвать у Годе ряд уступок. Возможно, последний отказался бы от Декана и Масулипатама. Но из Парижа пришли новые инструкции от Машо. Генеральный контролер чувствовал, как слабеет его влияние при дворе под напором постоянных протестов знати, церковников, парламентских чиновников против жесткой фискальной политики. Поэтому он пытался использовать каждый благоприятный случай. Один из самых влиятельных и независимых людей во Франции — принц Конти, доверенное лицо короля, ознакомившись с мемуаром Дюплекса, отозвался с похвалой о его планах. Машо тут же отправил письмо Годе с предписанием не отдавать англичанам Декана и других территорий. Однако британская Компания уже получила подкрепление. Она располагала шеститысячной армией и сильным флотом. Теперь Годе столкнулся с более серьезными трудностями, но и тогда он не стал следовать советам Дюплекса.

Бывший генерал-губернатор готовился в путь. Его дела оказались запутаны до крайности. Проверка вскрыла полный произвол, царивший в местной податной системе. Сбор налогов с земель Компании, отданный на откуп индийскому купцу Папиа-пиллаи, привел к полному разорению местных жителей. Годе сам сменил Папиа-пиллаи, затем его место занял Ананда, автор знаменитого дневника. Но, насколько изменилось положение индийцев, подвластных Пондишери, сказать трудно, ибо система сбора налогов осталась прежней, Компания же интересовалась в основном прибылью, а не действиями сборщика налогов.

Окончательный расчет Дюплекса с Компанией так и не состоялся. Годе предъявил счет на 10 миллионов ливров. Бывший генерал-губернатор, со своей стороны, настаивал на том, что Компания сама должна ему 7 миллионов. Решено было передать оба иска в парижский суд.

15 октября Дюплекс со своей семьей, челядью и домашним оркестром, который он содержал еще со времен шанернагорского губернаторства, отплыл на корабле «Дюк Орлеан» к берегам Франции, покинутой им более 30 лет назад. В последний раз был поднят штандарт генерал-губернатора, и пушки Пондишери дали прощальный салют в его честь.

Дюплекс прибыл во Францию почти через восемь месяцев, в июне 1755 года. Жители главного порта Компании Лориана, куда пришел корабль, устроили бывшему генерал-губернатору торжественную встречу. Его приезд ненадолго привлек внимание парижан (говорили о несметных сокровищах французского «набоба»); вскоре о бывшем генерал-губернаторе Пондишери забыли. Дюплекс действительно вывез из Индии множество драгоценностей, его имущество оценивалось в 2,5 миллиона ливров, но его финансовые дела были запутаны. Как уже говорилось, он требовал у Компании возмещения 7 миллионов, а его долги, по мнению недоброжелателей, составляли 10 миллионов ливров. Поскольку обе стороны не располагали достаточными доказательствами, судебное дело в Париже затянулось.

«Французский набоб» поселился в роскошном особняке, но почти никого не принимал. Мадам Дюплекс оказалась более энергичной, она написала несколько писем новому генеральному контролеру финансов маркизу

де Шелю, правда безрезультатно. Бывший генерал-губернатор Пондишери попытался искать счастья на финансовом поприще, однако сразу же оказался жертвой темных дельцов. В 1756 году он потерял 1,5 миллиона ливров. Умер Дюплекс в 1763 году всеми забытый.

Большинство французских и английских историков Индии высоко оценивают деятельность Дюплекса. Только биографы Лабурдонне с неприязнью отзываются о генерал-губернаторе Пондишери.

Действительно, Дюплекс первый выдвинул идею создания колониальной империи, создал регулярную армию сипаев, использовал для захвата новых земель феодальные междоусобицы, объявил Компанию и себя лично собственником земельной ренты. Его более удачливые английские последователи, Клайв, Хейстингс и другие, продолжили колониальную политику в более широких масштабах. Характерно, что английский историк Индии Маллесон сравнивает Дюплекса с Наполеоном. Подобная оценка объяснима: она еще больше возвеличивает «подвиги» англичан, поскольку у них были такие могущественные противники, как Дюплекс.

Французские историки более осторожны — все же Дюплекс потерпел поражение. Кюльтрю — первый исследователь, который пытался показать не только сильные, но и слабые стороны Дюплекса. Используя большой архивный материал, он воссоздает противоречивый характер генерал-губернатора Пондишери и перелагает на него часть вины за поражение Франции в Индии.

Мартино не скрывает своей симпатии к далекому предшественнику, которого он считает национальным героем (с ним во многом соглашается советский профессор Н. И. Радциг). Факты, тщательно собранные Мартино, часто опровергают его собственные взгляды, характеризуя не только сильные, но и слабые стороны Дюплекса.

Современный историк Р. Глашан пытается воссоздать психологический портрет Дюплекса и называет его «взорвавшимся негоциантом». По Глашану, это был человек, обладавший сильным характером и огромной энергией, безмерно преданный поставленной перед собой цели, но сама цель осознавалась им недостаточно четко. Узость кругозора и купеческая психология мешали Дюплексу. У него не было потребности изучить страну и ее культуру. Прожив в Индии свыше 30 лет, он

почти не путешествовал, а будучи генерал-губернатором, никогда не покидал Пондишери. Типичное для буржуа XVIII века мировоззрение мешало ему понять другую культуру; он автоматически переносил привычные взгляды, представления на чужую среду. Поэтому многие его решения диктовались не знанием конкретной обстановки, а произвольными представлениями.

Конечно, Дюплекс оставался сыном своего века, и его деятельность отражала в значительной степени экономическую и политическую ограниченность французской буржуазии того времени. Но все же Дюплекс вышался над своими современниками. Обстоятельства пробудили в буржуа XVIII столетия классического колонизатора. Этого не могли оценить директора Компании обеих Индий, но спустя сто лет отлично поняли французские правящие круги — они поставили в Пондишери памятник Дюплексу как самому выдающемуся из генерал-губернаторов Французской Индии.

К. Маркс рассматривал Дюплекса как предшественника империалистических колонизаторов, но, комментируя в «Хронологических выписках по истории Индии» события, связанные с отставкой французского губернатора, противопоставлял буржуазную деловитость Дюплекса рутинерству придворных дипломатов: «Враги Дюплекса во Франции интриговали против него, ссылаясь на произведенные им „огромные расходы“». К этому Маркс добавил: «*Зависть* этих французских пуделей (Pudel) губит дельных людей!». Классическим примером такого «пуделя» является королевский комиссар Компании Силуэт, один из главных врагов Дюплекса. Назначенный в 1759 году по прихоти маркизы Помпадур генеральным контролером, он проявил себя столь неспособным и нерешительным, что его стали называть «смутный Силуэт», а вскоре его фамилия превратилась в нарицательное имя.

БЮССИ. ЗАВОЕВАНИЕ ДЕКАНА

В то время как Дюплекс терпел в Карнатике с 1751 по 1754 год одно поражение за другим, в Декане судьба французов складывалась по-иному. В начале 1751 г. Музаффар Джанг, вступивший на трон после гибели Насир Джанга, медленно двигался к своей столице Хайдарабаду. Его сопровождал большой французский отряд во главе с 30-летним капитаном войск Компании Шарлем-Жозефом Бюсси, по словам К. Маркса, «самым талантливым представителем французского командования в Индии».

Знатное происхождение отца Бюсси весьма сомнительно. Профессиональный военный, он вначале носил фамилию Патисьер. Как часто бывало в те времена, он взял фамилию своего дальнего родственника Бюсси, что позволяло ему выводить свой род со времен Гуго Капета. Однако эта «знатность» не принесла ему ни блестящей карьеры, ни, главное, богатства. В 1735 году полковник Бюсси умер, не оставив своей семье никаких средств к существованию. О его сыне известно, что он с 13 лет находился в полку отца, имея чин капитана. Ничего удивительного в этом нет, ибо командиры полков, особенно удаленных от Парижа, практически могли продавать офицерскую должность кому угодно.

После смерти Бюсси-отца полк был распущен, и 15-летний подросток в военном мундире поступил на службу в Компанию обеих Индий. Сначала служба забросила его на остров Бурбон, губернатором которого был Лабурдонне. Безусловно, Бюсси испытал влияние этого незаурядного человека и многому у него научился. Биографы Бюсси поражают не столько блестящие способности и смелость, сколько необычная, преждевременная зрелость их героя. 16-летний юноша с усердием изучал военное дело и коммерческие науки, стремился

овладеть местными языками, поближе познакомиться с обычаями коренного населения. «Этот рассудительный юноша обладал умом 36-летнего человека», — пишет историк Мартино.

В течение 13 лет этот человек оставался в тени. И на островах, и в Пондишери, куда он был переведен в 1741 году, ему пришлось довольствоваться ролью простого исполнителя чужих приказов. Только в 1749 году в Индии заговорили о Бюсси, который, располагая всего 2 тысячами сипаев и 500 солдатами, в битве при Амбуре обратил в бегство 20-тысячную армию аркатского наваба. И хотя все лавры победы достались номинальному командиру, родственнику Дюплекса Отейлю, авторитет Бюсси сильно поднялся. С ним стал считаться сам генерал-губернатор. Спустя год Бюсси был уже самым влиятельным французом в Индии после Дюплекса. Взятие считавшейся неприступной крепости Джинджи, разгром полчищ Насир Джанга сделали имя еще недавно незаметного офицера известным и во Франции.

12 января 1751 года по приказу Дюплекса Бюсси отправился в путь на север, сопровождая Музаффар Джанга. Бюсси вел большой отряд — 2 тысячи сипаев и 300 французских солдат. Войска двигались медленно, ибо разноплеменное и недисциплинированное войско Музаффара было неуправляемо. Навабы, месяц назад принесшие Музаффару голову Насира, считали нынешнего субадара неблагодарным и замыслили новый заговор. В феврале 1751 года объединенная армия перешла реку Понниар и двинулась к городу Карнулу. Здесь находились земли одного из навабов. Заговорщики решили действовать. В ночь с 14 на 15 февраля 1751 года они подняли свои войска и захватили артиллерию низама, затем бросились к обозам Бюсси. Однако караул открыл стрельбу. Бюсси попытался успокоить бунтовщиков и послал к ним парламентаря. Патаны не осмелились напасть на французов. В лагере наступила тишина. Вдруг раздались выстрелы и крик. Низам Музаффар, узнав о заговоре, приказал своим войскам уничтожить и патанов и их воинов. Неожиданные действия субадара застали навабов врасплох, двое из них были убиты, только один сумел ускользнуть. Победа казалась полной, но она была уже не нужна Музаффару. В последнее мгновение схватки он получил смертельную рану. Свидетели описывают это событие по-разному. Одни го-

порят, что Музаффар стал жертвой случайной стрелы; по мнению других, он сошелся в поединке с навабом Кирнула и разрубил своему врагу голову мечом, а умирающий наваб сумел нанести низаму роковой удар копьем.

Внезапная смерть Музаффар Джанга вызвала смуту в деканских войсках. Бюсси решил немедленно восстановить порядок, провозгласив нового субадара. Формально для утверждения субадара в Декане был необходим императорский фирман, однако после смерти Аурангзеба этот порядок нарушился. Французский офицер, чувствуя, что феодалы не хотят подчиняться малолетнему сыну Музаффара, провозгласил субадаром старшего из находившихся в лагере сыновей Низам-ул-мулка — Салабат Джанга. Большинство феодалов согласились, но два других брата, Низам Али и Басалат Джанг, затаили злобу. С подростком Басалатом никто не считался, а смелый и хитрый Низам Али всегда мог оказаться в центре любой смуты.

Новый субадар, Салабат Джанг, был человеком на редкость трусливым, безвольным и мнительным. Бюсси сразу же этим воспользовался. Салабат не столько из чувства благодарности, сколько в страхе потерять французского телохранителя соглашался с каждым его требованием, подтвердил все обещания Музаффара и разрешил Компании организовывать фактории по всему Декану, в Биджапуре и Голконде. Дюплекс получил в подарок целый город в Ориссе. Сокровища Голконды как бы по волшебству очутились в руках Компании. (Напомним, что бывший Голкондский султанат входил во владения низама.) «Я верю, что нация приобретет огромные выгоды от последнего переворота», — писал Бюсси в Пондишери и просил свободы действий. «У меня связаны руки, разрешите мне действовать самому, и вы будете управлять Голкондой, как Карнатиком».

Дюплекс колебался, порой он видел в Бюсси второго Лабурдонне и доверял лишь своему племяннику лейтенанту Кержену, находящемуся в Декане. Между Керженом и Дюплексом велась секретная переписка. Губернатор требовал от племянника, чтобы тот следил за всеми действиями Бюсси и доносил ему. У Кержена имелась даже тайная инструкция лишить Бюсси командования. К тому же Бюсси заболел и, казалось, вскоре должен будет покинуть армию. Однако надежды Кер-

жена не оправдались: командующий деканским отрядом выздоровел.

Между тем войска шли по-прежнему медленно. Учи-стились размолвки с деканскими вельможами. Первый министр Салабата Рамдас Пандит, любезный с французами в Карнатике, по мере продвижения войск на север становился все высокомернее и враждебнее, и только с Керженом он оставался, как и ранее, приветлив. И все же 26 марта 1751 г. объединенные силы взяли Карнул на реке Кеда. Четырехтысячный гарнизон сдался без всякого сопротивления.

У Салабата был очень влиятельный враг — его старший брат Гази-уд-дин, славившийся как знаток мусульманской богословской литературы, вельможа при дворе могольского императора. Но Гази-уд-дин не имел своей войска и поэтому обратился к пешве Баладжи Рао с просьбой о помощи, обещая правителю маратхов Аурангабад. 20 тысяч маратхов во главе с самим пешвой перерезали дорогу Бюсси. Но он не стал готовиться к битве, а предложил Баладжи Рао 2 лакха рупий. Хотя Гази-уд-дин обещал пешве Аурангабад, Баладжи Рао не очень доверял деканским вельможам и, удовлетворившись двумя лакхами, ушел на запад. В этом эпизоде проявились и черты характера французского военачальника. Бюсси в битвах был храбр, хладнокровен и даже жесток, но никогда сражение не было для него самоцелью.

Наконец 12 апреля 1751 года войска увидели стены Хайдарабада. Салабат торжественно вступил в свою столицу. Все крупные джагирдары принесли ему клятву верности и подарки. Салабат, в свою очередь, щедро одарил Бюсси. Ходили слухи, что полученная им сумма достигала 2,5 миллиона ливров. Вельможи также приносили французскому командующему драгоценности. многое перепало и его офицерам.

Салабат постепенно входил в роль низама и становился все более раздражительным и капризным. Придворные искусно настраивали его против французов. Два самых знатных мусульманских вельможи Декана Сеид Ласкер-хан и Шах Наваз-хан, не скрывали своего недоверия к чужеземцам. Но все же Салабат безропотно подписывал различные грамоты в пользу Компании обеих Индий, изготовленные по приказу Бюсси на основании инструкций Дюплекса.

В мае войска выступили на север, к Аурангабаду. В пути воины низама волновались: возникли слухи, что Великий Могол признал субадаром Декана Гази-уд-дин и, следовательно, Салабат — узурпатор. Возмущение грозило перерасти в открытый бунт, но внезапно в лагере появился гонец из Дели, привезший фирман императора для Салабата. Через несколько минут негодующий ропот сменился радостными криками, все спешили посправить законного повелителя Декана, раздались артиллерийские залпы торжественного салюта, французские офицеры и солдаты приносили присягу низаму.

Возможно, грамота была фальшивой, но Бюсси, осведомленный о нравах при дворе Великого Могола Ахмад-шаха, отлично знал, что между поддельным и настоящим фирманом нет существенной разницы: документ, подписанный императором, мог через несколько дней потерять всякую силу, поскольку междоусобицы дворцовых клик в Дели не прекращались никогда.

Войска вновь двинулись в путь, и 15 июня Салабат прибыл в Аурангабад. Дюплекс не скрывал своего восторга, узнав об этом событии; казалось, самые честолюбивые планы его исполнились, и сразу же рождались новые. Если Бюсси мог пройти 1100 километров, не потеряв ни одного солдата, значит возможно совершить поход в Бенгалию, унижить англичан там, где они наиболее сильны, возвысить вновь Шандернагор. Необходимо было свергнуть субадара Бенгалии Аллахварди-хана и заменить его Салабатом. Именно в это время мечты Дюплекса о колониальной империи стали наиболее откровенны. К тому же управляющий малабарской колонии Маэ довольно успешно округлял французские территории. Однако для окончательного утверждения в каком-то районе необходима концентрация сил, а Дюплекс был склонен распылать французские войска по всему полуострову.

Положение Бюсси в Декане, несмотря на успехи, было непрочным. Индийские феодалы продолжали оставаться подозрительными. Придворные Салабата замыслили новые заговоры. Офицеры и солдаты, быстро разбогатевшие в результате подачек Салабата, стремились перевести свои сокровища в более безопасные места. Бюсси чувствовал, что пассивное ожидание может привести к гибели.

Он разместил офицеров, солдат и сипаев в непри-

ступной крепости у Аурангабада, установил жесткую дисциплину, запретив посещать пиршества и веселье дома, ежедневно проводил военные ученья. Бюсси был небольшого роста, с миловидным и даже немного сладким лицом, отличался безукоризненными манерами и к тому же плохо держался на лошади. Но этот офицер как никто другой мог заставить подчиняться самых разных людей. Французские солдаты в Индии, видевшие смысл военной жизни в грабеже, вели себя при Бюсси более сдержанно. Французы и сипаи быстро снизили уважение у местного населения Аурангабада. Кто-то стал приходить в крепость с жалобами на произвол властей. Бюсси очень помогал его способности к языкам и талант актера. Владея несколькими индийскими языками и фарси, он объяснялся с мусульманскими вельможами и знатными индийцами без помощи переводчика. Подчиняясь всем утомительным восточным придворным церемониям, он так же свободно чувствовал себя в халате и чалме, как в мундире и парике. Подобные перевоплощения даже увлекали его. Если Дюплекс, облачаясь в платье наваба, действительно считал себя индийским владыкой и поэтому казался смешным, то Бюсси, никогда не принимая свои переодевания всерьез, выглядел со стороны подлинным восточным вельможей. Рассудительный и проницательный, он хладнокровно распутывал паутину изощренной лести и почти всегда угадывал мысли своих собеседников. Вскоре французскому офицеру стали известны все хитроуплетенные дворцовых интриг.

Низам все более ощущал свое унижение, и его враждебность к французам росла. Бюсси решил припугнуть трусливого государя, объявив ему о решении возвратиться на юг.

Над Салабатом вновь нависла угроза. Гази-уд-дин получил фирман на Деканское субадарство и стал готовиться к походу на Декан. Одновременно с запада Декану угрожал маратхский пешва Баладжи Рао. Сначала Бюсси попытался предотвратить наступление маратхов дипломатическим путем: он знал, что главным врагом пешвы являлась старая маратхская магарани Тара Баи. Властная и энергичная, она начала активную борьбу против пешвы после смерти магараджи Шаху (конец 1749 года). Новый маратхский магараджа, Рам Раджа II, находился всецело под ее влиянием. Тара Баи

обратилась за помощью к Рагходжи Бхонсле и некоторым другим враждебно настроенным к пешве маратхским феодалам. Видя, что пешва Баладжи Рао склонен поддерживать претензии Гази-уд-дина, Тара Баи решила заключить союз с Салабатом. Так создалось две коалиции.

Понимая, что Тара Баи может оказать лишь слабую поддержку, Бюсси решил не дожидаться, пока Гази-уд-дин объединится с маратхами, а выступить против них. В это время из Дели гонец привез Салабату фирман императора, на сей раз настоящий. По-видимому, хороший бакшиш чиновникам Могола не пропал даром — им ничего не стоило дать два фирмана на одну и ту же провинцию. В Аурангабаде состоялся военный парад, французы и сипаи под барабанный бой стройными рядами прошли по улицам города — зрелище было необычным. Всю ночь после этого по Аурангабаду бегали возбужденные дервиши и призывали идти в бой на маратхов. Многие сановники низама, связанные с пешвой, также ратовали за войну. Они надеялись на поражение нынешнего правителя Декана.

В начале ноября 1751 года 60-тысячная армия Салабата выступила из Аурангабада и медленно поползла на юго-запад, к Пуне — столице маратхов. Среди этой хаотической массы всадников и пехотинцев выделялись 400 французов и 5 тысяч сипаев, шедших в боевом строю.

Только через 20 дней армия встретила с маратхской конницей. Следуя своему обычаю, маратхи в бой не вступали, а быстрыми и короткими атаками тревожили наиболее слабые части армии. Бюсси попытался собрать боеспособные части армии в единый кулак, не обращая внимания на толпы слуг, торговцев, повозки и женщин. В отобранные войска были вкраплены французы и сипаи. Получив первый отпор, всадники пешвы временно прекратили свои атаки, однако через три дня их возобновили. Ружейные залпы и артиллерийский огонь обращали всадников в бегство, но не могли нанести им существенного ущерба, потому что быстрые низкие кони маратхов с легкостью «горных козлов», как отмечал Бюсси в письмах к Дюплексу, преодолевали любое препятствие в горах. Когда же горы кончились и войска пошли по ровному плато, у маратхов не стало особого преимущества перед французской кавалерией.

2 декабря конница маратхов внезапно появилась перед идущими войсками, Бюсси попытался дать сражение, но воины Салабата не двинулись с места. Бюсси с несколькими сотнями драгун при поддержке сипайских кавалеристов устремился навстречу тысячам маратхских всадников, последние, не принимая боя, в беспорядке повернули назад. В первый раз в этой кампании Бюсси изменила выдержка, он хотел в пылу боя преследовать неприятеля, но один из сипайских командиров предостерег французского офицера. Бюсси вернулся в лагерь Салабата. Низам и его придворные не скупились на поздравления. Однако никто не хотел преследовать отступавших маратхов.

В ночь с 3 на 4 декабря 1751 года наступило лунное затмение. Из лагеря суеверных маратхов слышался страшный грохот: они били в перевернутые котлы, как в барабаны. Этот шум, по преданию, должен был прогнать демона Раху, проглотившего луну. Такой благоприятный момент для атаки упускать было нельзя. Бюсси со своими войсками (к ним на этот раз присоединились несколько тысяч хайдарабадцев) напал на маратхский лагерь. В шуме маратхи даже не заметили подошедшего вплотную противника. После первого внезапного удара люди пешвы бежали, бросив обозы. Сам Баладжи Рао чуть не погиб в этой суматохе. Долго он, полуголый, метался среди своих бегущих воинов в надежде найти коня, наконец ему удалось разыскать собственных телохранителей и ускакать. Такого позорного разгрома маратхи не испытывали давно. Бюсси, возвратившись в лагерь субадара, получил много денег и драгоценностей; другие офицеры и сипайские военачальники также не остались без подарков.

Войска двигались к Пуне сравнительно быстро. Деканские вельможи надеялись захватить там большую добычу. Пешва решил дать еще один бой. Он собрал 12 тысяч отборных всадников и поджидал войска Салабата неподалеку от Пуны. Как только показались деканские отряды, маратхи атаковали их. Деканская кавалерия сразу же начала отступать. Бюсси построил свои войска в каре и привел в готовность артиллерию, но стрелять он не мог: между ним и неприятелем находились всадники Салабата. Маратхи продолжали теснить их. В конце концов Бюсси приказал дать несколько залпов. Когда дым рассеялся, поле боя опустело. Воины ни-

ама рассыпались в разные стороны, маратхи отступили в более организованном порядке. В этой битве пешва потерял две тысячи, а Салабат — тысячу человек.

Баладжи Рао запросил мира, он не рассчитывал на поддержку всех маратхских князей. Салабат также не хотел воевать. Хайдарабадская армия голодала, начались грабежи. Сеид Ласкер-хан действовал крайне подозрительно. Бюсси говорил, что рад хотя бы его нейтралитету. Во французском отряде появились признаки эпидемии. В январе 1752 года был заключен мир, по которому пешва возвратил Салабату все земли, принадлежавшие ранее Низам-ул-мулку, дал две тысячи маратхов в качестве воинов и, наконец, обещал заплатить 27 лакхов контрибуции. Этот мир еще больше возвысил Бюсси в глазах деканских вельмож.

Но герой войны отнюдь не чувствовал себя триумфатором, он отлично понимал всю легковесность договоров с маратхами, да и сам пешва не скрывал своего презрительного отношения к миру: он хотел лишь выиграть время и копил силы для будущих атак. И действительно, не прошло и нескольких дней, как Баладжи Рао возобновил военные действия. На этот раз он надеялся на внезапность своего нападения. Его лазутчики доносили, что армия низама ослаблена голодом и болезнями. Выбрав удобную позицию, пешва ударил с гор, но Бюсси сумел отбить нападение, артиллерийский огонь вновь заставил маратхов отступить, а солдаты Бюсси захватили выгодные позиции на высотах. В этой битве даже индийцы проявили себя лучше, чем раньше. Вероятно, французский офицер заставил преодолеть тот традиционный страх, который мусульманские и индусские феодалы испытывали перед маратхами со времен Шиваджи. Даже Сеид Ласкер-хан, чьи войска ни разу не вступали в битву на протяжении всей кампании, преследовал бегущих; правда, его подозревали в том, что он сразу же начал переговоры с пешвой. «Я не знаю, кто большие мошенники, — мавры или маратхи», — писал Кержен в Пондишери.

Дюплекс в своих письмах требовал захвата Пуны. Бюсси не считал этот шаг верным, ибо видел разницу между мусульманскими феодалами и маратхскими вождями. Несмотря на внутренние раздоры, маратхи в минуты крайней опасности должны были объединиться. Захват Пуны чужеземцами безусловно сплотил бы во-

круг пешвы многих сардаров. Затяжная война, навязанная маратхами, могла истощить силы французов.

Армия с победой возвращалась в Аурангабад, но Салабат Джанг не стал кумиром Декана. Сторонники Сеид Ласкер-хана и Шах Наваза называли низама покорным слугой неверных. Рамдас Пандит быстро распустил джагирдаров, боясь, что их скопление в Аурангабаде может вылиться в бунт. Он мечтал уничтожить своих могущественных противников во главе с Сеид Ласкер-ханом, которые также искали возможности расправиться с первым министром.

Дюплекс уже распрощался со своими грандиозными планами (завоевание Махараштры и Бенгалии), так как длительная осада Тричинополи требовала все новых сил. По его просьбе Бюсси заставил Салабата послать подкрепление в Карнатик. Несколько тысяч деканских воинов выступили на юг. Однако войско было подготовлено плохо, кормилось грабежом и двигалось крайне медленно.

Вскоре Бюсси установил, что Рамдас Пандит, первый министр Салабата, вел двойную игру — тайно переписывался с Мухаммадом Али, «навабом английской Ост-Индской компании». Поэтому-то Рамдас Пандит так плохо заботился о французской армии. 3 июня, когда Рамдас Пандит выходил из дворца Салабата, на него внезапно напала толпа придворных. Прошло несколько секунд, и изуродованный труп первого министра уже волокли по главной площади Аурангабада. Одновременно на улицы выбежали десятки, по-видимому заранее подготовленных, людей, призывавших расправиться с Салабатом и французами. Бюсси в очередной раз продемонстрировал свое хладнокровие, мгновенно подняв войска по тревоге. Отряды и французов и сипаев под барабанный бой прошли по улицам города, не обращая внимания на враждебные крики. Спокойствие наступило быстро.

Затем французский военачальник предложил Салабату пригласить зачинщика мятежа Сеид Ласкер-хана на должность первого министра. Тщетно низам упрямялся, перечисляя все враждебные деяния Сеид Ласкер-хана, совершенные только за последние месяцы. Бюсси был непреклонен, и Салабат не мог не подчиниться воле своего телохранителя. Вскоре новый диван приступил к делам. Толстый и медлительный, Сеид Ласкер-хан на

первый взгляд казался вялым и безразличным, но лицо его выражало волю, жестокость, властолюбие и хитрость. Бюсси великолепно знал эти качества нового министра и говорил о нем своим офицерам: «Лучше открытый враг, чем сомнительный друг». Низам ненавидел и боялся нового слугу. Он уже не доверял никому, и единственной гарантией своей жизни считал Бюсси. Теперь стоило французскому офицеру лишь намекнуть о своем уходе, как Салабат тут же выражал готовность подписать любую грамоту.

Над всей Индией нависла новая опасность — афганцы ворвались в Пенджаб и угрожали Дели. Ахмад-шах, ничтожный и безвольный, как все последние могольские императоры, прозябал в своем дворце среди вельмож, погрязших в интригах. Не последнюю роль в этих интригах играл Гази-уд-дин. Он мечтал стать великим вазиром падишаха и поэтому не спешил в Декан.

Дюплекс, внимательно следивший за событиями в Дели, загорелся новой идеей. Он предложил Бюсси объединиться с маратхами и идти спасать Дели, а затем подчинить себе императора, как ранее Салабата. Но проекты генерал-губернатора все время менялись. После капитуляции Ло у Тричинополи (12 июня 1752 года) возник следующий план: Бюсси должен вместе с маратхами напасть на Майсур.

К скороспелым предложениям правителя Пондишери Бюсси относился отрицательно. Он стремился в Карнатик, по-видимому понимая, что необходимо объединение сил. Узнав о смерти Чанда Сахиба, он сразу же от имени Салабата попытался вступить в переговоры с Мухаммадом Али, надеясь добиться хотя бы временного мира на юге. Но Дюплекс опять нарушил его планы; он потребовал для себя фирман на титул аркатского наваба. В связи с этим Бюсси впервые открыто возразил губернатору в письме от 13 июля 1752 года. «Провозглашение Вас навабом до той поры, пока Салабат окончательно не утвердится как правитель Декана, будет подобно незрелому плоду». Далее с легкой надежкой Бюсси писал: «Я предвижу, что Ваша слава и корона могут ускользнуть от Вас из-за преждевременного проекта, который разрушит все наши надежды и бросит нас в бездну унижения, откуда нация никогда не сможет подняться». Французский офицер понимал, что объявление генерал-губернатора навабом еще более восстано-

вит против него англичан и местных феодалов. Дюплекс, правда неохотно, первое время все же следовал совету своего подчиненного, но в Карнатик его не возвращал. Через полгода он все же стал навабом.

Тем временем положение в Декане вновь ухудшилось. Гази-уд-дин наконец собрал войско, нанял двух маратхских сардаров и двинулся на юг. На западе вновь зашевелился пешва Баладжи Рао, мечтавший посчитаться с низамом за свое прошлое поражение. Сеид Ласкерхан, ведя тайные переговоры с пешвой, постоянно призывал его к войне. Бюсси был осведомлен о действиях первого министра.

В конце августа 1752 года армия Гази-уд-дина вступила в пределы государства низама, не встретив никакого сопротивления на своем пути. Испуганный Салабат приказал на всякий случай заключить в крепость своих младших братьев и уехал из Аурангабада в Хайдарабад. Туда же отступил Бюсси со своим отрядом, надеясь объединиться там с небольшим подкреплением, которое он ожидал от Дюплекса (действительно, последний прислал ему 300 солдат, 50 топасов и 300 сипаев).

Гази-уд-дин вошел в Аурангабад, и Сеид Ласкерхан встретил его, старшего сына Низам-ул-мулка, как законного наследника. Все окрестные джагирдары съехались к своему повелителю. Казалось, время Салабата кончилось.

Дюплекс, как всегда, мгновенно изменив свои планы, предложил Бюсси вступить в переговоры с Гази-уд-дином и попытаться управлять им, как Салабатом, а последнему оставить южную часть Декана. Но Гази-уд-дин не был похож на Салабата. Набожный мусульманин не доверял иноземцам и надеялся изгнать французов. Он готовился идти на Хайдарабад. Бюсси, в свою очередь, убеждал Дюплекса в необходимости объединить все войска в Карнатике, победить там, а затем вновь бороться за Декан. Но Дюплекс заклинал его не покидать Хайдарабада, ибо после разгрома при Тричинополи отступление из Декана представлялось ему полным крахом. «Смелый — господин своей судьбы», — писал он из Пондишери, призывая Бюсси сражаться с Гази-уд-дином один на один. Даже симпатизирующий Дюплексу историк Мартино считает эту мысль химерой. Сипаи в армии Бюсси тогда не получали денег, многие солдаты болели. Французский офицер предпочел вступить в пе-

перегово́ры с Гази-уд-дином. Они окончились успешно. Повый низам оставил своему брату на юге Декана небольшое княжество, которое можно было использовать как плацдарм.

Однако Гази-уд-дин недолго царствовал в Декане: осенью 1752 года его отравили. В убийстве подозревали мать Низама Али: ведь она мечтала посадить на трон своего сына, заточенного Салабатом в крепость. Многие военачальники Гази-уд-дина, узнав о смерти своего господина, отправились в Хайдарабад и признали законным государем Салабата.

Дюплекс вновь воспрянул духом, тем более что в Пондишери появился некий Вальтон, который объявил Дюплексу, что может на вербовать на севере Индии войско до 150 тысяч человек и отправиться против маратхов. Этот человек некоторое время подвизался в одной из факторий, но затем дезертировал и добрался до Дели, где сумел сделаться императорским врачом. Во время похода Гази-уд-дина он появился в Хайдарабаде, а затем и в Пондишери. Ему удалось выпросить у Дюплекса определенную сумму. Но все же губернатор не вполне доверял Вальтону и отослал его в распоряжение Бюсси. Тот сразу разглядел в нем авантюриста и быстро с ним распростился.

Неудачи, которые в последнее время преследовали генерал-губернатора, вызывали у него все бóльшую неприязнь к местным жителям. «Восточные люди никогда не поступают сообразно с честью. Нет бóльших мошенников, чем восточные нации», — писал Дюплекс. «Индус и язычник — два слова, которые всегда влекут за собой мошенничество и обман. Эта раса неблагогородна». Губернатор требовал, чтобы Бюсси использовал жадность и коварство — эти «естественные», по его мнению, черты индийцев — в интересах Франции.

Из писем Бюсси следует, что он придерживался иных взглядов и был настроен против смут и войн. «Вы должны позаботиться о спокойствии в этих несчастных провинциях», — призывал резидент своего генерал-губернатора (имея в виду Декан и Карнатик). В то время как Дюплексу, никогда не выезжавшему из Пондишери, война представлялась лишь средством осуществления целей Компании, Бюсси, постоянно передвигаясь с войсками по стране, видел разоренную войной землю. Бюсси не разделял и ненависти Дюплекса к местному населению.

«Долголетнее мое пребывание в Индии и взаимоотношения с людьми этой страны позволили мне их узнать. Я не согласен, что на них совсем нельзя положиться. действительно, им свойственно коварство и двуличие, и они всегда стремятся обмануть тех, кто имеет с ними дело. Но я должен заметить определенные признаки честности и добропорядочности у маратхов, и я бы хотел иметь дело с ними чаще, чем с моголами. Но мне еще более не хотелось вмешиваться в дела местных жителей». Хладнокровие и рационализм Бюсси приносили французам в Индии больше успеха, чем торопливость и упрямство Дюплекса. В письмах и донесениях Бюсси сквозит равнодушие к захватническим планам Дюплекса. Напрасно искать в высказываниях и поступках Бюсси подлинный гуманизм. Французы должны, по его мнению, выступать не как правители завоеванных индийских княжеств, а как защитники прерогатив правящих династий и порядка. Не случайно Салабат Жанг наградил французского резидента титулами сайфу-уд-доула (меч государства) и умдат-ул-мулк (столп монархии).

Однако в Декане не наступало спокойствия. На западной границе не прекращались бои с маратхами. Схватки становились все более кровопролитными. Пешва собрал большое войско и решил идти на Хайдарабад. Приближалась война. Бюсси с небольшой охраной выехал навстречу повелителю маратхов. После переговоров, длившихся всю ночь, Баладжи Рао приказал своей коннице двигаться на запад.

С нарастающей тревогой Бюсси следил за положением в Карнатике; несколько раз он обращался с письмами к генерал-губернатору, прося разрешения вернуться на юг. Распыление сил становилось все более опасным. «Необходимо выйти из этого лабиринта», — писал французский резидент Дюплексу. Он не считал целесообразным свое дальнейшее пребывание в государстве низама, где, по его мнению, продолжительный мир и порядок невозможны. «Эти люди не имеют никакого понятия о благородных принципах европейской иерархии и субординации». Такая фраза хорошо отражает политические взгляды Бюсси, просвещенного консерватора, человека порядка, приверженца сохранения правящих династий.

Подобные письма пугали Дюплекса. Он не хотел от-

казываться от своих планов быстрого захвата всей Южной Индии, но в то же время держал самого способного командира вдали от основных военных действий. Сначала генерал-губернатор ограничивался увещеваниями, а затем отдал формальный приказ — оставаться в Декане... Дисциплинированный офицер подчинился. Дюплекс рассчитывал на то, что объединенные силы Салабата и маратхов с Бюсси во главе нанесут удар по Майсуру, привлекут силы англичан, и тогда его главный враг — Мухаммад Али останется в одиночестве.

По требованию генерал-губернатора Бюсси стал составлять военную коалицию и сразу столкнулся с трудностями. Пешва за участие в союзе потребовал 40 лакхов, воины Салабата настаивали на немедленной выплате денег, французские солдаты и особенно офицеры вспоминали о щедрых подарках Салабата и тоже роптали.

18 декабря 1752 года деканское войско вышло в поход на юг, но скоро в армии начался бунт. 23 декабря предводители деканских отрядов окружили шатер дивана, требуя уплатить деньги за службу. Сеид Ласкер-хан пытался их успокоить, обещая богатую добычу в Майсуре. Все же примирение не состоялось, страсти накалялись. Воины дали клятву, что не сдвинутся с места, пока им не заплатят. Наутро один из главных зачинщиков был найден убитым у своего шатра. Это событие взволновало весь лагерь. Одни деканские джагирдары стали собираться домой, другие призывали расправиться с Сеид Ласкер-ханом и заодно с низамом Салабатом. Последний бросился к Бюсси и вновь умолял спасти его. Собрав совет офицеров, командир спросил, каково их решение. Те ответили, что не покинут низама, однако в поход на Майсур не пойдут, «ибо это противоречит интересам нации». Так впервые резидент применил свой дипломатический талант против губернатора. Имея на руках приказ Дюплекса выступить против Майсура, Бюсси понимал, что идти туда одному рискованно (сипаи давно не получали плату и могли взбунтоваться в пути). Тогда он созвал совет офицеров, который и принял — не без влияния командира — единственно верное в этих условиях решение. В своем письме в Пондишери резидент опять настаивал на сосредоточении всех военных сил в Карнатике и предлагал оставить в Декане небольшой личный конвой Сала-

бата. Если же Дюплекс по-прежнему не желает возвращения войск на юг, писал Бюсси, пусть низам продаст право на аркатское навабство какому-либо деканскому принцу и обеспечит себе надежного союзника. Однако советами резидента пренебрегли. В это время Бюсси подстерегла жестокая болезнь — дизентерия, и офицеры решили направить его на юг. Войска остались без командира. Теперь, если бы маратхи ворвались в Декан, Салабат был бы обречен. Но этого не случилось. Пешва сдержал клятву, данную Бюсси во время последних переговоров.

Заместитель Бюсси Гупиль считался исполнительным офицером, но проявил себя слабым командиром. Солдаты и сипаи отказывались мириться с систематической невыплатой жалованья, которое задерживал Сеид Ласкер-хан. Дисциплина стала падать, более нетерпеливые сипаи начали дезертировать. Декан переживал тяжелые времена. Нашествия маратхов, войск Гази-уд-дина и походы по стране армии Салабата сопровождались насилиями и грабежами. К тому же наступила сильная засуха. Голод и болезни свирепствовали повсюду. Опасаясь массового дезертирства, Гупиль отвел войска в крепость Махур, однако совладать со своими людьми не смог. Солдаты, изможденные, усталые и озлобленные, отказывались слушаться офицеров. В крепости началось пьянство, картежные игры, драки, появились бродячие танцовщицы, многие офицеры завели себе наложниц. Военный лагерь превратился в табор.

Сеид Ласкер-хан внимательно следил за французами, он решил, что пришло время изгнать их из Декана. Хитрый деканский вельможа предложил Гупилю самому собирать поборы в пользу солдат и сипаев. Французский капитан согласился. Солдаты бродили по окрестным деревням, грабили и насильничали, вызывая ненависть населения. Затем Сеид Ласкер-хан склонил слабохарактерного Салабата подписать приказ о сокращении его французской охраны и разделении войск на несколько отрядов, и Гупиль выполнил его приказ, расчленив французские силы. Диван отправил секретное письмо мадрасскому губернатору Сандерсу с просьбой прислать английских солдат. Письмо было перехвачено. Дюплекс стал торопить Бюсси вернуться в Декан.

Придворная жизнь в Декане внешне шла спокойно. Французский офицер де Жантиль в своих мемуарах

описал торжественный выезд Салабат Джанга в Аурангабаде: «Тысяча воинов с мушкетами открывала шествие, за ними следовали слоны-знаменосцы, затем четыре сотни французских сипаев, опять слоны, на которых сидели придворные, вновь французские сипаи, телохранители, гарем. В центре шествия на великолепном слоне сжал сам субадар, номинальный повелитель Хайдарабада, Голконды и Биджапура. За ним двигалось еще двадцать слонов и караван верблюдов. Замыкал торжественный кортеж отряд конницы». Главными телохранителями Салабата были сипаи, которыми командовали французские офицеры. Их дома выходили прямо в сад дворца в Аурангабаде, и офицеры жили в роскоши. Субадар и свита часто встречались с ними и даже, как отмечал де Жантиль, с удовольствием слушали игру одного из них на скрипке. Французские офицеры на службе Компании, выходцы из бедных или обедневших семей, в Аурангабаде жили как восточные вельможи; придворные задаривали их драгоценностями, у каждого было не менее десятка слуг. Офицеры и солдаты, находившиеся в крепости у Хайдарабада под командованием Гупиля, завидовали своим более удачливым товарищам.

Дюплекс продолжал торопить деканского резидента, и Бюсси уехал из Масулипатама, где лечился, так и не побывав в Пондишери. В отношениях между Дюплексом и Бюсси было много странного. Известно, что французский офицер просил руки младшей падчерицы Дюплекса и получил отказ. Видимо, по каким-то причинам генерал-губернатор не хотел сблизиться со своим подчиненным, хотя Бюсси за свои заслуги получил чин полковника и высшую военную награду — крест святого Людовика. Прощальное письмо Бюсси управляющему факторией Масулипатама содержит горькие упреки по адресу Дюплекса, который не желал считаться с фактами и многое решал произвольно. Полковник вновь подчинился приказу губернатора и отправился на север.

Возвратившись в Хайдарабад, Бюсси быстро восстановил дисциплину, навел порядок в военной кассе, запретил под страхом смерти заниматься вымогательством во время сбора налогов. Здесь Бюсси узнал, что Сеид Маскер-хан убедил Салабата заточить своих младших братьев Низама Али и Басалата в одну из самых неприступных крепостей Доулатабад. Заключенных в эту крепость принцев обычно умерщвляли, добавляя в пищу

постепенно действующий яд. Бюсси пока что лишь принял к сведению этот маневр хитрого дивана, оставив за собой свободу действий.

10 июля 1753 года Бюсси направил Дюплексу «Инструктивный мемуар о политическом положении в Декане». Характерно, что он, ранее рвавшийся из Декана в Карнатик, теперь настаивал на обязательном пребывании французских сил в Хайдарабаде. Так как власть низама полностью находилась в руках Сеид Ласкер-хана, то в отсутствие французов Декан мог немедленно перейти в руки англичан, и тогда маратхи ворвались бы в Хайдарабад с запада. «Начнется смута и взаимное истребление, — докладывал Бюсси, — поскольку Родина и Нация, слова столь священные, ничего не стоят для мусульман по сравнению с их корыстными целями». Он предлагал также изменить систему оплаты войск. Зависимость от казны субадара была тягостна, ибо каждый раз приходилось силой вырывать жалованье, а медлительность расчетов и обманы всякого рода порождали различные трудности. Поэтому необходимо было иметь в своем распоряжении земли, все налоги с которых поступали бы на нужды армии. Чем объяснить такую резкую перемену взглядов Бюсси в отношении судьбы французов в Декане? Возможно, находясь в Масулипатаме, он понял, что Дюплекс ни в коем случае не отзовет его из Декана, и решил всерьез заняться судьбой французов в этой провинции.

В другом мемуаре от 6 сентября 1753 года Бюсси писал: «Среди офицеров на службе Компании многие могли бы выполнять свой долг, но мало кто хочет изучать ум и нравы страны, для того чтобы сообразовать по истечении определенного времени европейские идеи с местными обычаями, не причиняя им ущерба». Подобные взгляды резко отличали Бюсси от многих колониальных чиновников того времени.

В Хайдарабаде Бюсси ожидали тысяча французских солдат и шесть тысяч сипаев. Последние были разбиты на восемь полков. Все командиры, по-видимому, были мусульманами; наиболее крупными отрядами (1145 и 1434 человека) командовали капитаны Ибрагим-хан и Абд-ур-Рахман. Кроме того, из Франции прибыло подкрепление — 500 человек. Дюплекс, обрадованный решением полковника остаться в Декане, ни в чем ему не отказывал (он даже обязался не писать без согласия

Бюсси писем низаму и его чиновникам и разрешил резиденту назначить себе преемника).

Получив свободу действий, Бюсси создал план прочной защиты Декана с востока и с запада. На востоке простирались так называемые Северные Сиркары — восточное побережье бывшей Голконды. Эти земли по размерам мало уступали Карнатику; к югу от них находился Масулипатан, где имелась крупная французская фактория. Северные Сиркары должны были, по плану Бюсси, стать базой французских войск; на западе необходимо было укрепить старинный порт Сурат.

Пока Бюсси находился в Хайдарабаде, пришло известие, что два самых сильных маратхских полководца — пешва Баладжи Рао и престарелый Рагходжи Бхонсле — готовятся напасть на Декан. Бюсси немедленно приказал войскам готовиться к походу. Как только намерения французов стали известны маратхам, они прислали к Бюсси послов с предложением о мире. Бюсси направил строгое письмо Салабату (поскольку тот под влиянием Сеид Ласкер-хана заигрывал с англичанами), в котором недвусмысленно угрожал ему свержением с трона, если он предаст французов.

К этому времени в Хайдарабад пришли подкрепления, и Бюсси решил выступить в Аурангабад. Это был необычный для него поход, войска двигались медленно. Французский полковник и высшие офицеры ехали на слонах, к ним присоединился отряд местных феодалов. Въезд Бюсси в Аурангабад мог сравниться по пышности лишь с императорскими церемониями; его сопровождали 22 вельможи на слонах, огромная конная свита. Бюсси хотел доказать населению покоренной страны, что фактическим низамом является он сам, а не Салабат.

Пока отряды Бюсси направлялись к Аурангабаду, там началась тревога. Сеид Ласкер-хан, всегда уверенный в себе, потерял обычную выдержку. Он опасался, что его ждет неминуемое наказание за переписку с англичанами. Между тем Бюсси объявил новым диваном одного из деканских вельмож. Сеид Ласкер-хан тут же послал к этому человеку своих гонцов, умоляя о посредничестве. Бюсси милостиво согласился на примирение.

Сеид Ласкер-хан выехал навстречу. Он слез со своего слона и некоторое время униженно стоял у ног слона французского полковника. Наконец Бюсси спустился вниз, произошло торжественное примирение. Раздались

пушечные залпы... Знатные феодалы подходили приветствовать офицера. Наконец кавалькада двинулась ко дворцу Салабата. Все это происходило в очень жаркий даже для Индии день. «Никогда я так не уставал от собственного величия, но надо было сносить все эти неудобства», — писал Бюсси своим друзьям в Париж.

Между Салабатом и полковником состоялся краткий, но весьма полезный для французов разговор. На следующий день стало известно, что низам уступил французам Северные Сиркары.

Уже несколько лет французы медленно закреплялись на восточном побережье Индии¹, севернее Карнатика, охватывая Мадрас с севера и юга. В 1751 году они захватили остров Диви. Постепенно усилилась роль Масулипатама как французской фактории, директором которой с 1753 года стал способный администратор Леон Морасен. Когда же Бюсси присоединил три крупные провинции Северных Сиркаров, все побережье от реки Кришны до границы провинции Орисса оказалось в руках французов. Эти земли славились своими тканями. Северные Сиркары находились во владениях нескольких крупных заминдаров. Отношения здесь между отдельными феодалами, как и в большинстве районов Индии, оказались крайне запутанными. Хайдарабадский джигирдар Джафар Али враждовал с индусским крупным заминдаром раджей Визианагарама. Искусно раздувая междоусобную войну, Бюсси сумел еще до формального присоединения Северных Сиркаров стать фактическим господином этих территорий. Никогда прежде он не был столь могущественным.

Теперь Бюсси фактически не нуждался в помощи: у него имелся постоянный денежный резерв. Налогов с Северных Сиркаров вполне хватало не только для того, чтобы содержать армию, но и для того, чтобы помочь Дюплексу. Известно, что Бюсси дал генерал-губернатору 2 миллиона ливров. Дюплекс так и умер должником

¹ На протяжении 1751—1752 годов французы получили право собирать налоги с округов Северных Сиркаров: Кондаvidу, Нарасапатам и Низапатам, а в 1753 году к ним прибавились Эллор, Раджахмандри и Чикаколе.

Договор о Северных Сиркарах был первым субсидиарным договором. Англичане широко использовали практику подобных соглашений. Посредством субсидиарных договоров с различными индийскими феодалами они овладели рядом провинций Индии.

Бюсси. Конечно, Бюсси вел себя в завоеванных провинциях как диктатор, но слухи о баснословном богатстве «деканского наместника», распространяемые его недругами, были явно преувеличены.

По-видимому, Бюсси знал о недовольстве Компании деятельностью Дюплекса и побаивался, что «миротворцы» из Парижа прикажут французским войскам уйти из Декана. Французский полковник передал со своим другом Марионом де Мерсаном письмо в Версаль, в котором доказывал, что именно постепенное утверждение необходимо французам в Индии. Он писал: «Военная слава интересуется меня лишь постольку, поскольку она выгодна Компании. Интересы Компании неотделимы от государственных, и поэтому победа Компании возвеличивает нацию. Это заставляет меня быть одновременно человеком войны, кабинета и торговли. Французы должны быть в Индии защитниками, посредниками...» Далее он писал о себе: «Хотя я украшен всеми титулами и знаками отличия, которые император раздает знати своей империи, и являюсь командующим армии всего Декана, это меня мало трогает. Как бы я хотел прогуляться по Пале-Роялю или в Тюильри, или поужинать с двумя-тремя друзьями вместо пышных восточных церемоний; как меня утомляет тот скучный и чинный вельможа, роль которого я вынужден играть во имя интересов Компании».

Бюсси и был потому так удачлив во всех своих замыслах, что не ставил нереальных задач, а трезвый расчет всегда преобладал в нем над тщеславием. Проницательность никогда не покидала его. Он заставил Салабата подписать документ, по которому субадар связывал себя с французами во всех своих решениях. Отлично зная, как мало значит любой договор для низама и его окружения, французский резидент все же решил формально закрепить достигнутые победы, чтобы в любом случае иметь законную возможность вмешиваться в дела Декана. Затем Бюсси потребовал освобождения братьев Салабата из крепости. Оба они ненавидели Сеид Ласкер-хана, главного виновника их заточения. Последний почувствовал, что у него связаны руки, и решил отказаться от своей должности первого министра. По настоянию Бюсси он был назначен губернатором Берара и вынужден был выехать на границу с маратхами. Так как Ратходжи Бхонсле также претендовал на эту про-

винцию, Сеид Ласкер-хан оказался противником маратхов.

Когда маратхские сардары во главе с пешвой собрались в новый поход на юг и Карнатику угрожало очередное нашествие, Бюсси завязал активные переговоры с Баладжи Рао и вновь добился соглашения. Посольство пешвы прибыло в Аурангабад, причем посланец считался только с мнением Бюсси.

Несмотря на требование Бюсси, Низам Али и Басалат Жанг все еще находились в крепости. Киледар (комендант крепости) отказывался их выдать, невзирая на приказ низама, и требовал огромный выкуп. Так низко пал авторитет Салабата. Сын нового дивана Шах Наваз-хана с отрядом драгун и двумя тысячами сипаев подошел к стенам крепости. Киледар сначала стал готовиться к осаде, но, когда узнал, что войско прислал Бюсси, беспрекословно подчинился. По прибытии в Аурангабад оба брата торжественно объявили Бюсси своим освободителем. Бюсси был всемогущ, его все время осаждали мусульманские и индусские вельможи: одни выпрашивали милости, другие по восточному обычаю дарили драгоценности, чтобы заслужить расположение. Бюсси принимал все это как должное.

Однако Дюплекс не хотел, чтобы его резидент превратился в самостоятельного вице-короля завоеванных провинций на севере. Поэтому он постоянно посылал губернатору Масулипатама Марасену письма с требованием контролировать Бюсси. Последний, узнав об этом, более не скрывал своего раздражения и написал Дюплексу резкое письмо, в котором упрекал его в незнании местных условий, а также дал понять, что никогда не согласится лишь на роль начальника конвоя Салабата. Только почувствовав необычное раздражение всегда сдержанного офицера, Дюплекс начал сдаваться. Пошла переписка между Бюсси, Марасеном и Дюплексом, в Северных Сиркарах вновь началась смута.

Главным ее зачинщиком явился Сеид Ласкер-хан. Хитрый политик понимал, какую опасность представляли для самостоятельности всего Декана подчиненные французам Северные Сиркары. С его помощью ранее изгнанный из Северных Сиркаров Джафар Али собрал 30-тысячное войско и ворвался в провинцию. Бюсси послал три тысячи сипаев во главе с капитаном Ибрагим-ханом. Узнав о приближении этого отряда, наемники

Джафара Али разбежались. Сам он должен был искать пристанища у маратхов. Его главный противник раджа Визианагарамма стал законным джагирдаром Компании и находился под охраной солдат и сипаев. По первому требованию Бюсси он выделял деньги; в год из Северных Сиркаров получали 50 лакхов. Однако спокойствие продолжалось недолго. Джафар Али заключил союз с маратхским военачальником Джаноджи — сыном Рагходжи Бхонсле. В апреле 1753 года маратхи под предводительством Джаноджи появились в Северных Сиркарах; они были намного опаснее разноплеменных наемников Джафара Али. Напрасно Ибрагим-хан пытался навязать им сражение, воинственные пришельцы довольно ловко маневрировали по территории Сиркаров и за короткое время сумели нанести огромный урон этой земле. Только когда нависла угроза окружения, Джафар Али и его союзник покинули Сиркары. Бюсси мог в свое время перерезать им дорогу, но не хотел ссориться с маратхами, а также с многочисленными родственниками Джафара Али.

Тем временем Салабат Джанг под влиянием своего нового первого министра Шах Наваз-хана решил начать войну с пешвой, повторить поход Аурангзеба, захватить столицу маратхов Пуну. Шах Наваз, опытный царедворец, автор исторических хроник, как и его предшественники, вел сложную политическую игру и мечтал об изгнании французов. Длительная война с маратхами могла обескровить войско Бюсси и лишить Салабата поддержки. Однако французский военачальник понял тактику дивана и отказался воевать против Баладжи Рао.

Война требовала средств, а положение в Северных Сиркарах весной 1754 года было тяжелым. Раджа Визианагарамма, ссылаясь на полное разорение края, перестал платить. Все же воевать пришлось, но не против пешвы, а против Рагходжи Бхонсле, который считал себя берарским раджей. Ворвавшись в Берар, он стал опустошать эту провинцию. Теперь войскам Бюсси надо было выступать. Поскольку деньги из Северных Сиркаров не доставлялись, сипаи и солдаты получали урезанное жалованье и роптали; только личным авторитетом Бюсси поддерживалась дисциплина. Армия медленно двигалась к Нагпуру, к столице Рагходжи. Де Жантиль в своих записках отмечал: «Повсюду пожарища и кровь, целые деревни, обращенные в пепел, обгорелые трупы

людей и домашних животных. Никогда я не видел более страшного зрелища». Действительно, маратхи, отступая, сжигали деревни, но и французская армия наносила большой ущерб этой земле. Вскоре в войске Бюсси начался голод; единственное, что заставляло солдат и сипаев двигаться вперед, — это добыча, которую они мечтали захватить в Нагпуре.

Записки де Жантиля донесли до нас характер войны того времени. Артиллерийский огонь при штурме одной из крепостей вызвал пожар. Большая деревня, расположенная неподалеку, полностью сгорела. Когда солдаты и сипаи ворвались в крепость, женщины, дети и старики бросились им в ноги, протягивая золотые и серебряные украшения и жемчужины. Это не остановило солдат — 200 человек было убито. Даже Дюплекс упрекал Бюсси в жестокости.

Положение Рагходжи Бхонсле становилось все хуже, французы двигались к Нагпuru, легко отбивая отдельные атаки маратхской конницы. Старому воину-маратху, который уже несколько десятков лет наводил страх на всю Индию, пришлось униженно просить мира. Бюсси согласился, однако Рагходжи должен был отказаться от всех своих воинственных замыслов.

Мир устраивал французского резидента, но солдаты и сипаи надеялись поживиться в Нагпуре и не хотели возвращаться обратно. Жалованье им не платили уже несколько месяцев, началась открытая торговля оружием, массовое дезертирство. Впервые Бюсси столкнулся с открытым неповиновением. Ему пришлось отдать солдатам все имевшиеся у него с собой в походе драгоценности и деньги. «Моя армия, — говорил Бюсси, — похожа на голодного пса, который готов скорее растерзать своего хозяина, чем подчиниться ему».

Бюсси решил увести войско в Сиркары «на подножный корм», хотя провинции были разорены. Бывший союзник французов раджа Визианагама вел себя подозрительно и вскоре, объявив войну Компании, ушел со своей небольшой армией в джунгли; его люди встречались с английскими чиновниками из Мадраса. Бюсси не хотел изгнать раджу, надеясь использовать его в своих целях.

Наступил август 1754 года. Из Масулипатама примчался гонец и привез вести об отставке Дюплекса. Сначала Бюсси подумал, что ему придется последовать за

своим генерал-губернатором во Францию. Но Годе, полномочный комиссар Компании, поддержал французскую политику в Декане. Он только требовал избегать столкновений с англичанами.

Падение Дюплекса произвело огромное впечатление на индийских феодалов; стали поговаривать, что французский король боится англичан. Окружение Салабата почувствовало себя более независимым от Бюсси. Шах Наваз-хан предложил напасть на Майсур, который, будучи данником Хайдарабада, не платил уже несколько лет (смута в Декане позволила Майсуру не платить дань Низам-ул-мулку).

Чтобы поднять авторитет французов в Индии, Бюсси был вынужден идти на Майсур. Обстоятельства позволили обойтись без кровопролития. Пешва Баладжи Рао собрал 40 тысяч всадников и также готовился напасть на Майсур. Правитель Майсура обратился к Бюсси (как к единственному человеку, с которым считался пешва) с просьбой о посредничестве. Французский офицер сумел добиться выплаты дани 56 лакхов (почти вся казна Майсура была опустошена). Эти деньги были поделены между Деканом и маратхами. По возвращении из Майсура Салабат преподнес Бюсси оружие, украшенное бриллиантами, и много драгоценных камней, кое-что перепало и его офицерам.

Между тем в Карнатике напряжение не спадало, хотя в Пондишери на губернаторском кресле вместо деятельного и упрямого Дюплекса сидел инертный и нерешительный Дюваль де Лейри. Теперь возмутителями спокойствия стали англичане. Несмотря на то что Годе подписал соглашение о мире между компаниями, Сандерс и особенно сменивший его в 1755 году на посту губернатора Мадраса Пигот считали это соглашение простым клочком бумаги. Пигот сразу же по прибытии в Индию дал понять главному врагу французов Мухаммаду Али, что все его действия против Пондишери будут поддержаны англичанами. Ободренный наваб начал нападать на французские фактории, грабить купцов и даже угрожал основным базам Компании в Карнатике. Англичане все более смелели. Из Мадраса к Шах Наваз-хану постоянно приезжали переселенцы агенты.

Несмотря на почетный мир в Майсуре, авторитет французов стал падать. Открытое признание французской Компанией Мухаммада Али навабом Карнатика

расценивалось при дворе Салабата как признак слабости Франции. Шах Наваз-хан плел новую сеть интриг против Бюсси. Последний, сам великолепный актер и политикан, видимо, стал уставать от постоянного напряжения: «Я нахожусь среди предателей... Западня... тщательно замаскирована под оболочкой доброжелательства». Бюсси отлично понимал, что в создавшихся условиях покидать Декан было нельзя, ибо в противном случае французов здесь заменят англичане.

В это время Бюсси получил письмо от племянника Салабат Джанга, Имад-ул-мулка, великого вазира императора. Он предлагал французскому офицеру стать начальником охраны Великого Могола. Вступивший на престол в 1754 году император Аламгир II чувствовал себя крайне неуверенно, со всех сторон его окружали враги: с юго-запада — маратхи, с севера — афганцы, с юго-востока — повелитель Бенгалии и Ауда. Но самым страшным врагом для императора была собственная армия. Поэтому Великий Могол мечтал о таком телохранителе, как Бюсси.

Французский полковник серьезно подумывал о том, чтобы обосноваться в Дели и править от имени императора. Однако этим планам не суждено было свершиться. Повелитель маратхов пешва Баладжи Рао вновь начал угрожать Декану. Вражда между пешвой и Сеид Ласкер-ханом сменилась тайным военным союзом. Вернувшийся летом 1755 года в Мадрас Клайв также стал заигрывать с Баладжи Рао. У последнего же оказались связаны руки: маратхские феодалы выступили против него. Бюсси искусно использовал раздоры своих западных соседей. Вскоре положение пешвы стало настолько серьезным, что он был вынужден запросить помощи у французов. Бюсси не торопился оказывать помощь предводителю маратхов.

Между пешвой и маратхским князем Морари Рао началась борьба за Саванур, пограничное навабство в 200 милях к югу от Хайдарабада, никем не защищенное. Баладжи Рао и Морари Рао оспаривали право сбора дани с этого княжества; оно также считалось зависимым от Хайдарабада. Пешва двинулся к Савануру, против него с 20-тысячной армией выступил Морари Рао. Салабат по совету Шах Наваз-хана также приказал своему войску идти на Саванур. Огромная неповоротливая армия Салабата потянулась на юг (это происходило в са-

мом начале 1756 года). Шах Наваз-хан еще не решил, к кому присоединиться — к пешве или Морари Рао.

К этому времени армия маратхов была наиболее бое-способной силой в Индии, кроме афганцев, но и она в середине XVIII века намного уступала войску Шиваджи. Сам характер войн, которые постоянно вели маратхи, наложил отпечаток на их воинский порядок. Если в пе-риод национально-освободительной борьбы против за-хватнической политики Аурангзеба отряды Шиваджи отличались строгой дисциплиной и подвижностью, то спустя сто лет маратхи, ведя завоевательные войны, по-теряли былую маневренность. Каждый воин мечтал о добыче и потому помимо боевых коней брал в поход обозных лошадей, способных тащить тяжелый скарб, медлительных и прожорливых. В военном лагере марат-хов находились тысячи людей, которые обслуживали войско и не принимали участия в битвах. Отдельные военачальники постоянно враждовали между собой. Бес-конечные междоусобицы привели к тому, что под знаме-нами Салабата шло немало маратхских воинов, а в лаге-ре пешвы и Морари Рао находилось много мусульман-ских феодалов. Некоторые военачальники субадара от-крыто сочувствовали маратхам, патаны на службе у пешвы симпатизировали субадару. «Все эти бессмыслен-ные противоречия и мгновенные перемены могли возму-тить и удивить кого-либо в Европе, но здесь, в Азии, представляли совершенно нормальное явление», — отме-чал Бюсси.

Три армии остановились неподалеку друг от друга, никто не знал, как поступить. Морари Рао стремился на-травить пешву на субадара, Шах Наваз-хан вел себя загадочно.

Бюсси решил заключить союз с пешвой, как наиболее сильной стороной, а затем склонить к миру Морари Рао. 5 апреля 1756 года между пешвой и французским пол-ковником произошла первая встреча. Сначала пешва не давал никаких гарантий. Тогда Бюсси продемонстриро-вал свою силу. Он предъявил ультиматум Морари Рао с требованием прекратить сопротивление пешве. Когда тот отказался, французы произвели обстрел его лагеря. Два дня не умолкали пушки. Наконец из ставки Морари Рао приехал посол, который заверил французского командира в миролюбии своего господина. Пешва, Са-лабат и Морари Рао согласились не воевать друг с дру-

гом. Назрела новая опасность для французов. Пешва сблизился с Шах Наваз-ханом. Безвольный Салабат также все больше доверял пешве. По его совету он выделил своим младшим братьям большие территории в Декане и тем содействовал расчленению своего княжества. Организатором же этого раздела был Шах Наваз-хан. Бюсси вел себя, на первый взгляд, пассивно: он отошел в Северные Сиркары. По-видимому, он делал ставку на Дели, думая возобновить переписку с вазиром Великого Могола Имад-ул-мулком. Шах Наваз-хан расценил поведение Бюсси по-своему. Он задумал раз и навсегда покончить с присутствием французов в Хайдарабаде, написал англичанам, прося их о помощи, и получил от пешвы вспомогательный контингент маратхов.

Бюсси сообщил об этом в Пондишери. Совет предоставил ему свободу действий и обещал прислать подкрепление.

Французские войска выступили из Сиркар и направились к Хайдарабаду. Сначала все шло спокойно, окрестные жители не выказывали открытой вражды. Спустя неделю смешанный отряд маратхов и деканских всадников начал все чаще тревожить франко-сипайские войска. Почти у самого Хайдарабада несколько десятков маратхских всадников напали на передовой отряд французских кавалеристов. Неожиданное нападение смутило французов, и они позорно бежали. Это событие вызвало в лагере Бюсси большое замешательство, за одну ночь сотни сипаев дезертировали.

Шах Наваз-хан торжествовал, он написал письмо Мухаммаду Али, и аркатский наваб прислал отряд отборных воинов. Но Бюсси в трудные минуты обретал удивительное хладнокровие. Он выбрал выгодную позицию для своих войск под Хайдарабадом: укрепленное место Чахар Махал, господствовавшее тогда над всей территорией. Шах Наваз-хан приказал многочисленным деканским войскам и присоединившимся к ним маратхам осадить Чахар Махал. В конце июля на помощь осаждавшим подошел бывший командир французских сипаев Абд-ур-Рахман; восемь лет назад он сражался в Пондишери, защищая город от англичан. Теперь он превратился в настоящего кондотьера, продававшего свои услуги разным правителям. Абд-ур-Рахман обладал большим военным опытом и многому научился у французов. Появление Абд-ур-Рахмана напугало сипаев.

ночью они небольшими группами стали покидать лагерь, иногда к ним присоединялись и солдаты. Войско Бюсси гаяло... Чтобы прекратить дезертирство, французский офицер приказал усилить охрану лагеря. Он понимал, что в создавшемся положении необходима успешная военная операция, и стал готовиться к вылазке. Кольцо вокруг Чахар Махала медленно сжималось.

30 июля Бюсси начал атаку, бой продолжался более восьми часов. Французы, перестраиваясь на ходу, были почти неуязвимы для маратхов и хайдарабадцев. Бюсси искал случая встретиться с сипаями Абд-ур-Рахмана, но последний не принимал боя. Только когда окончательно стемнело, французы ушли в свой лагерь. На поле боя осталось около 500 убитых хайдарабадцев и маратхов, французы потеряли лишь шесть человек. Удачная вылазка Бюсси охладила пыл Шах Наваз-хана, многие воины стали покидать его. Теперь о штурме Чахар Махала никто и не думал.

На помощь французам, осажденным в Декане, по приказу из Пондишери шел отряд во главе с капитаном Ло — тем самым Ло, который в 1752 году бесславно капитулировал в Тричинополи. Шах Наваз-хан выслал на встречу ему отряд, составленный из беглых сипаев, во главе с влиятельным командиром Махмуд-ханом. Наиболее расторопным из них удалось встретиться с сипаями Ло и многих склонить на свою сторону. Когда же Махмуд-хан попытался заставить дезертировавших напасть на отряд Ло, ничего не получилось, и они обратились в бегство. Ло продолжал двигаться к Хайдарабаду.

Бюсси не терял времени даром, его люди сумели нейтрализовать многих маратхских военачальников, но некоторые маратхские отряды шли по пятам французских войск. Шах Наваз-хан стремился заманить подкрепление в ловушку. Наиболее удобным местом нападения на французов было ущелье Малкапур.

Узкая дорога вилась среди гор, покрытых густым лесом, и была завалена стволами деревьев. Маратхские всадники на маленьких быстрых лошадках внезапно появлялись из-за деревьев и так же внезапно исчезали. Французские войска двигались вперед, проходя в день не более трех миль. Атаки маратхов стали особенно ожесточенными при выходе войск Ло из ущелья. Некоторые всадники бросались прямо на пушки, но французы сумели отогнать смельчаков. Выведя войска из ущелья, Ло

остановился, развернул артиллерию и встретил неприятеля ураганным огнем. Маратхи, не ожидавшие такого густого обстрела, смешались, затем бросились к реке, стремясь не дать французам форсировать ее. Река была небольшая, берега оказались размывы дождем, и пушки вязли в грязи. Ло приказал пехоте идти вперед; под прикрытием артиллерии солдаты и сипаи беспрепятственно переправились на другой берег.

16 августа 400 солдат и 1000 сипаев Ло появились у Хайдарабада. Небольшое подкрепление до того испугало Салабата и Шах Наваз-хана, что они немедленно запросили мира. Бюсси согласился и единственное, чего он потребовал, — это удаления бывших сипайских командиров из армии Салабата.

Оставив небольшой отряд в Хайдарабаде, Бюсси отступил со своей армией в Северные Сиркары. Здесь обстановка была нелегкой. В его отсутствие в Сиркарах распоряжался чиновник Компании — вымогатель Ла Селль. Его пример оказался заразителен, и из Пондишери понаехало много чиновников. Пользуясь мягкостью тогдашнего генерал-губернатора Лейри, они добивались самых различных, иногда фантастических, должностей в этом отдаленном от Пондишери богатом районе и в короткий срок становились состоятельными людьми. Деньги, необходимые для содержания армии, оседали в их карманах.

Как только Бюсси узнал о положении в Северных Сиркарах, он немедленно потребовал удаления Ла Селля и его окружения. Тот сразу ответил серией доносов на Бюсси. Началась борьба. В конце концов Ла Селль был отозван и на его место поставлен честный, но туповатый Дюплан де Лаваль; ему-то и предстояло найти выход из трудного положения. Касса была пуста, а сипаи, которым уже два месяца не платили, требовали денег. Среди них появились агенты Шах Наваз-хана, подстрекавшие сипаев к бунту. Несколько десятков вооруженных наемников ворвались в дом Дюплана и потребовали денег, хотя в кассе не было ни рупии. Он отдал свои наличные деньги. Это только еще более возбудило сипаев. Они разоружили небольшой французский конвой, захватили ключи от арсенала и от форта. В отсутствие Бюсси Ибрагим-хан, которому был поручен контроль над одной из провинций, начал присваивать все налоги; зато бывший враг Компании владелец Ви-

манагарама перешел на сторону французов. При появлении Бюсси в Северных Сиркарах Ибрагим-хан стал присылать деньги, сипаи тут же успокоились. Дюплана отправили в Пондишери и на его место назначили другого чиновника.

В 1756 году в Европе между Англией и Францией началась война, вошедшая в историю под названием Семилетней. В Индию вести о войне пришли лишь в начале 1757 года. Французский губернатор Лейри не был готов к войне. Средств на содержание армии не хватало. После отъезда Дюплекса взяточничество и растраты, которые случались и раньше, усилились. Лейри, послушный директивам Годе и письмам директоров Компании, стремился достигнуть соглашения о нейтралитете. В Мадрасе и других английских колониях большинство чиновников и купцов стояло за войну. Клайв, находившийся в Бенгалии в качестве главнокомандующего английскими войсками, требовал решительных действий.

О войнах Клайва в Бенгалии написаны десятки книг. Он долгий период оставался хрестоматийным героем английской и американской историко-приключенческой литературы. Однако в настоящее время о нем стали писать более сдержанно под влиянием общественного мнения Индии, для народа которой имя Клайва звучит зловеще.

Прибывший в Индию Клайв вынашивал далеко идущие планы. Как только пришло известие о войне с Францией, он начал готовиться к походу на Шандернагор. Несмотря на то что в Бенгалии малочисленные французские фактории уступали во многом английским, Шандернагор оставался богатым и красивым городом. Современники говорили, что Шандернагор производил большое впечатление, особенно после скученной и грязной Калькутты. 8 марта 1757 года Клайв написал губернатору Шандернагора Рено письмо, в котором заявлял: «Я торжественно утверждаю, что в настоящее время не собираюсь выступать против вашего города», а 14 марта он послал губернатору ультиматум о сдаче Шандернагора. Рено ответил отказом и попытался преградить эскадре адмирала Уотсона путь вверх по реке Хугли (Шандернагор расположен севернее Калькутты на реке Хугли), затопив в узких местах реки старые корабли и лодки. Но под прикрытием артиллерии Клайва корабли Уотсона подошли к Шандернагору и начали об-

стрел. После ожесточенного трехдневного боя город сдался. Несколько дней здесь продолжались грабежи.

Падение Шандернагора нанесло большой урон французской колонии и сократило доходы колониальной администрации. Когда Клайв путем коварных и смелых маневров разгромил многотысячную армию бенгальского наваба при Плесси и стал хозяином богатейшей провинции Индии — Бенгалии (23 июня 1757 года, день битвы при Плесси, многими авторами объявляется днем рождения Британской империи), в Южной Индии было относительно спокойно. Французские войска пассивно стояли в Северных Сиркарах и Пондишери. Губернатор Лейри со свойственной ему робостью и нерешительностью предпочитал воздерживаться от каких-либо активных выступлений, а командующий французскими силами в Декане не выходил из рамок предписаний. Выгодная ситуация не была использована, хотя Бомбей и Мадрас во время действий Клайва и армии, присланной из Мадраса в Бенгалию, оставались незащищенными. Французы не поддержали бенгальского наваба Сирадж-уд-дина против англичан. Бюсси понимал необходимость активной борьбы против английской Ост-Индской компании, но не настаивал на решительных мерах. Великолепный администратор, дипломат и военачальник, в конечном счете первый создатель французской колониальной империи в Индии, как это ни парадоксально, был лишен воинственного азарта, свойственного таким колонизаторам, как Дюплекс и Клайв.

Узнав про захват Клайвом Шандернагора, Бюсси осадил крупный английский колониальный центр Визагапатнам и без единого выстрела овладел им, отпустив всех офицеров гарнизона под честное слово. Но это была единственная победа Бюсси над англичанами на протяжении Семилетней войны.

Из Парижа пришло известие, что королевское правительство собирает большой флот и войско для действий против англичан в Индии. Командующим французскими войсками король назначил графа Лалли-Толландаля. Пока французские войска собирались в путь, Клайв стал хозяином Бенгалии. Все внимание Бюсси было приковано к Декану. Здесь по-прежнему было неспокойно.

В неприступной крепости Доулатабад умер губернатор Берара, бывший диван Сеид Ласкер-хан. Шах Наваз-хан оказался единственным крупным феодалом в

Декане, не имевшим, на первый взгляд, соперников. Честолюбивый министр низама мечтал стать владыкой Декана и вновь задумал избавиться от французской опеки. В Доулатабаде хранились несметные сокровища Сеид Ласкер-хана (поговаривали о многих миллионах рупий). Шах Наваз-хан обманом захватил крепость и присвоил себе сокровища. Обладая самым укрепленным пунктом в Хайдарабаде, он более не скрывал своих притязаний. Он открыто натравил Низама Али на Салабата, стремясь вызвать междоусобную войну. Одновременно по его тайной просьбе в Декан вошел большой отряд маратхов под командованием самого пешвы. Однако в этот момент произошло событие, спутавшее все карты Шах Наваз-хана. В Аурангабаде находилось более тысячи сипаев, которым по приказу Шах Наваз-хана перестали платить. Диван был уверен, что сипаи просто дезертируют. Но они взбунтовались. Окружив дворец, наемники потребовали казни Шах Наваз-хана. Испуганный правитель Декана Салабат не знал, что делать, и наконец назначил диваном своего младшего брата Басалата. В суматохе Шах Наваз-хану удалось бежать из дворца в Доулатабад.

Хитрый политик сказался больным и стал посылать Салабату жалобные письма, умоляя посетить его в крепости. Салабат, легко поддававшийся любому влиянию, направился было к нему с небольшой свитой, но по просьбе Бюсси офицеры охраны буквально в последнее мгновение отговорили Салабата ехать в западню. Смута в стране продолжалась.

Находясь в Доулатабаде, Шах Наваз-хан поддерживал тесные связи с Низамом Али. По совету Шах Наваза Низам Али склонил безвольного Салабата к войне с маратхами и получил право собирать войска. Вскоре отряды деканских воинов двинулись на запад. Командовавший ими Низам Али не предполагал всерьез восстать, скорее, он искал выгодного для себя соглашения с пешвой. Баладжи Рао за 25 лакхов ежегодно и некоторые территориальные уступки обещал признать Низама Али властителем Декана. Судьба Салабата была как будто решена, но в Аурангабаде внезапно появился Бюсси с большим отрядом солдат и сипаев. Присутствие французского резидента немедленно успокоило всех. Бюсси встретился с пешвой, который сразу отказался от всех своих притязаний и ушел из Декана; все джагирдары

потянулись в Аурангабад приносить присягу Салабату. Бюсси назначил нового дивана Хайдар Джанга, личная преданность которого французам была хорошо известна.

Шах Наваз-хан не смирился, он продолжал поддерживать связь с Низамом Али и Басалатом. Пока крепость Доулатабад была в его руках, Бюсси не мог чувствовать себя полновластным хозяином Декана. Французский резидент стал действовать решительно. С отрядом из 300 всадников он подошел к стенам Доулатабада; войско расположилось на холмистой равнине, на которой, как гигантский кусок сахара, возвышалась белостенная крепость, окруженная глубоким рвом. Полковник попросил Шах Наваз-хана разрешения подняться в крепость и осмотреть ее. Владелец Доулатабада пригласил Бюсси. В сопровождении сорока отборных людей тот прошел по подъемному мосту в ворота. Когда французы вошли в главный зал, там были только слуги. Мгновенно офицеры и солдаты заняли все выходы. Бюсси подошел к хозяину и объявил, что отказывается принять участие в торжественной трапезе, ибо должен арестовать самого Шах Наваз-хана. Многоопытный политик, хранивший в своей памяти сотни изощренных обманов прошлого, Шах Наваз-хан остолбенел от прямолинейной хитрости француза. Бюсси лично обезоружил старого вельможу. Узнав об аресте своего господина, гарнизон Доулатабада сдался почти без сопротивления. Так сообщают французские источники. В биографии Шах Наваз-хана его сын Абдул Хави приводит другую версию ареста. Шах Наваз-хан был арестован Хайдар Джангом при посещении Салабатом и другими деканскими вельможами гробницы Низам-ул-мулка 5 апреля 1758 года.

Взятие Доулатабада встревожило Низама Али — главного претендента на трон Декана. Не посмев выступить против Бюсси, которому, кстати, он был обязан жизнью, Низам Али мечтал расправиться с новым диваном Хайдар Джангом. Низам Али согласился на титул губернатора Хайдарабада, предложенный ему новым диваном, и когда диван нанес ему по церемонии прощальный визит, встретил гостя любезно, но, как только Хайдар Джанг собрался уходить, двое слуг внезапно набросились на него и закололи кинжалами.

Бюсси впервые вышел из себя. Он приказал немед-

менно пристрелить во дворе крепости главного заговорщика Шах Наваз-хана (Абдул Хави рассказывает, что Шах Наваза заколол слуга Бюсси). Низам Али в страхе ускакал из Доулатабада, его почти никто не сопровождал. Бюсси и Салабат с огромной свитой, состоявшей почти из всех феодалов Декана, направились в Хайдарабад. Теперь Бюсси был абсолютным господином Декана: во всех главных крепостях стояли его гарнизоны. Именно тогда французский резидент получил приказ главнокомандующего военными силами в Индии генерала Лалли-Толландаля немедленно оставить Декан и явиться со всеми войсками в Пондишери.

После ухода французов из Декана Салабат Джанг правил недолго. Низам Али быстро захватил власть в стране, в 1762 году он приказал бросить Салабата в крепость, где последний через год умер. Придворный поэт Мир Мухаммад Дака смог лишь так сказать о неадачливом субадаре Декана в своем надгробном четверостишье:

Благородная душа правителя Декана
Вырвалась на свободу из сетей несчастья.
Пока Дака пишет о дне его кончины,
Салабат Джанг уходит к небесам.

ЛАЛЛИ-ТОЛЛАНДАЛЬ.
ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ

Судьба человека, с именем которого связано полное поражение французов в Индии, интересовала многих — от Вольтера до современных романистов. Томас Артур Лалли-Толландаль родился 13 января 1702 года. Его отец, ирландский граф, был ревностным католиком, сторонником последнего английского короля из династии Стюартов Иакова II. Вместе со свергнутым королем Лалли-Толландаль-старший нашел прибежище во Франции. Он поступил на военную службу к Людовику XIV, женился на француженке, но своего сына воспитал в якобитских традициях.

Ненависть к новой династии в Англии и английским протестантам во многом определяла поступки юного Лалли. С детства приученный отцом к солдатской жизни, он не представлял себе другого поприща, кроме военного. В первых же кампаниях, в которых ему пришлось участвовать, Лалли проявил редкую храбрость. Вся его деятельность в годы военного затишья была посвящена заговорам против ненавистной ганноверской династии. В 1738 году Лалли — капитан королевских гренадеров — просит аудиенции у первого министра кардинала Флери. Он разворачивает перед престарелым опытным политиком фантастический план франко-русского десанта в Англию, беря на себя смелость отправиться в Россию и уговорить всемогущего временщика Бирона в необходимости свержения короля Георга. Флери сразу понял всю химеричность проектов Лалли, но хитрый царский дворец не желал ссориться с человеком, у которого были связи при дворе... и согласился.

Лалли не получил при отъезде в Россию ни официальных полномочий, ни даже рекомендательных писем

Не удивительно, что в Риге его арестовали как подозрительного иностранца. Выйдя на свободу лишь через два месяца, Лалли все же добрался до Петербурга и встретился с Бироном. Но недоверчивый фаворит Анны Иоанновны решил выяснить, насколько серьезна миссия этого француза. Версаль хранил молчание. Над Лалли возникла угроза тайной канцелярии Бирона. Как ни храбр был капитан гренадеров, слухи о жестокости временщика напугали его. Лалли считал необходимым как можно скорее бежать из России. «Я прибыл в Россию, как лев, и был счастлив убраться оттуда, как лиса», — говорил он своим друзьям, возвратившись во Францию. С тех пор граф Лалли возненавидел дипломатов и не скрывал своего отвращения к дипломатии как таковой.

Вскоре началась война за австрийское наследство. Лалли принимал участие во всех крупных сражениях, но особенно отличился в битве при Фонтенуа. В самый безнадежный момент, когда силы французов были на исходе, он повел свой полк в штыковую атаку и обратил в бегство отборную часть англичан. После битвы при Фонтенуа Лалли — всеми признанный герой. Король дал ему звание бригадира. Но одновременно ему сопутствовала репутация человека крайне честолюбивого и неприятного.

Наступили дни, когда казалось, что главная цель жизни Лалли близка к осуществлению. Внук короля Накова II Стюарта Чарльз Эдуард получил поддержку Версаля и высадился в Шотландии. Среди его главных военачальников, конечно, Лалли. Однако «ирландец» (прозвище, закрепившееся за Лалли) недоволен, он понимал, что разношерстная толпа авантюристов и ландскнехтов, составлявшая войска претендента на английский престол, не сможет противостоять регулярной армии. Напрасно Лалли ждал десанта из Франции. 10 тысяч солдат под командованием маршала Ришелье так и не покинули континента. «Ирландец» начал лихорадочно искать солдат для претендента на престол. Он отправился в Испанию, где его встретило полное равнодушие. Из Испании он тайком прибыл в Лондон в надежде, что, может быть, в столице Англии найдутся верные слуги Стюартов. Полиция нашла на след якобин, за его голову была объявлена награда. Лалли, почувствовав себя в западне, переделался простым матросом, проник на судно контрабандистов и благополучно

высадился в Булони. Здесь его ждала весть о полном разгроме принца Чарльза Эдуарда.

Лалли не успокоился, его ненависть к Англии росла. Наступил мир, в колониях же война с англичанами продолжалась. «Ирландец» следил за событиями в Канаде и Индии, завел знакомства среди чиновников Компании обеих Индий. Когда началась Семилетняя война и пришли первые известия о действиях Клайва в Бенгалии, Машо собрал Совет директоров, и Годе предложил кандидатуру Лалли на пост командующего французской армией в Индии с чрезвычайными полномочиями. Поистине все решения директора Годе становились для Компании роковыми! Человек, отославший из Индии Дюплекса, выдвинул командиром Лалли. Двор согласился с решением Компании и дал Лалли чин генерала. Все были уверены, что храбрый генерал одним ударом разгромит англичан. То, что он не имел представления об Индии, почти никого не беспокоило. Только граф Аржансон, брат военного министра, высказал свои сомнения по поводу способностей Лалли как командира французского экспедиционного корпуса.

В распоряжение Лалли были даны три отборных полка французской армии — Лотарингский, Ирландский и Беррийский. Многие представители высшей аристократии, увлеченные экзотической экспедицией, предложили свои услуги. 2 мая 1757 года флот, нагруженный солдатами, снарядами и припасами, отплыл из Бреста в Индию.

Неприятности начались сразу. Командующий флотом адмирал д'Аше оказался на редкость осторожным и медлительным человеком. Он боялся всего — английских кораблей, пиратов и даже... ветра. Путешествие из Бреста до Пондишери продолжалось целый год. За это время от болезней умерло более 300 солдат. 28 апреля 1758 года эскадра появилась у Куддалура, а через час флагманский корабль, на котором находился Лалли, подошел к Пондишери. С берега раздался торжественный пушечный салют. Он и вызвал первое раздражение Лалли, ибо несколько снарядов попали в корабль и повредили мачту.

Выйдя на берег из шлюпки, генерал отказался от каких-либо церемоний и процедил сквозь зубы генерал-губернатору Лейри, что у него нет времени для долгих бесполезных разговоров. Сегодня же он со своими людьми

ми двинется на форт св. Давида, главное военное укрепление англичан к югу от Пондишери. Чем основательнее Лалли знакомился с делами, тем труднее ему было сдерживать свой гнев. Генерал-губернатор, человек бесцветный, неэнергичный, совершенно не подготовился к приезду армии. Не было должного количества снарядов и амуниции для солдат. Казна Пондишери оказалась пуста.

Но это не остановило Лалли. Он объявил, что военная экспедиция начнется немедленно; войска, сошедшие с кораблей, не получили ни часу отдыха. По приказу Лалли первых попавшихся индийцев силой заставляли быть носильщиками. Члены Совета Пондишери предлагали генералу немного подождать и найти настоящих кули, но он отказался. «Я мог бы впрячь в повозки и самих членов Совета, если бы счел необходимым», — ответил командующий, с ненавистью глядя на растерянных чиновников, или купцов, как он их называл. Хотя Лалли пробыл в Пондишери менее суток, он уже имел твердое мнение относительно Лейри и его сотрудников: все французские чиновники — изменники и казнокрады.

В 9 часов вечера того же 28 апреля армия Лалли двинулась на Куддалур. Солдаты страдали от голода и духоты, почти все носильщики сбежали. Все же к утру утомленные и озлобленные люди добрались до Куддалура. Здесь французов ждала новая неудача: появилась английская эскадра, и французский флот вынужден был принять бой. Первое морское сражение не принесло победы ни той, ни другой стороне; однако французы понесли более значительный урон.

Тем временем начался штурм Куддалура. Город был плохо защищен, и французы почти без боя заняли его. Труднее оказалось овладеть военным фортом св. Давида. Французский генерал располагал лишь 6 мортирами и 22 пушками, а у англичан на земляном валу находилось 196 орудий разного калибра. Кроме того, из Пондишери не прислали ни снарядов, ни фашии¹, ни лестниц. Вместо этого пришло письмо от Лейри, в котором говорилось, что край разорен 15-летней войной и средств на военные припасы нет.

Лалли стал действовать сам. На первых порах его

¹ Связанные пучки хвороста и прутьев, употребляемые для укрепления насыпей, прокладки дорог по болотам и т. д.

безудержное упрямство давало плоды. Для пополнения продовольственных запасов он реквизировал даже священных коров; солдаты сгоняли индийцев и, не разбирая, кто они — брахманы или парии, заставляли перетаскивать орудия. Жители окрестных деревень разбежались, и Лалли устроил настоящую охоту за ними.

Наконец через 11 дней генерал смог начать штурм форта. Он сам повел Лотарингский полк. Четырьмя укреплениями овладели сразу, но форт св. Давида оказался неприступным. Начали рыть траншеи, почти вся армия была брошена на это. Командовавший земляными работами инженер Дюр проявил полное незнание дела, так что Лалли пришлось самому возглавить эту работу. Дни проходили, а главный форт св. Давида оставался в руках англичан.

Взбунтовались моряки; требуя денег, они самовольно покинули позиции и вернулись в Пондишери. Адмирал д'Аше объявил, что не имеет возможности оставаться в Пондишери и его флот уйдет к острову Иль-де-Франс. Лалли прибыл в Пондишери и заплатил матросам 60 тысяч ливров. Наконец эскадра вышла в море. При ее поддержке Лалли предпринял последний штурм и 1 июня добился победы. Теперь остальные опорные пункты англичан на побережье сдавались без боя, а «ирландец» готовился стать господином всего Карнатика.

Еще осаждая Куддалур, Лалли написал французскому резиденту в Декане Бюсси письмо, в котором приказывал ему немедленно прибыть со всеми войсками. Этот приказ перечеркивал все достижения французов в Декане. Большого подарка от Лалли англичане ждать не могли. Бюсси был расстроен решением командующего, но подчинился. Одной из его главных черт являлась сдержанность; он редко позволял себе роптать на судьбу. Однако в письмах к влиятельным лицам в Париже (а переписка велась постоянно) проскальзывали мрачные и иронические фразы, характеризующие его настроение в этот период. «Тишина окружает все мои действия. Я всегда принимал все дары моей родины, какими бы они ни были». Когда началась Семилетняя война, в Париже и в Пондишери многие выражали уверенность, что главным военачальником в Индии станет Бюсси. Как всегда, не разум, а интрига вершила политику при Людовике XV. Родовитый аристократ мар-

киз Конфлан, служивший офицером в Компании при Дюплексе, по мнению двора, являлся главным авторитетом по Индии. Говорили, что сестра Конфлана — любовница Лалли. Она-то и просила брата выдвинуть «ирландца». Эти слухи, конечно, доходили до Бюсси и не могли вызвать у него симпатии к новому командующему.

Между тем Лалли испытывал серьезные трудности. Адмирал д'Аше отказался от каких-либо решительных действий, а из Пондишери от губернатора пришло письмо о том, что средств для снабжения армии осталось на 15 дней.

Лалли заметался в гневе, не зная, что предпринять. Но был человек, на которого генерал мог опереться, — иезуит отец Лавор. Фанатичный католик, Лалли всегда с благоговением относился к священникам, особенно к иезуитам. Вскоре общество отца Лавора стало для него необходимым. Вкрадчивый монах успокаивающе влиял на своего воинственного друга и давал ему весьма ценные советы. И на этот раз отец Лавор был готов его «выручить». Иезуит напомнил о старом долге танджурского раджи Компании, вернее, Чанда Сахибу. Этот долг составлял 5600 тысяч рупий, но раджа Танджура давно уже забыл о своем обещании. Для Лалли все индийцы были «ничтожными неграми», «полулюдьми», он не представлял себе, что они могут препятствовать его воле.

Воспользовавшись сведениями о долге как поводом, командующий приказал войскам идти на Танджур. Он был уверен, что, взяв контрибуцию с Танджура, поправит свои дела и поведет армию на до сих пор неприступную крепость Тричинополи. Но генерал забыл о солдатах. За исключением Лотарингского полка, сохранившего кое-какую видимость военного подразделения, вся остальная армия превратилась в одичалые толпы. На дорогах оставались трупы французских солдат в синих мундирах. Дикие грабежи и бессмысленные опустошения селений между Куддалуром и Танджуром превзошли все, что видела эта терпеливая земля. Попадавшиеся на пути индийские храмы разрушались. Когда несколько брахманов пришли к Лалли жаловаться на бесчинства его армии, тот приказал привязать их к жерлам пушек и дать залп. Жестокость не принесла пользы. Население разбежалось при первом приближении войск,

В опустевших деревнях нельзя было найти не только продовольствия, но и воды. Лалли все же пригнал своих людей под стены Танджура. Увидев перед собой богатый большой город, солдаты воспрянули духом.

Армия танджурского раджи, вышедшая навстречу французам, была быстро разбита, но стены Танджура оказались неприступны. У французов не было ни лестниц, ни каких-либо осадных орудий. Пришлось разбить лагерь неподалеку от города. Генерал рассчитывал на трусость раджи. Последний, видя, насколько разложилась армия Лалли, не торопился сдаваться на милость победителя. Раджа рассчитал правильно, с каждым днем силы Лалли таяли, кули и сипаи дезертировали десятками, продовольствия осталось на два дня. Генерал собрал военный совет — все офицеры, за исключением одного, высказались за отступление. Войска потянулись на север, оставляя на пути пушки и телеги, так как почти все быки пали.

По ночам из темноты появлялись танджурские всадники, их отгоняли залпами. Однажды на рассвете подъехало несколько индийцев на лошадях, они просили свидания с Лалли. Генерал вышел к ним. Внезапно всадники бросились на «ирландца». Длинная палка в руках генерала превратилась в оружие. На помощь подбежали офицеры. Покушение не удалось. В Карикал армия пришла совсем изможденная; здесь можно было хотя бы утолить жажду. Тут же французы узнали, что адмирал д'Аше проиграл морское сражение английскому адмиралу Пэккоку.

Печальным было возвращение Лалли в Пондишери. Его многочисленные враги открыто злорадствовали. По городу ходили листки с карикатурами и эпиграммами на тщеславного генерала. Распространялась издевательская прокламация адмирала Пэккока, в которой говорилось, что Лалли своей бессмысленной экспедицией в Танджур спас Мадрас. Командующий французской эскадрой объявил о своем желании покинуть Коромандельское побережье.

В это время Бюсси двигался к Пондишери со всем своим войском, оставив на границах Северных Сиркар небольшой отряд во главе с маркизом Конфланом. Чтобы поправить положение в Карнатике, Бюсси, как уже говорилось, решил объявить аркатским навабом Басалат Джанга, младшего брата Салабата. Басалат рас-

полагал значительными средствами, и их можно было использовать в военных целях. Лалли также имел план: жизнь показала, что надо хоть немного считаться с «темнокожими», и он наметил своего кандидата в навабы — Раза Сахиба, сына Чанды, человека без денег, без войска, без авторитета. Недалеко от Арката оба военачальника встретились на первый взгляд сердечно. Но это было обманчивое впечатление. Лалли с самого начала почувствовал отвращение к экзотической роскоши Бюсси и его свиты. Он почти не слышал слов полковника, который с непривычным возбуждением рассказывал о своих планах, о необходимости закрепиться в Декане, подробно описывал положение этого района. Лицо Лалли становилось все более угрюмым, губы сложились в брезгливую улыбку, он стал нервно пожимать плечами, наконец не выдержал и перебил рассказчика: «Сударь, меня интересуют только англичане, помогите мне шпагой и кошельком выгнать их из Мадраса. После этого я, не выходя из своего кабинета в Пондишери, смогу диктовать свои приказы этим ничтожным князькам и заставлять их выполнять приказы». Тогда Бюсси понял, что все его объяснения высокомерному фанатичному генералу бессмысленны.

Взаимное раздражение собеседников возрастало. Наконец Бюсси, чтобы окончить бесполезный разговор, ледяным тоном потребовал десятидневного отпуска для поправки здоровья. Затем он показал письмо из Парижа, в котором друзья писали ему, что уже готов указ о назначении его бригадиром. Это делало его более самостоятельным в поступках. Лалли, однако, твердо стоял на своем, его интересовали деньги для снабжения нищей армии. «Дайте мне займы ваши миллионы франков или одолжите их у ваших негров», — прокричал он со злобой. Бюсси спокойно ответил, что речь может идти о нескольких сотнях тысяч франков. Лалли сухо попрощался и удалился. После этой встречи Бюсси навсегда остался для Лалли «самым скупым, самым лживым человеком на свете».

Новый бригадир отправился в Пондишери, зажил там на широкую ногу. Он казался самым богатым человеком в Пондишери, дом его был открыт для всех высших чиновников и офицеров. Последние вскоре стали его явными сторонниками. Капризного и заносчивого «ирландского дога» не любили. Влияние Бюсси неуклон-

но росло. К этому времени у него, покинувшего Францию более 20 лет назад, были важные покровители в Париже и среди них один из самых влиятельных людей при дворе Людовика XV — маршал Бель-Иль. Многие офицеры армии Лалли, знавшие об этом, потребовали назначения Бюсси «первым бригадиром» французских войск в Индии, однако упрямый генерал приказал считать покорителя Декана последним, пятым бригадиром.

26 сентября 1758 года французские войска почти без боя взяли Аркат. Лалли рассчитывал на местное золото, но его в городе почти не нашлось. В соседних с Аркатом населенных пунктах также не оказалось существенной добычи. Средств на содержание армии по-прежнему не хватало. Лалли ждал от Бюсси денег, а получил подробную докладную записку. В ней говорилось, что при нынешней расстановке военных сил, в условиях союза англичан, Низама Али, воинственного брата Салабата, и пешвы, низам пойдет на любые жертвы ради сохранения своего трона. Надо сделать навабом его младшего брата Басалата. Но ненависть Лалли к Бюсси росла с каждым часом, ясный и выгодный план был отвергнут, и навабом Арката провозглашен Раза Сахиб.

Жители «белого» и «черного» городов Пондишери видели в Бюсси в отличие от злобного Лалли «доброе» героя; популярного бригадира при встрече всегда приветствовали представители различных каст, и он отвечал на тамильском языке. Изыскивая способы, как бы унижить бригадира, Лалли послал его к навабу Раза Сахибу с письмом, в котором содержался приказ всем феодалам Северного Карнатика собрать деньги для армии. Когда же Бюсси заявил, что письма к индийским вельможам составляются на фарси, Лалли в бешенстве закричал: «Вы для того туда и едете, чтобы переводить». Это была открытая ссора. С этого времени Лалли и Бюсси стали смертельными врагами.

12 декабря 1758 года Лалли начал наступление на Мадрас. Напуганный военными успехами французов в Карнатике, Мадрас подготовился к защите. Из Бенгалии корабли доставили оружие, боеприпасы и продовольствие. Время явно было упущено. Начался сезон дождей. Однако французский генерал считал, что Мадрас уже у него в руках, со своими тремя полками он чувствовал себя непобедимым. Между тем солдаты Компании обеих Индий были злы, сипаи и вспомогательная конница, не

получавшие денег, рассчитывали лишь на добычу; к тому же к войску присоединилась разношерстная толпа мародеров.

14 декабря войска подошли к стенам города. Англичане не приняли боя в «черном городе», покинув его на произвол судьбы. Там начались грабежи, драки и пожары. Командующий мадрасским гарнизоном Лоуренс, опытный военный, оставил большие винные склады, которые были вскоре обнаружены. Даже часть солдат самого лучшего, Лотарингского полка не смогла удержаться от соблазна. Что же касалось других французов и топасов, то все они через четверть часа были пьяны. Лалли потерял всякий контроль над армией. «Черный город» горел, озверевшие пьяные люди дрались между собой из-за добычи. Любители поживиться нагружали телеги или армейские повозки награбленным добром и отправлялись в Пондишери. Большинство солдат потеряли всякую боеспособность.

Лоуренс решил сделать вылазку, но недооценил своего противника. В отсутствии смелости Лалли нельзя было упрекнуть. Он сам повел Лотарингский полк в штыковую атаку, к нему присоединилась морская пехота. Здесь же находился и Бюсси. Около часа шла ожесточенная рукопашная схватка; наконец французы одержали верх, англичане стали отступать к мосту через реку Монтарон, разделяющую оба города. Но тут произошел эпизод, о котором современники сообщают по-разному. Судя по позднейшим свидетельствам Лалли и некоторых его друзей, Бюсси запретил французам преследовать врага. Когда бригадир Криллон, командовавший Лотарингским полком, ворвался на мост, находившийся рядом Бюсси якобы приказал ему оставаться на месте. Этому трудно поверить, так как Бюсси служил в армии в качестве бригадира-волонтера и не имел никаких прав командовать, в том числе и Лотарингским полком. Странно и непонятно, почему Лалли, который всегда был впереди своих солдат, не оказался у моста. Этот эпизод позволил ряду историков и романистов говорить о «предательстве» Бюсси. На самом деле вполне допустимо, что последний действительно считал невозможным вступить на мост под плотным обстрелом вражеской артиллерии. Безусловно, главным виновником неудачи штурма был Лалли, который не смог сохранить контроль над войсками.

Теперь предстояла осада. Положение осаждавших было жалким: находясь в полусожженном и опустевшем «черном городе», без продовольствия и повозок, армия вновь оказалась на крайне голодном пайке. Лалли впал в тупое отчаяние, смешанное с равнодушием, но первый приступ этого чувства прошел при появлении фрегата из Франции, доставившего деньги и продовольствие. Генерал надеялся, что наконец в Париже вновь вспомнили об Индии и огромный флот вскоре прибудет из метрополии, доставив сотни новых солдат. Однако мечты не осуществились. Франция терпела поражение и в Европе, и в Канаде. Королевскому правительству было не до Индии. Адмирал д'Аше продолжал отсиживаться на острове Иль-де-Франс; он даже задерживал те небольшие подкрепления, которые направляла для Лалли Компания.

Потянулись дни осады. Земляные работы велись плохо. Инженер Дюр опять показал свою полную бездарность. Солдаты открыто издевались над ним. Дисциплина упала до предела. Солдаты были настолько раздражены, что офицеры боялись повысить на них голос. Солдаты и сипаи слонялись по разрушенному «черному городу» и, роясь в обломках и мусоре, пытались найти съестное. Смешанные отряды из солдат, сипаев и топасов совершали грабежи, уходя довольно далеко от Мадраса в поисках еще уцелевших деревень. Дезертирство приняло огромные размеры. Может быть, первый раз в истории, как отмечал Вольтер, добрая половина осаждавших бежала в осажденный город. Обычно дезертировали ночью, но однажды днем, когда из английского форта французским солдатам показали огромный кусок ростбифа, нанизанный на штык, пушки осаждавших смолкли, а несколько сот человек бросились к крепости. Никто не пытался их остановить, Лалли только наблюдал эту постыдную картину.

В любой момент в войсках мог начаться бунт. Мысль о том, что надо снять осаду, все больше тревожила генерала. Подавив в себе чувство гордости, он обратился за советом к Бюсси. Последний прежде всего предложил организовать заготовку продовольствия для армии и вызвался возглавить экспедицию. Лалли отверг это и вновь приказал идти на приступ. По-видимому, ненависть была сильнее всех остальных его чувств.

Генеральный штурм «белого города» и форта

св. Георгия был назначен на 16 февраля 1759 года. Но именно утром того же дня на горизонте показалась английская эскадра. Паника охватила даже самые верные полки, и Лалли согласился на отступление. Бросив на месте осады тяжелые пушки, оставив тяжелораненых, французские войска потянулись на юг. Второй раз «ирландец» возвратился в Пондишери побежденным. Здесь он заперся в своем кабинете и стал строчить правлению Компании письмо за письмом, полные жалоб на Бюсси и губернатора Лейри.

Пока Лалли безрезультатно стоял под Мадрасом, Клайв задумал захватить почти не защищенные Северные Сиркары и французскую колонию Масулипатам. Тем более что местные раджи, узнав о поражении французов, стали склоняться к союзу с англичанами. Вскоре здесь появился большой отряд войск английской Ост-Индской компании, которому удалось изгнать маркиза Конфлана из Северных Сиркар. С остатками французских войск маркиз заперся в Масулипатаме. После двухмесячной осады город капитулировал. Низам Салабат Джанг немедленно признал права англичан.

Теперь Лалли вспомнил о деканском резиденте. Он потребовал, чтобы тот отправился в Декан и вернул все земли. Бюсси, по-видимому также охваченный чувством мести, прислал генералу письмо главного врача Пондишери с сообщением о внезапной болезни бывшего фактического правителя Декана. Тогда к нему направили самого доверенного человека — иезуита Лавора. Разговор Бюсси с Лавором остался в тайне, но взаимная ненависть обоих военачальников только возросла. Лалли даже собирался отставить бригадира. В это время в Пондишери прибыл корабль, который привез письма и приказы из Парижа. Среди них находились приказ о назначении Бюсси вторым командиром французской армии и письмо маршала Бель-Иля к Лалли; в нем подчеркивалось, что Бюсси прежде всего подчинен маршалу. Если Лалли был ошеломлен этим известием, то Бюсси воспринял его как должное. Хладнокровный и методичный, он неуклонно укреплял свою репутацию в Версале, в то время как слава героя битвы при Фонтенуа постепенно меркла.

Буквально через несколько дней после своего назначения Бюсси подал просьбу об отставке. Однако теперь Лалли-Толландаль не хотел его отпускать. При всем не-

постоянстве своего характера, болезненном самолюбии и высокомерии генерал понимал, что Бюсси, будучи во Франции, может нанести ему смертельный удар. Поэтому он отклонил отставку и, более того, принял прежний план Бюсси: привлечь на сторону французов Салабата и маратхов. Вначале Бюсси не хотел вести переговоры, зная, что командующий может завтра изменить свое мнение, и согласился лишь после долгих колебаний.

Никогда английские шпионы не работали так четко, как в то время. Казалось, каждое намерение командующего было им известно. Бюсси еще только собрался ехать на север, а тысячный отряд англичан уже перерезал ему путь. Единственным счастливым событием было появление эскадры д'Аше. Адмирал не привез подкрепления, но отдал в распоряжение Лалли изрядную сумму, почти 800 тысяч ливров в деньгах и драгоценностях. Правда, эскадра через несколько дней ушла обратно на Иль-де-Франс. Никакие просьбы Лалли, губернатора Лейри и Бюсси (на этот раз все оказались единодушны во мнении) не остановили крайне осторожного адмирала, и флот отплыл по направлению к Цейлону.

17 октября 1759 года произошло новое печальное событие. Гордость армии Лалли — Лотарингский полк взбунтовался, причем солдаты изгнали офицеров и избрали своими предводителями двух сержантов. Солдаты требовали выплаты денег. Лалли согласился на их условия. Он и его офицеры выплатили лотарингцам 250 тысяч франков. Мятежники успокоились. Об этом событии знала вся армия.

Между тем Бюсси с 300 всадниками все же сумел пройти на север, но вести переговоры с Басалатом оказалось трудно. Младший брат Салабата уже хорошо представлял себе характер командующего Лалли, а Бюсси не стремился его переубедить и вернулся в Пондишери.

Лалли не уставал писать письма в Париж, справедливо обвиняя в предательстве, коррупции и безделии членов Совета, но вместе с тем предъявляя подобные обвинения и Бюсси. Лалли хотел еще раз доказать, что является подлинным хозяином положения и Мадрас будет взят. Собрав вновь войска, он направил их на север.

Англичане были великолепно информированы о всех действиях противника. Получив подкрепление, они двинулись навстречу французам. Оба войска сошлись у ме-

стечка Вандеваш; пятитысячное войско французов и сипаев с двухтысячным отрядом маратхской кавалерии стояло против стольких же англичан. Поле боя представляло собой холмистое место, где росли низкие деревья, были овраги и пруды. Лалли расположил свой лагерь на широком холме. Английский полковник Кут построил войска в виде полумесяца. Лалли задумал смешать строй англичан. Левый фланг показался ему наиболее слабым. Поэтому он приказал маратхской кавалерии атаковать левый край и центр. Маратхи не очень любили рисковать, сражаясь за чуждые им интересы. При первых же залпах противника они приостановили лошадей и отъехали в сторону, вполне довольствуясь ролью наблюдателей. Лалли со своими адъютантами оказался между двумя армиями, но под градом пуль вернулся на позицию невредимым. Положение не обескуражило генерала. Он установил в центре лагеря орудия и создал импровизированный форт, используя естественные возможности рельефа. Ему удалось отбросить противника на некоторое расстояние; англичане отошли, держа строй. Тогда Лалли вновь вскочил на коня и повел в атаку свою немногочисленную кавалерию — 150 человек. Однако настроение маратхов передалось и драгунам, они неохотно двигались за генералом. При первом же залпе всадники остановились. Лалли с несколькими офицерами был впереди, но он был вынужден вернуться назад, проклиная трусов. Лалли бросил в бой Лотарингский полк, первая атака которого оказалась удачной, но англичане, введя в бой резервы, перешли в контратаку и смяли его.

На левом фланге французского войска Бюсси отбивал все атаки противника, но англичанам удалось зайти с тыла. Паника охватила солдат, однако Бюсси сумел их остановить, он хотел перестроить распавшиеся было отряды. В это время пуля сразила его коня. Конь упал и придавил бригадира. Солдаты, подумав, что он убит, бросились врассыпную. Когда Бюсси вылез из-под коня и стал на ноги, он увидел, что окружен англичанами.

С остатками войска Лалли отступил к Пондишери. Кут не преследовал его.

Если битва при Плесси решила судьбу Бенгалии, то битва при Вандеваше решила судьбу Французской Индии. Слова Маркса, сказанные о Лалли, — «хороший солдат, но не генерал» — определяют его поведение в

сражении при Вандеваше. Лалли совершал чудеса храбрости, несколько раз рисковал жизнью, но битвой не руководил, не создал связи между отдельными ее участками, не организовал взаимодействия отрядов. Совершенно не интересовало генерала моральное состояние солдат, их настроение. Бюсси предлагал ему в этом сражении придерживаться оборонительной тактики и возложить главную задачу на пехотные части, минимально используя маратхскую кавалерию. Лалли сделал наоборот. Теперь у него оставалась одна надежда — на чудо.

Бюсси был отпущен англичанами под честное слово. Полковник Кут удовлетворился бы выкупом, однако лорд Пигот, губернатор Мадраса (тот самый, которого спустя два десятилетия уморили голодом в тюрьме недовольные его приверженностью к законным порядкам чиновники английской Ост-Индской компании), настоял на том, чтобы Бюсси отправился на родину. Мадрасский губернатор понимал, что для англичан в Индии Бюсси — самая опасная фигура среди французов. После длительных формальностей бригадир должен был покинуть Индию, в которой пробыл безвыездно 23 года. Позднее он писал: «Я прослужил 23 года в Индии, которую могу считать своей второй родиной. Я вынужден покинуть ее и оставляю здесь часть своей жизни, такой завидной, хотя и отягощенной трудами. Я был вырван из среды друзей, близость которых мне бесконечно дорога. Я покинул их с чувством печали, более сильной и глубокой, чем просто горькое предчувствие, ибо эта печаль основана на опыте прошлого и настоящего и заставляет меня уноситься к будущему. Удаляясь от Пондишери, я не могу не содрогаться при мысли о судьбе города, величие которого, смею льстить себя надеждой, было создано в какой-то степени и моими усилиями».

Бюсси еще находился в Пондишери, Франция еще не знала о поражении Лалли при Вандеваше, когда постепенно в Париже стали распространяться слухи о неудачах французов; их сменили более определенные сведения о поражении.

Предчувствия Аржансона относительно Лалли сбылись. Маршал Бель-Иль добился подписи короля на письме, в котором генералу предлагалось с первым кораблем покинуть Индию. Но вскоре генеральный контролер Бертен, сменивший Машо, зная, что Лалли в свое

время пользовался расположением маркизы Помпадур, сумел изменить решение короля, и «ирландец» сохранил свои полномочия.

Пока Версаль пытался вынести какое-либо решение о положении в Индии, английские войска после битвы при Вандеваше без боя занимали один за другим города Карнатика: пал Аркат, за ним Карикал. Войска Кута начали окружать Пондишери.

Лалли вновь впал в отчаяние. Этот человек испытывал приятное чувство только тогда, когда ему приходилось слышать о пленении Бюсси. Он называл его предателем и трусом, заявлял, что тот «принадлежит теперь мадрасскому губернатору». Ненависть, которую испытывала вся французская колония к «ирландцу», превысила все возможные пределы. Отношения между ним и Советом оказались прерваны. По городу опять ходили листки, проклинавшие Лалли.

Генерал совершенно потерял голову, он без конца писал письма губернатору Лейри, то гневные, то умоляющие, для поддержания духа армии хотел устроить военный парад. Затем снова повел войска в поход. Армия Лалли потянулась к Аркату и оказалась у Вандеваша на том самом месте, где месяц назад потерпела полное поражение. Здесь начался бунт. Индийская кавалерия потребовала денег. «Если нам не заплатят, — кричали всадники, — мы пойдем служить к неприятелю». Многие из них осуществили свою угрозу, и никто их не удерживал. На следующий день уже вся армия требовала денег. С трудом при помощи небольших подачек удалось временно успокоить солдат. Не успели войска сняться с места, как разнесся слух о прибытии мощной английской эскадры. Солдаты, не слушая команд Лалли, двинулись назад, к Пондишери. Они оказались более правы, чем их командир, ибо Кут находился в четырех лье от столицы Французской Индии.

Осенью 1760 года началась блокада Пондишери. Город во времена Дюплекса выдержал одну осаду. Тогда англичане еще не являлись хозяевами Бенгалии, а военные припасы, продовольствие и форты Пондишери были подготовлены. Обороной и инженерными работами руководил Паради, верховная власть находилась в твердых руках Дюплекса. К тому же французская разведка превосходила английскую. Теперь во главе обороны Пондишери стоял сумасбродный Лалли, главным инженером

был анекдотически бездарный Дюр, а военная и гражданская власти города фактически воевали друг с другом.

Все, даже самые секретные, планы французов через несколько часов становились известны неприятелю. Однажды Лалли задумал операцию, которая могла принести пользу. Отобрав лучших солдат Ирландского и Лотарингского полков, он стал готовить их к большой ночной вылазке; предполагалось повторить резню, устроенную Латушем в лагере Насир Джанга. Сначала все шло хорошо, в английском лагере была полная тишина. Когда же французы подошли почти вплотную, раздался дружный залп: англичане тщательно подготовились к встрече, их кто-то предупредил. И так бывало почти всегда.

Осажденный город нуждался в защитниках. Лалли пытался мобилизовать многочисленных чиновников и купцов Компании. Они взбунтовались, большая толпа жителей «белого города» во главе с советником Ла Селлем (тем самым Ла Селлем, который был уличен Бюсси во взяточничестве) бросилась к особняку Лалли, выкрикивая проклятия по его адресу. Только когда Лалли направил против толпы солдат, все разбежалось. Если бы генерал строго придерживался какой-либо одной линии, жесткая политика могла бы принести пользу, но он периодически впадал в апатию. Чиновники Компании остались безнаказанными, и их нападки на неудачливого военачальника стали еще наглее. Распространялись лживые слухи, будто бы «ирландец» — английский шпион, действует по команде Кута и Пигота и т. п.

Единственный человек, который мог понять и ободрить Лалли, был отец Лавор. Генерал почти не расставался с ним, вкрадчивый иезуит стал его постоянным исповедником.

Уже в первые недели осады начался голод, и Лалли решил избавиться от жителей «черного города». Спустя 12 лет после страшных дней 1748 года индийское население Пондишери вновь оказалось без крова и еды. Генерал узаконил произвол и грабежи — все продовольствие и весь скот были отобраны. Жителям грозила неминуемая смерть. Лалли приказал всем индийцам покинуть Пондишери, и тысячи оборванных, голодных людей потянулись из города. Однако это не помогло, Пондишери был обречен.

В январе 1761 года разразился сильный шторм. «Может, бог поможет нам, — говорил Лалли своему единственному другу Лавору, — английские корабли уйдут, и блокады не будет». Но надежды на шторм не оправдались. Англичане вернулись почти невредимые. Теперь генерал понял, что капитуляция неизбежна. Впервые между ним и Советом Пондишери возникло взаимопонимание. Командующий послал в Мадрас своих верных людей — Дюра и Лавора. Все попытки выторговать у непоколебимого Пигота какие-либо уступки не привели ни к чему. 18 января 1761 года Лалли подписал акт о капитуляции и сдался англичанам.

Губернатор Мадраса Пигот, выходец из французской протестантской семьи, испытывал ненависть к католической Франции, подобную той, какую питал фанатичный католик Лалли к протестантской Англии. Разрушение Пондишери было заветной мечтой Пигота. Но он не торопился.

Пока англичане хозяйничали в Пондишери, французский командующий, больной и безразличный ко всему, находился в форте св. Людовика. Полковник Кут приказал привезти французского командующего как пленника в Мадрас. Около форта собралась возбужденная толпа безработных служащих Компании и голодных солдат. Все ждали выхода пленного генерала, чтобы открыто расправиться с ним.

На площади перед фортом появился иезуит Лавор, он с трудом протиснулся сквозь беснующуюся толпу и вошел в здание форта. В трудную для своего друга минуту он решил поддержать его. Наконец двери открылись, и вынесли паланкин Лалли. Толпа окружила паланкин. Предводителем оказался Морасен, бывший губернатор Масулипатама. Рядом с Морасеном появилось несколько вооруженных людей, испуганные носильщики бросились бежать. Еще несколько секунд, и начался бы самосуд. Только отряд английских гусар спас бывшего командующего от разъяренных соотечественников.

Толпа, однако, требовала крови. Схватили главного интенданта, 70-летнего старика Буа (его никто не охранял), и приволокли на площадь. Один из служащих Компании тяжелой палкой разможил ему голову. С трупа содрали одежду и оставили так лежать на площади. Пока толпа расправлялась с Буа, какие-то люди проникли в здание интендантства и уничтожили все бу-

маги. Многие воры, казнокрады и спекулянты были спасены от суда.

Когда граф Лалли-Толландаль прибыл в Мадрас, его ждали новые унижения. Знатного пленника, генерала подвергли обыску, распотрошили весь его багаж и, невзирая на его протест, посадили на маленький грузовой корабль, где ему предлагали пищу из матросского котла.

В Пондишери прибыл чрезвычайный уполномоченный Пигота некий Дюпре, так же, как и Пигот, происходивший из французской протестантской семьи, бежавшей в Англию. Не случайно ему поручили руководить уничтожением Пондишери. Дюпре испытывал такую же ненависть ко всему французскому, как и сам Пигот. На протяжении трех месяцев английские солдаты взрывали форты, срывали с земли склады и магазины. Город, где жили многие тысячи людей, был стерт с лица земли.

Вести о разгроме в Индии дошли до Парижа. Когда Лалли прибыл во Францию, его встретило единодушное возмущение. Но Лалли и не думал оправдываться, он произносил громовые речи против тех, кого считал виновником индийской трагедии, — губернатора Лейри, адмирала д'Аше, бригадира Бюсси и многих других.

Бюсси уже целый год жил в Париже и много преуспел. Он женился на двоюродной сестре самого могущественного после короля и маркизы Помпадур человека во Франции, первого министра герцога Шуазеля, и стал вхож в дом первой фаворитки короля. Маркиза получила в подарок от бывшего повелителя Декана 12 золотых табакерок, внутри каждой из них находилось сари из тончайшего карнатикского муслина. Маркиз Бюсси де Шастено (теперь бригадир именовался так) был неуязвим.

Но Лалли ничего не принимал во внимание. Подобно тому, как раньше в слепой ярости он бросался в штыковую атаку на численно превосходившего противника, сейчас он устремился в бой против чиновников и офицеров, требуя привлечь их к суду. Почти круглые сутки с несколькими друзьями «ирландец» проводил за письменным столом, рассылая десятки писем по разным адресам — от короля до многочисленных судебных инстанций. Его противники также не теряли времени даром. Началась ожесточенная эпистолярная дуэль.

Герцог Шуазель, не желая скандала, предложил Лалли прекратить дело. Тот уже не мог остановиться.

Его подстегивала мысль, что его лучший друг, иезуит Лавор, на пути во Францию. Этот человек раскроет глаза всем. Ему поверят.

Хотя документы Компании обеих Индий были уничтожены во время разгрома Пондишери, многие чиновники чувствовали себя не очень спокойно при обсуждении обвинительных писем Лалли и поэтому мечтали видеть его в Бастилии. По Парижу поползли слухи о коварстве, жадности и врожденной преступности Лалли. Наконец, весь Париж заговорил о взятках, которые якобы давал вернувшийся из Индии генерал камеристке герцогини де Граммон, сестры Шуазеля. Кстати, камеристка действительно принимала подношения нуждавшихся в той или иной протекции, но замешан ли был в подобной истории Лалли — неясно. Так как его имя теперь бросало тень на самого министра, Шуазель решил расправиться с надоевшим «ирландцем» и подписал приказ о его аресте.

5 ноября 1762 года Лалли был препровожден в ту же самую камеру, где десять лет назад сидел Лабурдонне. Однако «бешеный ирландец» не успокоился, он продолжал строчить письмо за письмом, обвиняя всех своих врагов в предательстве и низости. Единственное обстоятельство его смущало: почему молчит отец Лавор, его друг и исповедник. Иезуит уже прибыл во Францию, но почему-то не заступался за своего духовного сына.

Патер Лавор удалился в Перигор, где через несколько месяцев скончался. Когда стали описывать скромное имущество иезуита, в одной из его шкатулок нашли 1 миллион 200 тысяч франков золотом, в другой — векселя и бриллианты. Еще более удивительным оказалось то, что нашли в сундуке. На дне сундука лежали два тома мелко исписанной рукописи. Оба тома были посвящены истории Лалли. Если в одном его деятельность описывалась в панегирическом тоне, то другой содержал зловеший обвинительный акт против Лалли. Конечно, всех заинтересовал последний том; первый же никем не был принят всерьез.

Иезуит обвинял Лалли в государственной измене, писал, что ирландец являлся платным шпионом англичан, рассказывал о чудовищной жестокости бывшего командующего в Индии. В дневнике содержались подробные описания того, как Лалли во время осады Пондишери

злорадствовал, наблюдая из своего окна за истощенными голодом людьми, как он продуманно послал французских солдат на верную смерть во время кампании. Искусное сочетание чудовищно лживых картин с достоверными сделало этот дневник в глазах судей несчастного генерала одним из главных свидетельств его преступлений.

Так кроткий патер Лавор окончательно затянул петлю на шее своего духовного сына. Лицемерие иезуита не знало границ. Теперь стало понятно, почему каждый шаг Лалли был известен англичанам. Вполне возможно, что как раз Лавор являлся их шпионом. Этот секрет коварный монах унес с собой в могилу. Он не успел использовать мемуары в своих целях или в целях Ордена, — по-видимому, ждал, какой том опубликовать: хвалебный или обвинительный. Вероятней, что обвинительный том стал бы достоянием гласности. Но он и так послужил материалом для прокурора парижского парламента Пакье, человека сурового и непреклонного.

Это было время ожесточенной борьбы между парламентом и двором. Высокопоставленные чиновники парижского парламента всегда ненавидели аристократов и завидовали им, а те, в свою очередь, платили им презрением. Когда же титулованный дворянин попадался в сети суда, его судьба становилась незавидной.

Для прокурора Пакье граф Лалли оказался желанной жертвой. Опытный крючкотвор быстро опутал своей паутиной вспыльчивого солдата, а записки иезуита Лавора дали ему великолепный материал для обвинительного акта. Обвинительная речь Пакье, напечатанная большим для того времени тиражом, стала широко известна в Париже. Лалли был представлен единственным виновником разгрома французов в Индии. Члены Совета Пондишери во главе с губернатором, не подготовившиеся к войне, оказались ни в чем не повинными.

Парижский парламент потребовал от короля утвердить обвинение в государственной измене. Людовик XV некоторое время сопротивлялся, но настойчивость парламентских чиновников вскоре ему надоела; чудовищный эгоизм, как всегда, взял верх, и король подписал акт. Теперь Лалли стал государственным преступником и был переведен на жесткий режим. Начался процесс, скорее похожий на расправу, чем на суд. Лалли не имел права на защиту, а благожелательных свидетелей даже

не слушали. Лалли продолжал упрямо защищаться, разоблачая всех своих врагов — губернатора Лейри, адмирала д'Аше и, наконец, бригадира Бюсси. Дело затянулось на месяцы, огромная гора писем, мемуаров, копий деловых бумаг, карт и военных планов росла. Бессмысленными глазами взирали на эти бумаги парламентские советники, никогда не бывавшие ни на поле битвы, ни на корабле, не выдавшие раньше ни военных карт, ни планов. Об Индии они ничего толком не знали. Пакье считал Салабата городом, Танджур — навабом и сипаев — денежными единицами, но это не мешало судебной машине двигаться в определенном направлении.

Прошло три года. В мае 1766 года парламент приговорил Лалли к смерти. Людовик XV, узнав о решении, был очень встревожен, даже плохо спал, но не пожелал из-за одного человека вновь ссориться с судейскими чиновниками. 9 мая 1766 года на Гревской площади Парижа при огромном скоплении народа Лалли отрубили голову на эшафоте. Старый генерал принял смерть с достойным спокойствием.

Эта несправедливая расправа с плохим военачальником, но храбрым солдатом легла еще одним позорным пятном на королевское правительство. Через несколько лет появилась книга Вольтера, посвященная Лалли. Вся читающая Франция еще раз пережила его трагическую судьбу. Несправедливость заставила забыть действительные ошибки. В 1788 году, накануне Французской революции, Лалли-Толландаль был официально признан невиновным.

**ФРАНЦУЗСКИЕ АВАНТЮРИСТЫ
В ИНДИИ**

После поражения французской армии в Семилетней войне англо-французское соперничество в Индии фактически кончилось. Обанкротилась и Компания обеих Индий. Незначительные колониальные владения, сохраненные Францией после Семилетней войны, большой роли не играли, но пока в Индии существовали очаги сопротивления британскому владычеству, оставались надежды на изгнание англичан. Победы французского оружия, особенно армии Бюсси, не скоро изгладились из памяти местных жителей, бродячие певцы на дорогах Декана распевали песни о подвигах Бюсси, о его победах над маратхами.

Отблеск прошлой военной славы падал на тех французских офицеров и солдат, которых судьба разбросала по различным районам Индии. К французским офицерам местные феодалы относились с большим почтением даже после поражения Лалли, ибо победы Бюсси в Декане не забывались, а его бывшие сипаи считались лучшими солдатами в Индии. Вспомним эпизоды одной из самых кровопролитных битв — битвы при Панипате между маратхами и войсками повелителя Афганистана Ахмад-шаха, которая закончилась полным поражением маратхов. Афганский монарх — участник похода Надир-шаха сумел при помощи быстрых маневров окружить маратхов и заставить их принять сражение.

14 января 1761 года 45 тысяч маратхов встретились с 60 тысячами афганцев. На левом фланге маратхской армии находились восемь тысяч сипаев под командованием Ибрагим-хана, одного из сипайских командиров Бюсси. Начало битвы обещало победу маратхам. Ибрагим-хан бросил в бой 6,5 тысячи сипаев против 17 тысяч рохиллов¹. Рохиллы не выдержали атаки сипаев и стали

¹ Рохиллами называли потомков афганских наемников, которые не возвращались на север, а селились компактными массами к се-

отступать. Положение на левом фланге стало опасным для Ахмад-шаха. Только когда он ввел в бой тысячи своих отборных воинов, удалось остановить сипаев. Перейти же в наступление афганские войска не смогли. Сипаи продолжали сражаться. Если бы маратхская кавалерия подоспела вовремя, неизвестно, каков бы был исход битвы при Панипате. Но кавалерия промедлила, и свыше шести тысяч сипаев погибло. «Ученики Бюсси оказались достойны своего учителя», — отмечает известный индийский историк Саркар в своей книге «Падение Могольской империи».

Вторая половина XVIII века изобилует авантюрами многих французов, чьи энергия и любовь к приключениям заставляли их втягиваться в серьезные события. Свобода их действий во многом объяснялась тем, что французское правительство после Семилетней войны не интересовалось Индией, а генерал-губернатор Ло де Лористон (брат офицера, печально прославившегося капитуляцией при Тричинополи) был занят восстановлением разрушенного Пондишери. В городе кроме двух индуистских храмов не осталось ни одного целого здания. Менее чем за десять лет Ло восстановил город. Новый Пондишери по своей планировке и красоте постройки, как свидетельствовали современники, превосходил старый город. В середине 70-х годов XVIII века в столице Французской Индии жили 1200 белых колонистов и в «черном городе» — 20 тысяч индийцев. Население его быстро росло, так как действия английских и майсурских войск заставляли индийцев искать себе убежище в относительно безопасных местах.

Ло пытался восстановить прошлое могущество Пондишери, как бы не замечая полной перемены обстановки. Теперь Франция, как Голландия и Португалия, владела лишь крошечными торговыми точками, в то время как английская Ост-Индская компания все более утверждалась в качестве колониального господина Индии.

В Индии имелись силы, способные к сопротивлению англичанам: в Декане после ухода французов вместо трусливого и безвольного Салабата к власти пришел

веро-востоку от Дели. Область их поселения впоследствии стала именоваться Рохилкханд. В XVIII веке она превратилась в независимое княжество.

более твердый правитель Низам Али, маратхи оставались по-прежнему весьма опасными противниками, но самым сильным врагом Англии стал Майсур, где у власти находился Хайдар Али.

Сын одного из военачальников майсурского раджи, он начал свою военную карьеру командиром небольшого военного отряда. Командиры наемников индийских навабов и раджей в XVIII веке сами нанимали солдат, платили своим людям жалованье и делили добычу между ними. Смелый, жестокий и справедливый, Хайдар Али завоевал репутацию хорошего предводителя, его отряд быстро рос.

В 1750 году Хайдар Али присоединился к войску Насир Джанга и после убийства последнего, пользуясь всеобщей суматохой, захватил огромную добычу в обозе убитого субадара. Хайдар Али принимал участие в длительной осаде Тричинополи, во время которой внимательно наблюдал за военной тактикой и техникой европейцев. В 1755 году он уже был командиром многотысячного войска, а в 1761 году отнял власть у фактического правителя Майсура Нанджараджа и стал некоронным самодержцем этой страны. Хайдар Али попытался создать индийскую армию по европейскому образцу и достиг на этом пути определенных успехов. Безграмотный предводитель наемного отряда, став правителем страны, проявил себя одаренным полководцем и администратором. Майсур быстро превращался в ведущее государство Южной Индии.

Однако между Хайдаром Али, низамом Хайдарабада и маратхами не было единства. Англичане, хотя и терпели порой поражение от майсурских войск, могли побеждать своих противников поодиночке, искусно играя на их противоречиях.

Французский генерал-губернатор оставался лишь безучастным зрителем событий и при временных неудачах счастливого соперника испытывал радость завистника, затаенную надежду на лучшее будущее. Ло составлял обширные отчеты о своей деятельности в Индии, они отнюдь не напоминали казенные бездушные документы колониальных канцелярий, а представляли собой интересные мемуары. Но литературное качество отчетов Ло не содействовало повышению интереса к Индии при французском дворе. Авторитет генерал-губернатора Французской Индии был невелик. Французские авантю-

ристы могли, не советуясь с ним, принимать любое решение. Судьба некоторых из них весьма интересна и дает возможность более глубоко проникнуть в историю Индии XVIII века.

Наиболее известным французским авантюристом того времени был Рене Мадек. Он родился в 1736 году в Бретани, в краю рыбаков и моряков. Уроженцы Бретани, с детства привыкшие к морю, чаще других нанимались на службу Компании обеих Индий, тем более что в Бретани находился главный порт Компании — Лориан. Подобно многим другим юным бретонцам, десятилетний Рене поступил юнгой на небольшой корабль, ходивший между мелкими местными портами. Жизнь юнги незавидна, а жалованье мизерно, поэтому Мадек промышлял во время стоянок случайными заработками или нищенствовал. Тяжелая жизнь на корабле не проходила даром. Мадек стал профессиональным моряком. В 11 лет он на корабле Компании побывал в Сан-Доминго. Затем возвратился в Лориан и через несколько месяцев оказался опять на корабле. На этот раз он плыл в Пондишери. В первый раз Мадек пробыл в Индии недолго, корабль, на котором он служил, ушел к берегам Бразилии. Спустя два года Мадек снова появился в Пондишери. Ремесло матроса более не привлекало его, и бретонский моряк стал артиллеристом. Он участвовал в длительной осаде Тричинополи, но судьба военной кампании его мало волновала. Почти все время Мадек проводил на «базаре» лагеря Чанда Сахиба в обществе бродячих торговцев, факиров и баядерок. Ему нравилась бездумная, однообразная и шумная жизнь индийского военного табора. Но осада длилась долго. Положение французов ухудшалось, особенно после капитуляции Ло и казни Чанда Сахиба, и Мадек все более испытывал недовольство своей жизнью. Вслед за Дюплексом Мадек отправился во Францию, и на какое-то время его след потерялся.

В 1758 году он находился среди матросов адмирала д'Аше. Ему не нравилась медлительность и робость адмирала. Нетерпеливый Лалли был ему больше по душе. Поэтому Мадек дезертировал с корабля и проплыл несколько километров в опасном месте, где, по всеобщему мнению, было много акул. Добравшись до берега, Мадек явился в распоряжение одного из офицеров Лалли, который назначил его сержантом. Новоявленный сер-

жант по прошествии некоторого времени оказался далеко от основного расположения французских войск, в небольшом отряде из 600 человек, действовавшем севернее Ориссы. Когда отряд распался, Мадек возглавил сотню солдат-сипаев. Это подразделение вскоре было разбито англичанами. Мадек и несколько французов добрались до Пондишери и в конце января 1760 года участвовали в одной из самых неудачных для Франции кампаний. После падения Пондишери сержант стал военнопленным англичан.

Британские власти нуждались в храбрых наемниках и предложили пленным французам стать солдатами английской Ост-Индской компании. Авантюрист-бретонец без колебаний согласился надеть красный мундир и вскоре очутился в Бенгалии. Однако служба под британским флагом ему не понравилась, французские наемники сидели на голодном пайке, им платили мало и систематически задерживали жалованье. Французы роптали, Мадек возглавил недовольных. В 1764 году 400 наемников восстали, с оружием в руках они двинулись из своего лагеря на запад. Англичане не решились силой подавить восстание, ибо в это время волновались сипаи. Британские власти в Калькутте спешно выплатили жалованье французам. 200 человек из 400 во главе с Мадеком не захотели остаться в Калькутте. Небольшой отряд прибыл в Бенарес. Здесь Мадек поступил на службу к навабу Ауда Шуджа-уд-доуле. Последний боялся разделить судьбу своего бенгальского соседа и был готов много заплатить за создание армии европейского типа. За это дело взялся Мадек, объявив себя французским резидентом в Ауде. Не прошло и года как под давлением британских властей наваб Ауда предложил Мадеку покинуть провинцию. Самозванный резидент испал духом.

Его имя уже стало известно в Индии, и под его началом собралась разноплеменная толпа европейских ландскнехтов, ядро которой составляли французы, к ним присоединились английские дезертиры, голландцы, португальцы, немцы и др. Осенью 1765 года отряд Мадека появился в районе Дели. Здесь продолжалась жестокая междоусобица. Император Шах Алам II не мог войти в собственную столицу и находился в Аллахабаде под контролем англичан. Хозяином Дели был главный рохиллов Наджиб-уд-доула, который вел ожесточенную

борьбу с джатами. Джатское государство после смерти Сурадж Мала переживало кризис, новый джатский раджа, Джавахир Сингх, чувствовал себя неуверенно. В этой сложной обстановке еще формально считавшийся вазиром Имад-ул-мулк попытался вновь стать правителем Дели. Он обратил внимание на Мадека. Тот же предпочел ему действительного господина Дели Наджиб-уд-доулу и получил большой джагир с доходом 10 тысяч рупий в месяц.

Так сын полунцигского бретонского моряка, в детстве не знавший иной одежды, кроме лохмотьев, и почти никогда не наедавшийся досыта, стал богатым восточным вельможей. Несмотря на крах империи Моголов, в Дели Наджиб-уд-доула и несколько десятков вельмож жили в непривычной для европейцев роскоши. Авантюрист Мадек пожелал в полной мере воспользоваться своим положением. Достаточно сказать, что торжества, связанные с его свадьбой, длились более 10 дней и превратились во всеобщий праздник — Мадек женился на 13-летней индианке-католичке. Главным событием было торжественное шествие жениха к дому новобрачных: Мадек, окруженный своими офицерами, в сопровождении свиты индийских вельмож, медленно двигался в толпе танцующих баядерок и зевак. Хитрый бретонец пригласил на свадьбу всех состоятельных людей Дели и получил богатые подарки; даже пленные рохилльские военачальники подарили ему слона и бриллиантовые украшения.

Буквально на следующий день после свадьбы Мадек нанялся к джатскому радже Джавахир Сингху, который больше платил наемникам. На службе у Джавахира Мадек и его ландскнехты участвовали в сражении против сикхов и маратхов. И после смерти Джавахира (в 1768 году) Мадек продолжал служить джатам. К 1771 году он стал весьма состоятельным человеком. Теперь можно было возвращаться во Францию с накопленным богатством и там спокойно доживать свой век. Однако Мадек опасался за свою судьбу на родине: ведь он самовольно бежал с французского корабля эскадры д'Аше и поступил на службу к англичанам. Его могли судить как дезертира и предателя. Необходимо было заручиться каким-либо официальным документом или занять какой-нибудь пост в Компании.

В это время на него обратил внимание Шевалье —

губернатор Шандернагора. Этот человек в противоположность миролюбивому Ло де Лористону мечтал об изгнании англичан из Индии. Он без конца писал письма в Пондишери и Париж, предлагая объединить враждебные Англии силы и всеми средствами активизировать военные действия против британской Ост-Индской компании. В адрес морского министерства и государственного контролера шли его многочисленные донесения, в которых упоминалось имя Мадека как наиболее подходящего человека на пост командира французского экспедиционного корпуса на службе Великого Могола. Имя Мадека стало известно при французском дворе. Шевалье надеялся, что он вместе со своими наемниками вторгнется в Бенгалию и выгонит оттуда англичан. Причем действовать он будет не от имени Франции, а по приказу Великого Могола. Мадек относился скептически к этим планам, тем более что джаты пока ему хорошо платили. Ссориться с Шевалье авантюрист тоже не хотел.

В 1770 году умер Наджиб-уд-доула. В 1771 году Великий Могол Шах Алам II наконец вернулся из английского плена в свою столицу, и Шевалье считал, что индийский император может оказаться в роли Салабат Джанга, а Мадек — в роли Бюсси. В столице Великих Моголов бретонца ждал почетный прием. В сопровождении верховного военачальника Наджеф-хана Мадек прошел по многочисленным залам императорского дворца, где видел сломанные украшения, изуродованные стены — красноречивые следы хозяйничанья афганцев. В одном из залов француза встретил сам падишах Шах Алам II.

Десять лет бесконечных неудач и унижений сделали императора безразличным ко всему, кроме любимой им персидской поэзии. Царственному собеседнику Мадеки предстояла еще долгая жизнь, полная испытаний и несчастий. Не прошло и семи лет после описываемых событий, как его захватил в плен предводитель рохиллон Гулям Кадир и ослепил, требуя выдачи сокровищ. Затем слепой император много раз изгонялся из собственной столицы, пока наконец в 1803 году английский генерал-губернатор маркиз Уэлсли не водворил дряхлого и слепого Могола в Дели как декоративное украшение британского владычества.

Пока же, в 1772 году, Шах Алам II сохранял кос-

какие признаки императорской власти. Мадек немедленно сообщил об аудиенции своему другу Шевалье, об этом узнали и в Версале. Бретонского авантюриста признали окончательно и даже дали чин капитана (особу короля Франции при могольском императоре не мог представлять сержант, да и то сомнительный).

Осенью 1772 года огромная армия маратхов, к которой присоединились рохиллы и джаты, направилась к Дели. Артиллерия Мадека и подошедшие на помощь два отряда английских солдат, дезертировавших из различных частей войск британской Компании, остановили маратхов. Однако за службу Мадеку платили, как видно, недостаточно. Императорская казна была пуста, и французский наваб начал искать нового хозяина.

Мадек собрался перейти на службу к маратхскому военачальнику Синдхи, но последний двинулся со своими войсками на родину маратхов. Мадек раздумал связывать свою судьбу с маратхами и решил отправиться на службу к мелкому радже княжества Гауд. Шевалье же требовал от него решительных действий в пользу Франции. Наконец после длительных переговоров Мадеку удалось договориться с всемогущим тогда в Дели Наджеф-ханом о джагире в районе Агры.

Вскоре возник план, который, по-видимому, принадлежал Шевалье, — создать новый район, подобный Северным Сиркарам Бюсси. Этим районом оказалась провинция Таттха на реке Инд, на северо-западе полуострова Индостан. Ни французский двор, ни Наджеф-хан, ни власти Пондишери особенно не стремились осуществлять проекты Шевалье. В своих письмах к французским чиновникам Мадек не забывал указывать, что именно он является главным инициатором проекта предполагаемого субсидиарного договора. В его письмах содержатся довольно подробные описания области, расположенной в предельно удаленном от англичан месте. Без сомнения, Мадек мечтал о том, что он — безвестный бретонский моряк — приедет во Францию полномочным послом Великого Могола.

Проект остался на бумаге: инертный генерал-губернатор Пондишери Ло и его деятельный преемник Белькомб не поддержали планы Шевалье и Мадека. Тем временем отношения между Мадеком и Наджеф-ханом окончательно испортились, особенно после того, как на территорию джагира французского наваба вторглись

рохиллы и захватили его гарем, что, как известно, являлось глубоким позором. Наджеф-хан более не скрывал своего презрения к командиру иноземных наемников, и Мадек решил покинуть Дели. Он попросту бежал, поступил на службу к радже Гауда, где пробыл недолго, и вскоре появился в Пондишери. В это время война с англичанами была в самом разгаре. Не успел Мадек прибыть в распоряжение генерал-губернатора Белькомба, как стало известно, что шесть тысяч солдат и сипаев двигаются из Мадраса к Пондишери. Вновь началась осада. Французский генерал-губернатор располагал лишь 400 солдатами и двумя сотнями сипаев, однако сдался не сразу. Мадек в качестве капитана принимал самое активное участие в обороне города и многих смелых вылазках — военный журнал генерал-губернатора пестрит сообщениями о его подвигах.

Положение Пондишери было безнадежным. 18 октября 1778 года город капитулировал, и Мадек, как и другие пленные офицеры Компании, дав слово никогда более не обнажать шпагу против армии его величества короля Британии, отплыл во Францию. В кармане его камзола лежало письмо генерал-губернатора Белькомба, в котором содержалась самая блестящая характеристика Мадека.

В Версале Мадека встретили как героя и победителя, возвели в дворянское достоинство, наградили крестом святого Людовика и дали чин полковника. Французский двор, который отправил в Бастилию Лабурдонне, сместил Дюплекса, долго не замечал Бюсси и осудил на смерть Лалли, высоко оценил «заслуги» Мадека. Кавалер и полковник удалился в Бретань, где, купив небольшое поместье, зажил, как дворянин. В 1784 году он был убит на дуэли.

Другого француза, состоявшего на службе у Великого Могола, звали Модав. Это был встречающийся во все времена тип Дон-Кихота: человек храбрый, бескорыстный, непрактичный и безалаберный. Выходец из знатной, но разорившейся семьи, он в 16 лет поступил на военную службу. В 1757 году 27-летний граф, офицер, уже имевший военный опыт, заслуги и ордена, отправился в составе армии Лалли в далекую Индию. Он многим отличался от своих спутников. Если их звали в Индию мечта о легкой наживе, о будущем богатстве, то Модав стремился увидеть новое и необычное и при-

нести пользу Франции. При штурме форта св. Давида у Куддалура Модав отличился, Лалли произвел его в полковники и направил на оборону Карикала. Вскоре Модав оказался во Франции. Известно, что он составил докладную записку на имя первого министра Шуазеля; в ней он резко критиковал Лалли.

Через некоторое время Модав вновь в Индии. Здесь он увидел мрачную картину. Пондишери был захвачен и разрушен. Все французы считали положение безнадежным, но Модав горел желанием действовать и мечтал объединить против англичан основные силы Южной Индии: низама, правителя Майсура Хайдара Али и раджу Танджура. Никто из крупных феодалов не поддержал его, только правитель Мадуры Мухаммад Юсуф согласился поднять мятеж против английского ставленника Мухаммада Али. Правда, вскоре этот мятеж был подавлен, а местные власти французской Компании подозрительно косились на Модава. Обиженный граф уехал на родину. В Париже он осаждал чиновников, выдвигая свои колониальные проекты, завязал переписку с Вольтером и Монтескье. Не в силах долго усидеть во Франции, он принял участие в экспедиции на Мадагаскар и одно время являлся губернатором острова, однако разделил судьбу многих своих предшественников на этом поприще: был вынужден покинуть Мадагаскар в результате полного запустения французской колонии. Во Францию Модав не вернулся, а в третий раз направился в Индию. Здесь он (в 1773 году) узнал, что Мадек — важная персона при дворе Великого Могола. Граф, финансовые дела которого были полностью расстроены, также мечтал о службе у императора Индии, одновременно его не оставляли честолюбивые замыслы о победе над англичанами.

В Дели Модав прибыл в 1775 году. Первое время он восхищался Мадеком и полностью доверял ему. Мадек же, быстро поняв, что граф может быть ему полезен, устроил ему аудиенцию у императора, предложил написать несколько писем в Версаль. Модав исполнял все требования Мадека и был полон энтузиазма. Но все, что Модав видел, заставляло его задумываться. Граф писал в своем дневнике: «Он (император) содержится в такой нужде, что это переходит все границы...» Еще больше удручала Модава жизнь императорского потомства и родственников Шаха Алама: «В крепости Дели

проживают более 80 „пленных“ шах-заде, многие с женами и детьми. Большинство из них имеют лишь рупию в день на содержание, некоторые три... Все эти принцы императорской крови очень нуждаются: деньги, предназначенные для их содержания, не всегда выплачиваются».

Истинный хозяин Дели — Наджеф-хан не доверял Модаву так же, как и Мадеку. Практичный Мадек отлично понимал, насколько несерьезны шансы Модава. Особенно в связи с усилившейся внутренней борьбой в Дели между Наджеф-ханом и его врагом Абдуллою-ханом. Возможно, сын нищего моряка Мадек всегда питал тайную антипатию к аристократу Модаву, и когда выпал случай, он сыграл с ним злую шутку. При очередной встрече двух французов Мадек объявил, что уезжает из Индии на родину и оставляет своему соотечественнику батальон с артиллерией. Модав ликовал. В Дели этот батальон мог стать ядром большой армии. Получив батальон сипаев, он стал активно его готовить к будущим боям. Неожиданно явился Мадек и потребовал батальон обратно. Модав мог только негодовать. Отныне для него Мадек — лишь наглый грабитель, заботящийся о своем богатстве и заслуживающий презрения.

Мадек увел свой батальон в Гауд, а Модав, полностью разочарованный и озлобленный, отправился в Декан (несмотря на обещание Наджеф-хана дать ему джагир). В Декане он последний раз попытался стать наемником, возглавить отряд у низама, впрочем безуспешно. Вскоре он заболел, переехал в Масулипатам, где и умер в 1774 году.

Так жизнь свела пути простого бретонского моряка и родовитого аристократа. Один не получил никакого образования, другой был знаком с Вольтером, Монтескье, дружил с Бернарденом Сен-Пьером и сам проявил себя блестящим стилистом. Но лукавый бретонец Мадек знал Индию лучше, оценивал события реалистичнее и поэтому оказался более удачлив.

Наиболее законченным авантюристом при делийском дворе был человек по прозвищу Сумру (sombre «мрачный»). В Европе его звали Вальтер Рейнхард. Уроженец Эльзаса, он с детства бродяжничал, скитался в поисках приключений по ярмаркам и на одной из них завербовался во французскую армию. Вскоре начался

Семилетняя война. Солдатская служба Рейнхарту быстро надоела, и после разгрома французской армии при Рейнберге он бежал в Голландию. Слоняясь по набережным Амстердама, он слышал рассказы матросов об Индии, о ее сказочных богатствах. Бывший солдат раздумывал недолго, через несколько дней он уже плыл в Индию. В Негапатаме, одной из главных голландских колоний, Рейнхарт стал писцом. Однообразная работа за конторкой не понравилась искателю приключений, он бежал из голландской колонии и явился в Пондишери. Это было незадолго до прибытия Лалли, и, хотя генерал-губернатору Лейри он показался подозрительным, выбирать не приходилось.

Рейнхарта зачислили сержантом на службу французской Компании, он дезертировал и вскоре появился с отрядом в Бенгалии, где оказался участником последней серьезной попытки изгнать англичан, окончившейся неудачей в 1763 году. В составе армии бенгальского наваба Мир Касима насчитывалось несколько отрядов европейских наемников. Наиболее жестоким из командиров был Рейнхарт. Его свирепый вид внушал ужас врагам и подчиненным. Именно в это время он получил кличку «мрачный». Индийцы произносили это французское слово как «сумру». Под этим прозвищем эльзасский авантюрист и вошел в историю.

На первых порах Мир Касиму удалось одержать победу. Англичане были изгнаны из города Патны. Но его армия состояла в основном из необученных людей. А Сумру и его наемники отнюдь не стремились рисковать жизнью и при первой же неудаче отступали. Зато Сумру оказался тем человеком, который охотно согласился выполнить приказ Мир Касима расстрелять военнопленных англичан.

Мир Касим потерпел окончательное поражение и вынужден был покинуть Бенгалию. В 1764 году, когда объединенные войска императора Шах Алама, наваба Луда и наваба Бенгалли были разбиты при Буксаре, Сумру со своим отрядом двинулся на север страны. Там он вскоре поступил на службу к Наджиб-уд-доуле, который выделил ему джагир, превратившийся затем в независимое государство. Сумру и его друзья — разноплеменные головорезы: французы, немцы, англичане, ирландцы — стали набирать собственных сипаев. Сюда стекались все, кто хотел жить грабежом. Сумру орга-

низовывал разбойничьи набеги на джатов, сикхов и раджпутов. Сумру не любил длительных битв, как только он встречал серьезное сопротивление, немедленно отступал. Его солдаты интересовались только жалованьем и не желали умирать за интересы тех, кто их нанимал. Банда Сумру стала силой, с которой вынуждена была считаться вся Северная Индия.

В своих путевых записках Модав оставил интересный портрет этого отчаянного и жестокого человека. «Сумру 62 года. Лицо его красиво, на нем следы ума, чувственности. Его речь проста и рассудительна, хотя он постоянно перемежает слова с солдатскими вольностями. Он настолько овладел манерами и нравами могольских вельмож, что многие уверены, что он родился в Индии. Сумру говорит почти на всех европейских языках и индийских наречиях, но не умеет ни читать, ни писать. Однако он ведет обширную переписку». Модав сообщает и о военном лагере авантюриста, находившемся в отличном порядке. Сумру жил как восточный деспот, у него был свой гарем. Его богатство оценивалось по меньшей мере в 4 миллиона ливров. Этот человек, который достиг всего, чего желал, не казался счастливым. Он страдал неврастенией. Мания преследования и чудовищная скупость сплелись в один недуг. Он не находил ни минуты покоя, так как его отряды могли в любой момент взбунтоваться. Правда, болезнь не мешала ему держать в страхе 3500 наемников — топасов и сипаев. Болезнь прогрессировала, и 6 мая 1778 года он умер от кровоизлияния в мозг. Его похоронили недалеко от Агры.

Перед смертью Сумру завещал все владения малолетнему сыну Вальтеру-Бальтазару. Но солдаты и сипаи объявили правительницей Бегум (госпожу) — одну из жен Сумру, бывшую баядерку. Зейб-ун-нисса происходила из разорившегося персидского рода, писала по фарси, Сумру женился на ней по мусульманскому обряду. При Бегум банда Сумру не распалась, в ней появлялись все новые и новые искатели приключений. Отряды Бегум участвовали в сражениях с войсками предводителя рохиллов Гуляма Кадира, того самого Гуляма Кадира, который несколько раз нападал на Дели, а в 1788 году ворвался во дворец Шах Алами и, требуя выдачи сокровищ, сам ослепил императора. Трудно сказать, насколько Бегум помогла императору.

но Шах Алам признал ее законной правительницей княжества и наградил знаком высокого отличия — «Золотой змеей». Мусульманка Зейб-ун-нисса приняла христианство и получила имя Бегум-Иоанна. По-видимому, этот шаг был сделан для того, чтобы вызвать симпатии наемников-европейцев. Вдова Сумру была властной и жестокой правительницей, она нередко сопровождала свои войска в бой, наблюдая за сражением из паланкина.

В 1787 году в ставке Бегум появился некий Джордж Томас, которого впоследствии называли ирландским раджей. Он родился в североирландском городке Типперэри в 1756 году в бедной семье. Как и многие его французские «коллеги», он не получил никакого образования, завербовался во флот, бежал с корабля в Индии и стал «джентльменом удачи». Сначала занимался просто разбоем, затем служил в войсках низама артиллеристом. Наконец судьба привела его в лагерь Бегум, здесь Томас быстро выдвинулся на первые роли и получил большой джагир. Вскоре он поссорился с главным фаворитом Бегум — французом Вассу. Сохранилось несколько версий рассказа об их столкновении. Приведем одну из них.

Выбрав удобное время, Томас поднял преданных ему солдат и сипаев. Бегум и Вассу бежали из дворца, мятежники устремились за ними. Вассу с верными людьми отбивался от преследовавших его сипаев Томаса. Выглянув из паланкина и увидев, что ее возлюбленный окружен со всех сторон врагами, Бегум решила покончить с собой и ударила себя кинжалом в грудь. Между тем сипаи, окружавшие Вассу, боялись причинить вред фавориту. Воспользовавшись их нерешительностью, он вырвался из кольца и подъехал к паланкину. Найдя свою покровительницу в крови, он в отчаянии выхватил пистолет и выстрелил себе в висок. Мятежники осмелели. Они поволокли паланкин, осыпая свою бывшую госпожу угрозами и оскорблениями. В лагере было полное замешательство. Вальтер-Бальтазар, сын Сумру, не имел никакой власти. При виде раненой Бегум некоторые офицеры возмутились, и швейцарец Солер, собрав верных людей, бросился на тех, кто готовился расправиться с ней на площади. Перед дворцом начался настоящий бой. Дело решил главный заговорщик — Джордж Томас, которому с небольшим отрядом солдат

удалось отогнать мятежников от паланкина. Жизнь Бегум была спасена. Офицеры, собравшись на совет, вновь признали ее власть. Солер стал главным фаворитом, все офицеры принесли ему присягу. Джордж Томас в награду за то, что в последний момент спас жизнь правительницы, получил в наложницы самую красивую одалиску из гарема Сумру, продолжавшего существовать и при Бегум. Наследник Вальтер-Бальтазар был выслан в Дели, где и умер в 1803 году.

Бегум процарствовала в своем навабстве до 1836 года. Она умерла в 86-летнем возрасте, пережив многих своих фаворитов. Для видевших ее путешественников она в последние годы жизни была как бы живой историей. Даже в 20-х годах XIX века они отмечали следы ее былой красоты; всегда при ней находился новый фаворит. В 1830 году им был австрийский авантюрист Регебрус, занимавший посты главного советника и министра юстиции. Французский путешественник Виктор Жакмон посетил престарелую правительницу за четыре года до ее смерти. В своем дневнике он записал: «Я завтракал и обедал со старой колдуньей и даже поцеловал ей руку. Обед проходил по истинно английскому образцу. Старая разбойница, дряхлая, сморщенная, как сухой изюм, напоминала движущуюся мумию, но это не мешало ей быть занятой делами: шесть секретарей во время обеда без конца докладывали ей новости и получали приказания. Только четыре года тому назад она приказала привязать к пушкам и разорвать снарядами нескольких неугодных ей министров».

После смерти Бегум значительная доля ее богатства досталась ее последнему фавориту, британскому офицеру. В своем завещании Бегум-Иоанна предусмотрела много пожертвований католической церкви, в том числе 150 тысяч рупий римскому папе. В Риме в память о ней отслужили торжественную мессу.

Среди искателей приключений в Индии встречались и люди иного склада — например, уже известный читателю полковник Жантиль, бывший офицер Бюсси, долго служивший субадару Ауда и оставивший интересные воспоминания о своем пребывании в Индии.

Жантиль родился в 1726 году, он принадлежал к обедневшему дворянскому роду. Подобно многим розоренным дворянам, Жантиль избрал военную карьеру. Несколько лет службы в провинциальном гарнизоне

заставили молодого офицера без денег и без связей понять, что ему предстоит безрадостная судьба незаметного служаки, если он резко не изменит свою жизнь. В 1752 году Жантиль отплыл в Индию в качестве младшего лейтенанта войск Компании. Свою службу в Индии он начал под командованием Бюсси в Декане. Жантиль во многом подражал Бюсси, изучал местные языки, старался понять обычаи. Однако он не обладал военными и дипломатическими талантами своего командира. Исполнительный офицер был направлен в Пондичери для связи с колониальной администрацией.

В 1757 году Жантиль оказался в Шандернагоре. Здесь наступили для французов мрачные дни. Англичане вытеснили французов из Бенгалии, Шандернагор пал. Жантиль с небольшой группой французов стал искать прибежища у индийских князей. В конце концов он поступил на службу к Гурген-хану (Григору Арутюняну), главному советнику бенгальского наваба Мир Касима. Гурген-хан, выходец из армянской купеческой семьи, проявил себя энергичным политическим деятелем. За короткое время он сумел создать большую армию, пригласил на службу ряд способных военачальников-армян. Сюда же стекались многие европейцы; кроме Жантиля здесь находился и Сумру. Армянский историк XVIII века Товмас Хожджаманян сообщает, что многочисленные армянские купцы и ремесленники оказывали большую помощь армии Мир Касима. В 1763 году Мир Касим сумел нанести поражение англичанам и вновь захватить один из главных бенгальских городов — Патну, несколько солдат и чиновников Ост-Индской компании попало в плен.

Жантиль, весьма сдержанный в своих оценках, с большой симпатией пишет о Гурген-хане. «Справедливый, великодушный, честный, энергичный (честность его была доказана неоднократно), он все усилия направлял на пользу наваба и его подданных. Он был прост в обращении, скромнее в одежде, умерен в еде. Все в нем обнаруживало человека достойного, доброго и бескорыстного».

У Гурген-хана было много врагов, которые натравливали на него не всегда решительного Мир Касима. Возможно, и английские лазутчики в лагере бенгальского наваба распространяли различные слухи. За Гурген-ханом стали охотиться наемные убийцы, и однажды,

когда он в сопровождении Жангиля и двух слуг шел через военный лагерь одного из джагирдаров Мир Касима, несколько воинов вышли из шатров и окружили советника наваба. Сначала разговор носил довольно мирный характер. Жангиль (он один из спутников Гурген-хана был вооружен), желая спрятаться от палящего солнца под дерево, отошел шагов на пятьдесят. Внезапно могольские воины напали на Гурген-хана. Жангиль бросился на помощь, но убийцы скрылись. Смертельно раненный Гурген-хан лежал на земле.

Вскоре Мир Касим бежал из Бенгалии, полновластными хозяевами которой стали англичане. Сумру уехал на север, а Жангиль поступил на службу к соседнему навабу Ауда. Почти десять лет французский офицер командовал войсками Ауда. Затем он отправился в возвращенный французам Шандернагор, где находился до 1778 года, а после вторичного падения города возвратился во Францию.

На родине Жангиль жил незаметно; в отличие от Мадека и многих других авантюристов он не вернулся из Индии богатым человеком. В 1778 году, накануне французской революции, о нем вспомнили. Во Францию прибыло посольство сына Хайдара Али Типу Султана, и понадобился переводчик. В своих мемуарах Жангиль подробно описал пышную встречу, устроенную Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой экзотическим гостям, — одно из последних беззаботных празднеств французского двора. Умер Жангиль в 1799 году.

Главной жизненной целью большинства авантюристов было быстрое обогащение. И действительно, многие из них наживали громадные состояния. Так, действовавший в 90-х годах авантюрист Перрон за 13 лет накопил 132 лакха рупий, правда, во Францию ему удалось вывезти меньшую часть, но после его смерти состояние его оценивалось в 15 миллионов франков. Луи Буркьен, менее известный наемник, привез во Францию не меньше денег, чем первый. Другой офицер в Индии, де Буань, собрал 32 лакха за семь лет. Ему принадлежит фраза: «Если командир наемников не сможет скопить 8 лакхов, значит, он идиот или горький пьяница».

Многие искатели приключений не были похожи ни на злодея Сумру, ни на добросовестного Жангиля. Большинство из них напоминало Мадека — типичного французского авантюриста в Индии.

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЮССИ

Французская придворная камарилья с полным безразличием относилась к созданию британской колониальной империи в Индии. Последний ставленник маркизы Помпадур, интриган и завсегдатай парижских салонов, герцог Шуазель, добившись первого поста в государстве, сумел вскоре освободиться от опеки стареющей фаворитки. Но уменьшение влияния, а затем смерть маркизы Помпадур ничего не изменили во Франции второй половины XVIII в. Людовик XV, почти безразличный к государственным делам своей страны, был далеко не безразличен к своим правам абсолютного монарха. По его твердому убеждению, первый министр являлся лишь исполнительным слугой, а не политическим деятелем. Шуазель, несмотря на свои способности придворного, обладал большим честолюбием, его излишняя самостоятельность раздражала короля. И только остроумная лесть Шуазеля помогала ему в течение более чем десяти лет побеждать раздражение Людовика XV.

Внешнеполитическая линия Шуазеля состояла в стремлении создать коалицию из Испании, Австрии и Франции против Англии, Пруссии и России. После поражения Франции в Семилетней войне этот министр стал готовиться к будущим морским сражениям с Англией. Он заботился о строительстве новых кораблей. В 1770 году Шуазель получил отставку. Новая фаворитка — мадам дю Барри содействовала приходу к власти аристократической клики во главе с герцогом Энгильоном и Мопу. Последние четыре года правления Людовика XV во внутренних и во внешних делах страны царил полная вакханалия. Вся Франция вздохнула при известии о смерти короля, которого официально именовали Людовиком Любимым.

Новый король, Людовик XVI, пытался начать свое царствование с реформ. Недаром первым генеральным

контролером стал известный экономист и просветитель Тюрго. Но, как и его дед, король был крайне непоследователен в своих решениях. Слабохарактерный монарх всегда поддавался влиянию властной и капризной Марии-Антуанетты, которая выступала опорой дворянской реакции. Стоило Тюрго затронуть интересы дворянства и двора, а Мальшербу, министру внутренних дел, попытаться ослабить полицейский гнет, как началась их ожесточенная травля. Окружение королевы негодовало. Спустя два года, в 1776 году, и Тюрго и Мальшерб были отстранены. На смену Тюрго пришел Неккер, более осторожно проводивший политику своего предшественника. Ему удалось продержаться на посту генерального контролера целых пять лет. Менее заметной фигурой среди новых людей Людовика XVI был граф Сартин, бывший начальник полиции Парижа. Он стал морским министром, решительные действия которого сразу вызвали ненависть аристократии. Усиление военного флота, укрепление колоний стало его главной целью. Новый министр стремился привлечь способных людей во флот, часто производил в офицеры лиц незнатного происхождения. Королевский флот был традиционной крепостью аристократии, и если матросов порой набирали из каторжников и преступников, то офицеры, особенно высшие, принадлежали, как правило, к родовитому дворянству.

Несмотря на отчаянное сопротивление морского офицерства «голубой крови», Сартину удалось удержаться на посту министра на несколько лет дольше, чем Тюрго. Война за независимость в Северной Америке, начавшаяся в 1776 году, породила смелые замыслы у многих французских политиков. Сартин был одним из них. Теперь, считал он, можно покончить с британским владычеством в Индии.

Наиболее воинственные круги во Франции, ссылаясь на шотландское происхождение Ло, тогдашнего генерал-губернатора Пондишери, обвиняли его в бездействии и даже в предательстве. Последнее обвинение было несправедливо.

В 1777 году Сартин отстранил Ло и назначил на его место Белькомба, имевшего репутацию храброго и решительного человека. Однако одних этих качеств было недостаточно. Белькомб не знал Индии. Прибыв в Пондишери, новый генерал-губернатор попытался навести

порядок в городе, поскольку Ло в последние годы губернаторства проявлял полную беспечность. Белькомб начал восстанавливать пришедшие в полный упадок городские укрепления. Напрасно он писал Сартину донесения с просьбой выделить 2 миллиона ливров. Министр прислал лишь 400 тысяч.

Между Сартином и Белькомбом стал Бодуэн — начальник индийского бюро морского министерства. Равнодушный чиновник, не желавший беспокоить своего министра индийскими делами по каким-то для него, Бодуэна, высшим соображениям, он хладнокровно отправлял в архив донесения и докладные записки тех немногочисленных французских офицеров, чиновников и путешественников, которых действительно занимала судьба Индии. Сотни подобных ему чиновников разных рангов сводили на нет стремления Белькомба и других изменить положение в Пондишери и в иных индийских колониях Франции.

Сартин вспомнил о Бюсси, который многие годы был совершенно забыт. О его жизни в период между процессом Лалли и войной за независимость абсолютно ничего не известно. Возможно, маркиз уединенно жил в своем замке. Первое письмо Бюсси в морское министерство (по-видимому, ответ на просьбу принять участие в новой экспедиции) весьма пессимистично. Он не видел реальных возможностей изменить положение в Индии. В 1777 году в министерстве колоний лежали десятки проектов изгнания англичан с субконтинента. Губернатор Шандернагора Шевалье, Модав, Ло и десятки других лиц присылали свои предложения, часто совсем разные, многословные, неконкретные.

Сартин обратился к Бюсси и спросил совета у него. Бюсси быстро откликнулся, написав мемуар «Рассуждение о состоянии дел в Индии». Он высказался за союз с самым непримиримым врагом англичан в Индии — Хайдаром Али, которого помнил еще простым командиром наемников майсурского раджи и первые шаги продвижения которого наблюдал. Бюсси считал необходимым создать коалицию между Хайдарабадом, Майсуром и маратхами. Что касается захвата Бенгалии или использования Великого Могола, то эти планы Бюсси считал нереальными, ибо в Бенгалии позиции англичан были очень прочны, а Шах Алам представлял собой марионетку.

Мемуар свидетельствует, что Бюсси внимательно следил за состоянием дел в Индии. Вероятно, этот доклад сыграл свою роль, и Бюсси назначили командующим экспедиционным корпусом в Индии. Сменивший Сартина маршал де Кастри был инициатором назначения. Сам Бюсси (сохранился путевой дневник, где довольно подробно записаны его впечатления), узнав о предполагаемой экспедиции, проявил большую озабоченность. Коалиция между индийскими феодальными государствами казалась трудно достижимой. Несмотря на то что Англия была отвлечена войной на Североамериканском континенте, в Индии находилось много британских войск и 70 тысяч сипаев. Нужно было располагать по крайней мере девятью тысячами солдат, а министр колоний дал лишь шесть тысяч. Бюсси открыто заявил, что не может взять на себя полную ответственность. С такими силами, по его мнению, можно было лишь удержать Пондишери.

Отправляясь в Индию, Бюсси не рассчитывал на особенно широкие перспективы. Его путевой журнал не содержит никаких благоприятных прогнозов. Экспедиция началась неудачно, жестокая эпидемия цинги вывела из строя половину экипажа, умерло 500 человек. Остальные были совершенно небоеспособны. Бюсси остановился на острове Иль-де-Франс, где заменил половину солдат. Внезапно из Парижа пришло письмо от графа де Кастри. Этот маршал Франции и герой Семилетней войны, человек заслуженный и преданный королю, как министр колоний во многом уступал рассудительному Сартину. В письме содержалось абсурдное предписание двигаться к Калькутте, идти на захват Бенгалии, в то время как Наджеф-хан — военачальник Могола — должен был пойти со своим войском на Бенарес. Видимо, какой-то из докладов шандернагорского губернатора Шевалье или один из проектов Мадека попался на глаза графу.

Отправиться в Бенгалию означало погубить всю армию, и Бюсси продолжал готовиться к отплытию. В это время были получены известия о победах Сюффрена над английским флотом. Не обращая внимания на приказ из Версаля, Бюсси решил плыть к Карнатику и объединиться с Хайдаром Али. Покидая Маскаренские острова, Бюсси записал в своем журнале: «В настоящее время дух наживы и грабежа очень силен. Все сословия

и люди здесь заражены пагубной манией быстрого обогащения любыми путями. Чтобы лучше управлять страной, следует изменить нрав колонистов и побудить их заниматься сельским хозяйством. Необходимо выгнать всех мятежников и интриганов, которые здесь в огромном количестве, а также пресечь различного рода растраты, которые принимают все более скандальный характер. Нужно, наконец, упростить чрезмерно сложную администрацию. Тяжело видеть простых служащих казначейства и кассиров, возвращающихся во Францию с двумя или тремя миллионами франков».

18 декабря 1782 года Бюсси отплыл из Порт-Луи к берегам Индии. Соединившись с Сюффреном у Малабарского побережья, Бюсси решил высадиться у Куддалура. Уже от Сюффрена он узнал неприятную для французов весть о смерти Хайдара Али. Однако вскоре выяснилось, что Типу Султан достоин своего отца. Положение стало серьезным; англичане имели вдвое больше сил. Да и Бюсси теперь был на 20 лет старше. Тяжелое путешествие утомило бывшего покорителя Декана. Прежняя выдержка и хладнокровие теперь порой ему изменяли. Представления 30-летней давности часто заслоняли действительную картину. Он более склонялся к союзу со старым знакомым Низамом Али, чем с сыном «узурпатора» Типу Султаном. И только обстоятельства заставили маркиза заключить союз с правителем Майсура.

В свое время Хайдар Али был недоволен французами. Он требовал от Белькомба проведения крупных военных действий, а губернатор Пондишери не располагал для этого серьезными средствами, хотя и обещал помощь. Губернаторы отдельных колоний (Маэ, например) часто конфликтовали с Хайдаром Али, и последнее обстоятельство увеличивало подозрительность майсурского полководца. Непостоянство французских мелких авантюристов вызывало у Хайдара Али гнев. Швейцарец Лалле со своим отрядом тайно покинул лагерь майсурского правителя и отправился на службу к Басалат Джангу.

Как же развивались события до присада Бюсси? Белькомб пытался укрепить Пондишери. Однако ров не был дорыт до конца, насыпь и стены недоделаны. Закончить земляные и строительные работы не удавалось: не хватало денег. Напрасно Белькомб писал в Версаль,

что Пондишери открыт с нескольких сторон для неприятеля. Его просьбы попадали в архив. В августе 1778 года английские войска подошли к городу, их было в пять раз больше, чем французов. Белькомб не испугался, он мобилизовал население на строительство бастионов. В это время в Пондишери появился Мадек, который организовывал вылазки. Но перевес противника был слишком велик, французский флот не принял сражения.

Новая война сразу привела к потере многих французских колоний. Шандернагор, детище Дюплекса, вновь сдался без боя. Губернатор Шевалье, бежавший из города, был вынужден искать пристанища и сразу же попал в плен. Последнюю надежду жители Пондишери возлагали на свой флот. Действительно, эскадра французского адмирала Тронжоли значительно превосходила силы англичан. Белькомб, чтобы поднять настроение в городе, громогласно заявил о победе французов в морском сражении. Был даже заранее отслужен благодарственный молебен. Но адмирал Тронжоли, подобно многим своим предшественникам, уклонялся от рискованных сражений. Наконец 20 июля подошла английская эскадра. Город замер в ожидании, все готовились увидеть величественное зрелище — морской бой недалеко от города. Наступила ночь. Утром Белькомб, выйдя на веранду губернаторского дворца, не увидел ни одного французского военного корабля. Он отбросил лорнет, схватил самую большую подзорную трубу. Корабли исчезли. Оставалось лишь надеяться, что битва идет где-то вдали. Но это была напрасная надежда.

Английский морской десант мог почти беспрепятственно захватить незащищенное побережье. Англичане медленно, но упрямо усиливали свое давление, их бомбардировки становились все опаснее. Осколок снаряда ранил, правда не опасно, Белькомба. 13 октября началось генеральное наступление на Пондишери. К вечеру главный ров, опоясывавший город, был взят. 15 октября англичане находились в 30 метрах от последней линии обороны. Белькомб 16 октября собрал военный совет, который принял решение о капитуляции. 18 октября 1778 года англичане вошли в город. Все офицеры и солдаты-европейцы были отправлены в Мадрас.

Среди осажденных в Пондишери находился человек, чье имя приобрело большую известность в период

французской революции, — граф Барра, впоследствии глава Директории, стоявший во главе французского правительства с 9 термидора до 18 брюмера. На склоне лет Барра написал мемуары, в которых много страниц посвятил своей ранней молодости, в частности пребыванию в Индии.

Капитуляция Белькомба не была позорной, ибо осажденные несколько месяцев противостояли 22 тысячам осаждавших. Впрочем, во время осады около 7 тысяч английских солдат погибли. Главной же причиной второго падения Пондишери явилось бесспорное превосходство английского флота. Со времен Лабурдонне французам не удавалось одержать здесь ни одной серьезной победы. Прошло почти сорок лет. Д'Аше, Тронжоли и другие французские адмиралы не решались вступать в бой с английскими кораблями даже в самых выгодных условиях. Французские фрегаты отваживались топить лишь торговые корабли. Кроме того, несмотря на стремление Сартина сломить независимость флота Бурбонов, королевские адмиралы и капитаны по-прежнему считали себя не связанными в своих действиях с сухопутными силами. Именно в это время во Франции появился человек, которого многие авторы объявляют родоначальником новой военно-морской тактики — маневренного боя и предшественником Нельсона, — Сюффрен.

Эскадра Сюффрена, прибывшая к берегам Индии, насчитывала 12 кораблей, многие из них были спущены на воду сравнительно недавно. До своего появления в Индии, в начале 1782 года, Сюффрен одержал у берегов Африки несколько побед над англичанами. Хайдар Али, не получавший реальной помощи от французов, после прибытия Сюффрена стал добиваться с ними союза. Правитель Майсура и французский адмирал несколько раз встречались. Казалось, против англичан образовалась коалиция: французы, Хайдар Али и голландцы, выступившие в последней войне союзниками французов. Впрочем, голландцы были слишком малочисленны, а Хайдар Али опасался усиления Франции в Индии.

Сюффрен охотился за эскадрой английского адмирала Хьюза и на протяжении 1782 года выиграл у берегов Индии четыре морских сражения, но окончательно разбить англичан не смог: они уходили от решающего боя.

Зато французский флот после почти 40-летнего перерыва господствовал в этом районе.

В Карнатике шла жестокая война между Хайдаром Али и англичанами. Взятие майсурцами Куддалура позволило Сюффрену иметь постоянную морскую базу на Коромандельском побережье. Однако армия Хайдара Али проиграла несколько сражений английским войскам, которыми командовал известный военачальник генерал Кут.

16 марта 1783 года Бюсси прибыл на Коромандельское побережье и высадился в районе Куддалура. Он действовал в контакте с Сюффреном. Страна оказалась полностью разорена английскими и французскими войсками, армией Хайдара Али. Многолюдные базары превратились в обугленные руины. Не хватало скота для перевозки транспорта, не было средств. Проводить военные маневры стало намного сложнее. Да и сам Бюсси постоянно недомогал. Барра и граф Ламарк — наиболее известные мемуаристы, бывшие в экспедиции Бюсси, рисуют образ кокетливого старика, больше заботящегося о своих камзолах и париках, чем о нуждах армии. Как отличался от этого галантного, надушенного, напудренного аристократа, старающегося увильнуть от дел, адмирал Сюффрен, который был на девять лет моложе Бюсси: его мужественная фигура, обветренное, решительное лицо бойца внушали страх и уважение. Барра сообщает, что дряхлый аристократ Бюсси знакомил офицеров пехоты с подлинным «сыном народа» Сюффреном. Следует заметить, однако, что Барра, в молодости аристократ и бретер, затем ярый якобинец, затем термидорианец и глава Директории, писал свои мемуары спустя многие годы, в полной неизвестности. Поэтому, быть может, под его пером воспитанность Бюсси превратилась в карикатурную галантность, верность моде своего поколения — в смешное щегольство, а тактичное отношение к Сюффрену — в неуместное заискивание, болезнь и усталость — в лень и т. д.

Бюсси всегда проявлял себя приверженцем сохранения на тронах в Индии существовавших династий и поэтому отрицательно относился к возвышению Хайдара Али. В своем дневнике он писал о Хайдаре Али и о его сыне Типу Султане: «Эти два разбойника и тирана из-за своего происхождения и поведения не имеют никаких прав на соглашения с Отечеством. Все в Индии, от

принцев и до неприкасаемых, смотрят на них с ужасом. Союз с Хайдаром Али и с Типу может лишь оттолкнуть от нас других индийских государей. Более достоин для французского короля союз с субабом Декана Низамом Али». Тем не менее, оставаясь верным своему политическому рационализму, Бюсси послал представителей к правителю Майсура. Хайдар Али ласково принял послов знаменитого покорителя Декана, о подвигах которого пели песни бродячие певцы. Внезапная смерть Хайдара Али временно прервала переговоры, но вскоре они возобновились, хотя Типу Султан питал законное недоверие к европейцам. Бюсси убедился, что Низам Али и маратхи менее способны быть союзниками французов, чем Типу.

Несмотря на то что маратхи подписали с французами договор о взаимопомощи (переговоры с французской стороны вел полудипломат-полуавантюрист Сен-Любен), а связи с Низамом Али были давние, Бюсси не удалось их объединить с Типу Султаном. Ни Низам Али, ни маратхские феодалы не желали в это время образовывать союз с Майсуром против англичан. Настоящей коалиции не получилось.

Тем временем англичане бросили против Бюсси всю мадрасскую армию. Она двигалась к Куддалуру, где находилась ставка Бюсси. Бюсси стал со своим войском на правой стороне реки Понниар, которая почти три четверти года, исключая сезон дождей, была пересохшей и представляла собой просто ручей, окаймленный с обеих сторон широкими полосами вязкого песка. Только для артиллерии это пространство было непроходимым и во время засухи.

Английским отрядом должен был командовать генерал Кут, который 22 года назад взял в битве при Вандеваше Бюсси в плен. Но двум старым противникам не удалось встретиться на поле боя. Кут погиб на пути из Калькутты в Мадрас при нападении на его корабль французских судов. 21 мая Стюарт, новый командир английских войск мадрасского президентства, двинулся на юг.

Положение французского командующего осложнялось нехваткой продовольствия. Не было быков и лошадей, и орудия приходилось перетаскивать людям. Бюсси потерял свою обычную сдержанность и осторожность. По его приказу по всем районам, где находились

французские войска, реквизировали скот, что вызывало возмущение индийцев.

Тем временем бригадир Стюарт с армией, в пять раз превышавшей войско Бюсси, двигался по дороге к Куддалуру. Правда, Типу Султан прислал вспомогательные войска, но их командир Саид Сахиб держался довольно осторожно, и французский командир на них твердо не рассчитывал. Он посылал письмо за письмом Сюффрену, прося находящегося на Цейлоне адмирала как можно скорее прибыть к Куддалуру.

Армии у Куддалура находились на расстоянии только 2 лье (три километра) одна от другой. Река Понниар фактически не служила препятствием, Стюарт решил ее перейти в наиболее удобном месте и обойти Куддалур с юга. Бюсси, не имея собственной кавалерии, не решился атаковать неприятеля и вынужден был отойти со своими войсками на новую позицию.

Англичане получили еще подкрепление — 700 человек отборных солдат. Их перевес стал более заметен. Ночью они захватили важный плацдарм, и французская армия оказалась в невыгодном положении.

13 июня 1783 года в 4 часа утра англичане начали атаку на правом фланге. Французские сипаи, недавно набранные и плохо обученные, сопротивлялись вяло. Английские войска передвинули свои батареи и под прикрытием артиллерии стали продвигаться на правом фланге, видимо желая зайти в тыл и окружить французов. Однако в самый последний момент, когда, казалось, бригадир Стюарт достиг своей цели, французские орудия, умело расставленные Бюсси, открыли огонь по англичанам. Те потеряли много солдат, смешали строй и отошли. Спустя час английские войска вновь пошли в атаку на правом фланге. Бюсси перебросил с левого фланга подкрепление, и англичане опять отступили. В 8 часов утра англичане предприняли генеральную атаку с целью захватить французские пушки.

Бюсси приказал держать оборону. На протяжении трех часов англичане атаковали правый фланг. Офицер, командовавший этим крылом, ирландец Бент, показал чудеса храбрости, воодушевляя своих солдат. Когда в очередной раз он останавливал солдат и сипаев, не выдержавших английской атаки, пуля настигла его. Англичане, увидев, что Бент убит, бросились в штыковую атаку. Но из-за деревьев появились солдаты лучше-

го французского подразделения — Австразийской бригады, они двинулись на неприятеля с обнаженными штыками наперевес. Англичане вновь смешались и отступили. Если бы Бюсси располагал конницей, судьба сражения была бы решена. Через час последовала новая атака на правом фланге, и англичанам удалось захватить эту позицию, правда ценой больших потерь. На дальнейшее продвижение английские солдаты, видимо, были неспособны, многочисленные жертвы и нестерпимая даже для этих мест жара препятствовали новым атакам.

К вечеру Бюсси принял решение отойти в Куддалур. Это решение было правильным. Англичане, которых было почти в семь раз больше, могли получить в любой момент новое подкрепление. В битве у реки Понниар французы потеряли незначительное число солдат — около 200 человек. У атакующих англичан потери достигали 2000. Битва под Куддалуром продемонстрировала по-прежнему незаурядный военный талант Бюсси. Выдержать атаку противника, силы которого превышали собственные во много раз, и нанести ему серьезный ущерб мог только опытный и смелый генерал. Теперь, значительно обескровив противника, Бюсси рассчитывал не на решительный штурм неприятеля, а на длительную осаду и надеялся, что флот Сюффрена все-таки подойдет к Куддалуру.

И действительно, 11 июня Сюффрен снялся с якоря и через два дня уже крейсировал вдоль Коромандельского побережья. Английский адмирал Хьюз не принял боя. Наконец 20 июня произошла ожесточенная морская перестрелка. Через четыре часа англичане ушли на север. Таким образом, бой выиграл Сюффрен. Два дня спустя французский флот пытался навязать новый бой. Но англичане уклонились от сражения. 23 июня французская эскадра торжественно вернулась в Куддалур. Бюсси всячески поздравлял Сюффрена, выдвигал его на первый план, а сам старался держаться в стороне. То, что поверхностным мемуаристам казалось безынициативностью и чудачеством, возможно, было очередным дипломатическим приемом Бюсси. Благодаря его поведению Сюффрен, резкий и нетерпеливый человек, ни разу не выразил открытого недовольства действиями военных властей.

Последней операцией этой войны была вылазка

французов из Куддалура. Она оказалась довольно неудачной, ибо несколько офицеров попало в засаду к англичанам, хотя и удалось похитить два английских знамени. Однако решающего значения в общем ходе военных действий это событие не имело. Англичане, видя поддержку флота, не рискнули атаковать Куддалур, несмотря на то что имели большое численное превосходство.

Вскоре пришли первые сведения о переговорах между Англией и Францией, и был заключен мир. Военные действия прекратились, Бюсси оставил англичанам Куддалур и переселился в разрушенный Пондишери. Французские администраторы вновь появились во французских факториях. Сюффрен отбыл во Францию. Бюсси стал генерал-губернатором Французской Индии. Но управлял он своей крошечной территорией недолго: в 1785 году последний крупный деятель Французской Индии умер.

В рапортах, мемуарах, письмах современников о колониальных войнах, в частности о войне в Карнатике 1780—1782 годов, почти не встречается сведений о местных жителях и о их судьбе. Для большинства колонизаторов, французских и английских, индийцы как бы сливались с ландшафтом, на котором разворачивались военные действия. Но все же попадаются воспоминания об Индии того времени; разрозненные описания рисуют печальную картину Карнатика 80-х годов XVIII в. Таковы, например, мемуары католического священника Пиррена. «Я был свидетелем, — пишет он, — ужасного несчастья — голода, продолжавшегося почти два года. От этого голода пострадало 15 миллионов человек, треть из них умерли». Пиррен далее рассказывает о нашествии Хайдара Али в Карнатик в 1780 году: «Он пришел отомстить англичанам за захват Пондишери... У него было 100 тысяч воинов и еще 300 тысяч человек». Все запасы продовольствия были разграблены. Поля опустошены. Население городов и деревень бежало в джунгли и необжитые места. Здесь не было никакой пищи, кроме коры и листьев.

Пиррен рассказывает, что он и несколько десятков индийцев жили общиной, имея кое-какие запасы продовольствия. Однажды произошло несчастье: их обнаружил отряд Хайдара Али. Майсурцы хотели отнять мизерные запасы риса. Но Пиррен уговорил начальника

отряда оставить общине рис. «Я сохранил своим духовным детям и пищу».

Тысячи людей умирали на глазах у священника, и он ничем не мог им помочь. Люди, терявшие рассудок, пытались жевать даже высохшие ветки деревьев. Пиррен сообщает, что неприкасаемые легче переносили голод, ибо у них не существовало кастовых запретов питаться падалью. Они подбирали трупы животных и птиц. Но многие из них, особенно дети, умирали от отравления.

«Но именно в это время,— продолжает Пиррен,— я встречал богачей с каменными сердцами. Я хочу нарисовать портрет одного из этих жестоких чудовищ.

Однажды, когда я шел по берегу моря, вдыхая свежий морской воздух, стараясь избавиться от постоянно преследующего меня трупного запаха, я увидел дом, склады и магазин одного богатого французского купца. Я знал этого человека, он производил впечатление доброго человека. Особенно предупредительным и веселым казался он во время погрузки на корабль, который отправлялся в Европу, тюков тончайшей ткани, закупленной в Масулипатаме. Но сейчас купец был похож на злобного цербера, охраняющего сокровища. И какие сокровища — рис! Рис, спрятанный в его подвалах, мог спасти от смерти тысячи людей.

Купец, хранивший в мешках и бочках рис, ждал своего часа, чтобы превратить каждую крупинку в монету, когда голод станет еще более нестерпимым. Этот человек не испытывал угрызений совести, а гордился своей предприимчивостью.

Но это еще не все. Я заметил во дворе кормушки, наполненные маслянистой массой из гнилого и неочищенного риса — пищей для свиней. За забором купеческого двора, где валялись неубранные трупы, толпилось несколько десятков истощенных людей, живых скелетов, жадно глядевших на кормушки со свиным пойлom. Те, кто имел деньги, могли получить небольшую порцию. Слуги купца вели бойкую торговлю. Когда одна обезумевшая женщина перелезла через забор, самовольно схватила горсть этой мерзкой каши и тут же стала есть, купец пришел в ярость, вместе с двумя своими слугами он бросился на женщину, ее избили и перебросили через забор. У меня нет сил продолжать этот печальный рассказ», — пишет Пиррен.

Нетрудно представить, как разбогател этот с виду добродушный торговец на голоде. И разве он один! Десятки и сотни чиновников из Европы обогащались за счет миллионов голодающих.

* * *

После заключения мира в 1783 году Франция вновь вернула себе свои колонии: Пондишери, Шандернагор, Маэ, Янам и Карикал. Французские флаги развевались над официальными зданиями в этих местах вплоть до 1954 года, до тех пор, когда французские колонии воссоединились с Индией, ставшей самостоятельным государством. Начиная с конца XVIII века полновластными хозяевами страны до 1947 года были англичане. В 1793 году они оккупировали все французские колонии и распустили органы власти, возникшие там под влиянием Французской революции. В 1802 году Англия возвратила Наполеону колонии, но в 1803-м вновь ввела свои войска.

Пондишери и другие французские владения были переданы правительству Людовика XVIII после реставрации Бурбонов в 1816 году. На протяжении почти 150 лет в Индии существовали колонии Франции, небольшие городки с населением, не превышавшим 20 тысяч человек. Только Пондишери был сравнительно большим городом, в нем сейчас живет более 200 тысяч человек. В Пондишери причудливо сплелись две разные культуры. Бывшая столица Французской Индии сохранила до сих пор черты провинциального французского города. Здесь можно увидеть старомодные кафе и бистро, которые почти не встречаются в Европе, и на улице перемежается тамильская и французская речь. И как немой свидетель бурного прошлого грустно стоит на постаменте бронзовый Дюплекс.

Победа при Плесси обеспечила Англии захват самой богатой провинции Индии — Бенгалии; битва при Буксаре окончательно утвердила британское господство в Индии; поражение французской армии при Валдеваше означало конец попыткам создания французской колониальной империи. Наступила пора безраздельного хозяйничанья англичан в Индии. В многочисленных работах, посвященных истории Индии, можно встретить высказывания о роковом стечении обстоятельств, помешавших французам утвердиться в Индии. Если бы Лабурдонне и Дюплекс действовали согласованно, то Южная Индия принадлежала бы Франции; если бы Дюплекс не был отставлен, то англичане не смогли бы добиться успехов в Бенгалии; если бы Лалли не отозвал Бюсси из Декана, то судьба Французской Индии сложилась бы иначе, и т. д. Но эти предположения выглядят неубедительно. Английские завоеватели совершали десятки ошибок, терпели поражения. Внутри правления английской Ост-Индской компании и между отдельными ее представителями кипела ожесточенная борьба. Но это не помешало Англии утвердиться в Индии.

До 1784 года английская Ост-Индская компания не была официальным правительственным учреждением, однако она органически срослась с английской буржуазной монархией. К. Маркс писал: «Союз между конституционной монархией и пользующимися монополией денежными магнатами, между Ост-Индской компанией и „славной“ революцией 1688 г. был взлелеян той же самой силой, которая во все времена и во всех странах связывала и объединяла либеральный капитал и либеральные династии, а именно силой коррупции... Британское правительство вело в течение двух столетий войны, прикрываясь именем Компании... Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего

XVIII в., приобретались не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации страны и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию».

Французская Компания обеих Индий, хотя и была официально подчинена королевской власти, являлась периферийным звеном в громоздком правительственном аппарате феодально-абсолютистского государства. Экономическая отсталость Франции, отсталость ее политического строя обрекли страну на поражение. Дюплекс первый создал большие регулярные сипайские войска, первый активно использовал внутрифеодальные распри. Сражение при Амбуре, в котором была разбита армия наваба Карнатика, разгром французами Насир Джалга были событиями, не уступавшими по своим масштабам битвам при Плесси и при Буксаре. По-видимому, Клайв в Бенгалии использовал опыт Бюсси в Декане. Договор Бюсси с низамом о Северных Саркарах явился образцом субсидиарных договоров, которые стали основой британской колониальной политики во второй половине XVIII века.

Но все дипломатические и военные победы французов в XVIII веке в Индии не могли иметь далеко идущих последствий для королевства. Французская феодальная монархия была не способна к длительному соперничеству с более высоко развитым экономически и вследствие этого более агрессивным противником. Во Франции нарастала революционная ситуация. Наступало время, когда, по словам Ленина, «„верхи не могли“ жить по-старому». Крах французской колониальной политики отражал внутреннее положение этой страны.

Лишь в XIX веке завоевавшая политическую власть французская буржуазия приступила к активным колониальным захватам. Именно тогда ее кумиром стал Дюплекс, его памятник был торжественно установлен в Пондишери. Имя Бюсси большого интереса не вызывало. Более того, ряд авторов популярных книг обвиняли его в измене, вспоминая его пассивность в 1757 году, его вражду к Лалли и забывая, что многими своими успехами в Индии Франция обязана военному и дипломатическому таланту Бюсси.

Дюплекс импонировал идеологам колониализма потому, что был сторонником создания колониальной империи, хотя и терпел поражения на своем пути. Бюсси

раздражал многих официальных авторов, ибо, несмотря на свои победы в Индии, не был одержим колонизаторскими планами. Бюсси нельзя назвать благородным рыцарем, этот французский офицер проявлял себя человеком жестоким, равнодушным к судьбе местного населения, жизнь которого он знал и понимал лучше многих своих современников. Политические взгляды Бюсси, если судить по его письмам и дневникам, не отличались большой оригинальностью. Просвещенный дворянин XVIII века идеализировал французскую монархию, считая ее основой порядка и законности в Индии. Для него понятие чести значило больше, чем политическая выгода. В этом он отличался от Дюплекса и особенно от своего удачливого соперника — Клайва. Последний (достаточно вспомнить события, связанные с битвой при Плесси) мог пойти на любой обман и подлог.

Военные таланты Бюсси не получили истинного признания вершителей политики Франции в XVIII веке. Отношение к нему королевских сановников нашло свою точную оценку в «Хронологических выписках по истории Индии» Маркса: «Теперь Бюсси — диктатор всего Декана; тупые завистливые каналы (*Gesinde*) Людовика XV тут-то и сместили этого человека...».

Не повезло завоевателю Декана и в новое время. Французский военачальник, не потерпевший ни одного поражения в Индии, остался фигурой второго плана во французской истории, ибо ему не могли простить «недостаточного рвения» к созданию французской колониальной империи.

1. Маркс К., Британское владычество в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 130—136.
2. Маркс К., Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 151—160.
3. Маркс К., Будущие результаты британского владычества в Индии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 224—230.
4. Маркс К., Хронологические выписки по истории Индии (664—1858 гг.), М., 1947.
5. Абрамян Г. А., Армянские источники XVIII в. об Индии, Ереван, 1968.
6. Алаев Л. Б. Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII веков, М., 1964.
7. Антонова К. А., Англо-французская борьба за Индию и роль государства Майсор в 1769—1784 гг.,— «Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957, стр. 116—134.
8. Антонова К. А., Английское завоевание Индии в XVIII веке, М., 1958.
9. Афанасьев Г. Е., Лалли Толландадь и его процесс о государственной измене. Публичная лекция, Киев, 1900.
10. Бернье Ф., История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, М.—Л., 1936.
11. История Индии в средние века, М., 1968.
12. Касты в Индии, М., 1965.
13. Мухаммад-Казим, Поход Надир-шаха в Индию, М., 1961.
14. Неру Дж., Открытие Индии, М., 1955.
15. Новая история Индии, М., 1961.
16. Радциг Н. И., Страница из истории французского империализма XVIII в. Дюпле в Индии. 1722—1754,— «Труды Яросл. пед. ин-та», т. IV, вып. I, Ярославль, 1929.
17. Рейснер И. М., Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв., М., 1961.
18. Гарле Е. В., Очерки истории колониальной политики западно-европейских государств (конец XV — начало XIX в.), М.—Л., 1965.
19. Чичеров А. И. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием, М., 1965.
20. Besson M., Les aventuriers français aux Indes (1775—1820), Paris, 1932.
21. The Cambridge History of India, vol. V, Cambridge, 1929.

22. Carre H., François Martin — fondateur de l'Inde française. 1665—1706, Paris, 1946.
23. Charpentier J., Dupleix et l'empire des Indes, Tours, 1937.
24. Correspondance du Conseil supérieur de Pondichéry et de la Compagnie des Indes, 1726 à 1767, vol. V, Paris, 1916.
25. Cultru R., Dupleix, ses plans politiques, sa disgrâce, Paris, 1901.
26. Dodwell H., Dupleix and Clive, London, 1967.
27. Edwardes M., Plassey. The Founding of an Empire, New York, 1969.
28. Les français dans l'Inde. Dupleix et Labourdonnais. Extraits du journal d'Anandarangappoullé (1736—1748), Paris, 1894.
29. Glachant R., Histoire de l'Inde des Français, Paris, 1965.
30. Glachant R., Un conquérant sans étoile, le marquis de Bussy (1720—1785), — «Revue d'histoire diplomatique», 1968, oct.—déc., стр. 289—314.
31. Hamont T., Lally-Tollendal, Paris, 1887.
32. Hatalcar V. G., Relations between the French and the Marathas (1668—1815), Bombay, 1958.
33. Martineau A., Dupleix et l'Inde française, vol. I—IV, Paris, 1920—1928.
34. Martineau A., Les dernières années de Dupleix, Paris, 1929.
35. Martineau A., Bussy et l'Inde française, 1720—1785, Paris, 1935.
36. La Mazière P., Lally-Tollendal, Paris, 1934.
37. Nawwab Samsam-ud-Daula. Shah Nawaz Khan and his Son Abdul Havy, The Maathir-ul-Umara. Being biographies of the Muhammadan and Hindu officers of the Timurid Sovereigns of India from 1500 about 1780 A. D. Transl. by H. Beveridge... Rev. annot. and compl. by Bainsi Prashad, vol. I—II, Calcutta, 1911—1941, 1952.
38. Sarkar J., Fall of the Mughal Empire, vols. I, II, IV, Calcutta, 1949—1950.
39. Sen S. P., The French in India. First Establishment and Struggle, Calcutta, 1947.
40. Sen S. P., The French in India. 1763—1816, Calcutta, 1958.
41. Weber H., La compagnie française des Indes (1604—1875), Paris, 1904.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Основание Пондишери. Франсуа Мартен	13
Глава вторая. Первый этап англо-французской войны	35
Глава третья. Война в Карнатике (1749—1754)	95
Глава четвертая. Бюсси. Завоевание Декана	131
Глава пятая. Лалли-Толландадь. Поражение французов	166
Глава шестая. Французские авантюристы в Индии	188
Глава седьмая. Последняя экспедиция Бюсси	205
Заключение	219
Литература	222

Анаголий Борисович Каплан

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

Французы в Индии

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *И. С. Лесных*. Младший редактор *И. В. Бушуева*
Художник *А. Озерезская*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*. Корректор *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 5/VI 1973 г. Подписано к печати 4/IX 1973 г.
А-06921. Формат 84 X 108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,76
Уч.-изд. л. 12,38. Тираж 15 000 экз. Изд. № 3191. Зак. № 523. Цена 41 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4